САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

РУКА КРОМА

Джон Маддокс Робертс

Судьба не балует тех, кто выбрал дорогу славы

Annotation

Потерпевшего кораблекрушение Конана выбрасывает на северный берег Вилайета, где его спасает торговец. Вынужденный остаться зимовать, киммериец помогает королеве Альквине победить в борьбе местных племен…

- Конан Победитель
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая

Конан Победитель

Глава первая
МОРЕ БУРЬ

Два дня и три ночи бушевала буря на море, дико вздымались грозные, высокие, как горы, волны. Их пенные гребни жестоко сражались друг с другом, как в те времена, когда мир еще был молод и шла война богов и гигантов. Не напрасно море Вилайет прозвали Морем Бурь, называли его еще и Отцом Океанов, были и многие другие названия, которыми люди пытались выразить свой страх перед этим морем, потому что оно, обычно спокойное, со всех сторон окруженное сушей, иногда вдруг, совершенно неожиданно, превращалось в дикий первобытный хаос, настоящую могилу моряков.

Но не об этом думал человек, которого швыряло и кружило в волнах. На второй день шторма его корабль был разбит мощным ударом волны, и с тех пор он плыл по воле стихий. Он привязал себя к жалкому обломку корабельной мачты и паре досок. Бурное волнение и ледяная вода вымотали его почти до потери сознания. В голове оставалась лишь одна мысль: шторм гонит его к северу, а там море Вилайет сужается. Значит, скоро его выбросит на берег. Это был единственный шанс остаться в живых. Как только он начнет приближаться к берегу, надо будет освободиться от каната, которым он привязал себя к мачте, иначе его может расплющить в лепешку ударом о прибрежную скалу. За поясом у пловца был длинный и изогнутый кофский кинжал. Как следует размяв пальцы, окоченевшие в холодной воде, он готовился пустить в ход кинжал, едва впереди покажется берег. И только эта мысль и оставалась у него, а буря меж тем страшно завывала, и море взвивалось на дыбы под ударами ее плети.

Утром, на следующий день после бури, Давас встал рано. Он хотел посмотреть, что выбросило море на этот раз. Море уже принесло им множество интересных вещей, иногда среди них были предметы, которые удавалось выгодно продать. А прибылью никогда не следует пренебрегать. С этой мыслью он накинул на плечи плащ из местной, грубо спряденной шерсти и распахнул дверь своей маленькой лавки — она была самой дальней здесь, на севере, из всех торговых заведений братьев Кир, которые жили в городе Аграпуре и оттуда руководили торговлей.

Лавка располагалась на берегу крохотной бухточки у западного берега моря Вилайет, там, где его ширина не достигала и двух миль. В это утро море было спокойным. Вилайет представлял собой мелкое, со всех сторон окруженное сушей море, и потому если на западе штормовая погода вызывала сравнительно небольшое морское волнение, здесь при таком же ветре волны достигали поистине гигантских размеров. По этой же причине море Вилайет, в котором не было приливов и отливов, в штиль бывало гладким, как зеркало.

Давас увидел, что бурей вынесло на берег множество разной всячины: стволы деревьев, сор, массу водорослей. Многое было принесено с юга. На берегу лежали мертвые рыбы и какой-то морской зверь, но янтаря, этого драгоценного подарка стихии, Давас не обнаружил. Конечно, выгоднее всего было бы найти обломки корабля, ведь на нем мог оказаться груз, а груз всегда можно продать. Давас решил послать своих слуг, чтобы они прошли подальше вдоль берега на север и на юг и поискали, нет ли где-нибудь обломков судна. Делать это надо было, разумеется, тайком, потому что здешние правители считали такую добычу своей

собственностью. Давас хотел уже повернуть назад, как вдруг заметил человеческое тело.

Море часто выбрасывало из своих глубин мертвецов, но они-то вообще ни гроша не стоили. Украшений у моряков чаще всего не было, если не считать какого-нибудь кольца в ухе. А уж этот, в набедренной повязке, явно не был богатым пассажиром. Но зато утопленник был настоящий великан. Чтобы сбросить его в море, придется позвать нескольких слуг. Давас не хотел, чтобы дух этого парня блуждал здесь, в окрестностях его лавки. Духи утонувших моряков должны жить в море. Там их родная стихия.

Давас уже собрался уйти, как вдруг услышал, что великан пошевелился и застонал. Давас замер. Значит, этот колосс был ранен, выбился из сил в борьбе со стихией, посинел от холода — и все-таки он был жив. Человека на берегу стало рвать морской водой. Давас побежал к дому, чтобы позвать на помощь слуг.

Конан проснулся в темной низкой хижине со стенами, сложенными из грубо отесанных плоских камней без штукатурки. Щели между камнями были законопачены мхом. В верхней части одной из стен было устроено нечто вроде большого люка с крышкой, которая держалась на петлях, так что при хорошей погоде этот ставень можно было поднять и закрепить в открытом положении. Благодаря этому приспособлению хижина служила и торговой лавкой, в окно подавались товары. Но сейчас ставень был опущен и завешен от сквозняка куском мешковины. В помещении громоздились бочки, мешки, ящики и тюки. На некоторых из них были надписи на туранском языке. В камине горели дрова — принесенные морем куски дерева, обломки досок. Из-за морской соли, пропитавшей древесину, дрова эти вспыхивали яркими искрами.

Конан лежал на звериной шкуре, укрыт он был грубым шерстяным одеялом. Стены хижины то поднимались, то опускались, словно при землетрясении. Конан знал, что это только кажется — потому что его долго носило по волнам. «Судя по всему, я жив», — подумал он. Для него эта мысль не была какой-то особенной или странной. За свою жизнь он пережил множество смертельно опасных ситуаций, их было так много, что и сам он не помнил сколько.

В хижине, кроме него, было по меньшей мере еще двое мужчин. Совсем уж недружелюбными они, конечно, не будут, ведь глотку ему перерезать они вполне могли раньше, при более благоприятных обстоятельствах. Заметив туранские надписи на тюках и ящиках, Конан решил начать разговор именно на этом языке.

— Где я? — Голос его скорее походил на хриплое карканье вороны, чем на голос человека, однако привлек внимание одного из мужчин, кутавшегося в теплый плащ. Черты лица у него были туранские. И ответил он Конану тоже по-турански:

— Добро пожаловать в землю живых, друг. Я рад сказать тебе, что земля эта — сухая, хоть холод здесь и собачий.

— Всякая суша лучше, чем море Вилайет в бурю, — отвечал Конан. — А ты, должно быть, торговец?

— Да, состою на службе у братьев Кир. — Торговец прижал к груди пальцы и слегка поклонился: — Мое имя Давас.

— А я — Конан из… — Он хотел сказать «из Красного Братства», но нашел лучший ответ: — Из Киммерии. Я служил на одном корабле. Шторм напал на нас где-то к югу отсюда. — В животе у Конана громко заурчало. Хозяин взмахом руки подозвал слугу. Тот тоже был туранец, но принадлежащий к низшей касте. Он принес резную деревянную чашу,

полную дымящегося горячего вина с пряностями.

— Вот, пусть твой желудок немного отогреется, — сказал Давас. — Потом попробуем перейти на твердую пищу. Вероятно, ты много дней ничего не ел. Я видел, что ты исторг из своего желудка огромное количество соленой морской воды.

— Да уж, чем-чем, а ею я был сыт. Вот о другой еде и не думал, — уже чуть живей сказал Конан. Он выпил горячего вина, и ему, едва не погибшему в волнах, оно как нельзя лучше пошло на пользу. — Как называется эта страна? Наш корабль заходил в гавань неподалеку от северной границы Турана, как раз там мы и попали в шторм. — Конан счел необходимым умолчать о том, что они разграбили гавань и поселок.

— Тебя отнесло далеко на север, — принялся объяснять Давас. — Отсюда до крайней северной точки моря Вилайет не больше пятидесяти миль. Дальше к северу лежит страна Снежных великанов и драконов. Настоящих царств у нас тут нет, здесь правят мелкие князья. Каждый из них владычит в обширных землях, но господство правителя не простирается дальше пределов, в которых силен его меч.

Конан кивнул. То же самое можно было сказать о большей части северных земель, где вся жизнь была устроена примитивно, на основе племенных отношений.

Слуга принес миску с густым пахучим супом из мяса и уложенные стопкой лепешки, которые оказались жесткими, как кожа.

— А ты в этом году задержался здесь довольно долго, — заметил Конан, прожевывая лепешку. — Ты собираешься зазимовать в этих краях?

— Наверное, придется, — ответил Давас. Он налил и себе вина, потом во второй раз наполнил кубок Конана. — Последний корабль, который обычно приходит до наступления зимы, должен был появиться еще несколько дней тому назад, чтобы отвезти нас и оставшийся непроданным товар назад в Аграпур. Должно быть, что-то случилось. Из-за бури, наверное, корабля до сих пор нет.

Конан подумал: уж не тот ли это корабль, который он со своими дружками захватил и разграбил?

— Конечно. В Вилайете судам грозит множество опасностей. А зимой станет тебя защищать кто-нибудь из местных князей?

— Может быть, — недовольно ответил Давас. — В конце концов, они ведь зависят от торговли с югом. Мы торгуем товарами, которые здесь не изготавливаются. И тем не менее все здешние правители немыслимо жадные. А кроме того, здесь промышляют шайки преступников. Да, зима будет суровой… Если перезимуем без ущерба для нашей торговли и останемся живы, то это будет большой удачей.

— Кто здешний правитель? — спросил Конан.

— Князя, который притязает на эти земли и называет их своим королевством, зовут Одоак. Его народ, вернее, его племя называется тунгами. Грубый это народ, так и смотрят, как бы урвать где золота или шелка и других роскошных изделий с юга. Они выменивают все это на свои меха и рабов, которых отбивают у других племен.

— Ты тоже занимаешься работорговлей? — насторожившись, спросил Конан. Вполне ведь могло оказаться, что торговец спас ему жизнь вовсе не из благородных побуждений.

— Нет. У нас заключено соглашение с династией Яфдала о том, что мы ведем торговлю только неживым товаром, а работорговлей заниматься предоставляем им. Чтобы перевозить рабов, нужны особые суда. Так что торговать товарами и рабами одновременно довольно невыгодное дело. А сейчас загон для рабов пустует, потому что работорговец Яфдала уже

месяц как уехал.

Конан почувствовал, как на душе полегчало. У него было еще немало вопросов, но сейчас его одолевала дремота, и он не стал больше ни о чем спрашивать.

В следующие два дня Конан постепенно оправился от перенесенных мучений. На третий день он был уже силен и крепок, как прежде, и с радостью отправился бы куда-нибудь дальше. Давас только диву давался, глядя, как поправляется этот парень. Он-то думал, что Конана придется выхаживать по крайней мере целый месяц. Давас присмотрелся к этому странному варвару. Конан, словно пантера, шнырял по округе и часто подолгу глядел на вершины поросших лесами гор. Если бы Давас был работорговцем, он внес бы имя Конана в свой торговый список с такой пометкой: «Пол мужской, возраст около тридцати лет, очень силен, волосы иссиня-черные, глаза голубые, кожа светлая, но загорелая и огрубевшая, рост высокий, сложение крепкое, все зубы полностью сохранились. Родом с севера, первый сорт».

В один из редких солнечных дней в начале зимы Давас, укутавшись в одеяла, расположился на воздухе и кисточкой писал что-то на свитке, который лежал перед ним на низком столике. К нему подошел Конан. Киммериец был одет в короткую куртку из волчьего меха — ее дал ему Давас — и такие же штаны до колен. На ногах у него были грубые сандалии. Руки до плеч и ноги оставались голыми, что, видимо, отвечало его северной натуре.

— Что ты пишешь? — спросил он.

— Я вообразил, будто бы у меня есть кое-какие качества ученого. Ну а раз уж приходится провести тут какое-то время, пополняю мои путевые записи, хотя, Митра мне порукой, про эти северные земли много не напишешь.

— Здесь идут сейчас какие-нибудь войны?

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Потому что мне нужно чем-то заняться. До весны, как ты говоришь, сюда вряд ли придет какое-нибудь судно. А я, если не служу на корабле, воюю, я наемник. Если где-то идет война, я сумею заработать себе на жизнь.

— Оставайся лучше у меня, — предложил Давас. — Мне приятно твое общество. Ты побывал в разных краях. Я хотел бы узнать от тебя побольше про те места, где ты бывал. Продовольствия нам хватит на зиму, запасли достаточно. Кроме того, здешние рыбаки и охотники часто приносят мне свою добычу на продажу. Голодать нам не придется.

— С твоей стороны очень гостеприимно предлагать мне остаться. Благодарю тебя. Но не по мне это — сидеть сиднем несколько месяцев на одном месте. Если ты дашь мне на время какое-нибудь оружие, я тебе потом заплачу за него из того, что заработаю на войне.

— Ну хорошо, — вздохнул Давас. Он начал рисовать на столике упрощенную карту. — Вот здесь — мы. Севернее начинается степь. Здесь земля гористая, кругом дремучие леса, в основном хвойные. Больших рек нет, но есть много мелких речек, скоро они замерзнут. Кроме племени царя Одоака, здесь, на севере, есть люди бога Тора, торманны Их вождя зовут Тотила. К востоку от владений этих двух властителей лежит страна царицы Альквины из рода камбров. Говорят, она очень красива Я, правда, сам ее никогда не видел. И тот и другой правитель, и Одоак, и Тотила, хотят укрепить свое могущество, женившись на Альквине Оба за ней ухаживают, но она никому не отдает предпочтения И потому они беспрерывно воюют друг с другом Есть и другие племена и правители, но по-настоящему что-то значат только эти двое

— Не слишком богатый у меня выбор, — заметил Конан — Пожалуй, я предложу свои

услуги одному из них, а там посмотрим, не заплатит ли другой больше.

— Нет, никогда мне не понять — почему это воины презирают нас, торговцев? — сказал Давас. — Сами-то они торгуются из-за оплаты не хуже нас, когда мы набиваем цену на товар

Конан ухмыльнулся:

— Наш товар единственный в своем роде. Вот, скажем, если эта рукоять меча, — он согнул руку, показывая могучие мускулы, — если она откажет, ее не так-то просто заменить другой. — Он откинул голову назад и громко захохотал, словно высказал очень смешную мысль. — Ну ладно. Какое у тебя оружие? Я еще не встречал торговца, у которого не было бы припрятано хотя бы два меча.

Давас приказал слугам принести оружие и доспехи. Конан очень тщательно все осмотрел.

— Это все, что у меня есть, — сказал Давас. — На юге нет сбыта. Держу их только потому, что здешние воины или те, кто воображают себя воинами, иногда покупают. С юга я привожу только клинки, потому что здешние вояки приделывают к ним рукояти своей работы.

Конан взял в руки один из мечей. Он был тяжелый и старомодный, но клинок был из доброй стали. Клинок расширялся, как лист растения, над узкой «талией» и заканчивался длинным острием. Рукоять была бронзовая, обернутая полоской кожи.

Панцирь был сделан из бронзовых пластинок и доходил Конану лишь до середины груди. Конан примерил несколько панцирей, пока не подобрал такой, который целиком закрывал его широкую грудь. Шлемы также были бронзовые и, как и панцирь, украшены выпуклыми шишечками. У всех шлемов были разные по форме щитки, прикрывавшие переносицу, щеки и затылок. На некоторых имелись украшения в виде фигурок зверей. Конан выбрал шлем со щитками, закрывавшими щеки, и украшением в виде маленькой серебряной фигурки кабана.

Для правой руки он взял толстый кожаный нарукавник с накладками из бронзы. Для левой руки ничего не нужно было, потому что ее должен прикрывать щит. Он выбрал один из щитов. Все они были одинаковы — круглые, состоящие из двух слоев перекрещенных дубовых досок различной толщины. Для прочности щит был обит внутри и снаружи железом. Потом киммериец подобрал для себя копье из дерева ясеня, со стальным наконечником. Теперь он был вооружен против любого врага.

— Здешние воины предпочитают бронзу, — заметил он.

— И выделывают ее здесь превосходно, — сказал Давас. — Железо они не умеют выделать в той форме, какая им нужна, и его используют только для орудий труда или для укрепления щитов. Ты теперь вооружен как настоящий свободный воин. А кстати, не каждый может позволить себе купить панцирь, многие носят вместо него рубаху, сшитую в несколько слоев из оленьей кожи. Такая рубаха хотя бы греет в стужу, однако не защищает так хорошо, как панцирь. У вождей и царей вооружение и доспехи драгоценные, украшенные золотом, серебром и янтарем.

— А как здесь ведут боевые действия? — поинтересовался Конан, профессионал ратного дела.

— Я в войнах мало смыслю, — отвечал Давас. — По моему мнению, они дерутся как вооруженный сброд. Я видел армии Турана на параде у стен Аграпура. У каждого воина свое место в строю, все шагают ровно, как по линейке, и всадники скачут будто один человек на одном коне. А здесь! Собьются в кучу на поле и размахивают оружием, пока одна сторона не одолеет. Я слышал, что после таких битв, бывает, и вовсе никого не остается, кто может

держаться на ногах.

— Значит, они воюют так же, как и все прочие племена севера, которые мне известны, — с удовлетворением подвел итог Конан. — Это хорошо, потому что сам я тоже с севера и сражаюсь так же, как они.

В это время слуга Даваса крикнул:

— Господин! Я вижу всадников!

Давас обернулся в ту сторону, где вдали от берега начинались леса. На фоне темных деревьев едва различима была маленькая группа всадников.

— Четверо, — сказал Конан. Его зоркие глаза весело заблестели. — Все вооружены. Как ты думаешь, они замышляют что-то недоброе?

— Это мы узнаем, как только они будут здесь, — обеспокоенно ответил Давас. — Если это люди Одоака, то, скорее всего, они не станут нас грабить. Но может быть, это разбойники.

— Разбойники или солдаты. Не стоит бояться, их всего четверо.

Давас удивленно поглядел на Конана.

— А у тебя, друг мой, недурное мнение о себе, — сказал он.

Конан улыбнулся.

Всадники скакали на низкорослых крепких лошадях с лохматыми нестрижеными гривами и хвостами Такой же неряшливый вид был и у самих всадников Из-под шлемов торчали темно-русые, а у кого-то рыжеватые волосы, длинные и нечесаные; бороды тоже были не стрижены и спускались на грудь. Все четверо были вооружены так же, как Конан. Всадники въехали во двор лавки Даваса. Один из них, с серебряным вороном на шлеме, опередил остальных и заговорил с Давасом, не спуская при этом глаз с Конана.

— Приветствую тебя, торговец! Мы — люди Одоака. Наш вождь желает знать, не вынесло ли недавней бурей на берег что-либо ценное.

— Нет, ничего, кроме обломков дерева и разной дряни, — отвечал Давас. — Удалось ли вам захватить более богатую добычу на побережье?

Всадник указал на мешки, которые были навьючены на спине одного из коней:

— Нашли немного отличного янтаря и кораллы — Потом он кивнул головой в сторону Конана, смотревшего на пришельца без тени смущения: — А кто этот человек? По его внешности я вижу, что он не принадлежит к нашему племени.

Прежде чем Конан успел что-либо ответить, Давас сказал:

— Это просто несчастный моряк, потерпевший крушение. Его вышвырнули на берег волны. От его корабля остался только обломок мачты, но и тот настолько просмоленный, что дерево не годится даже на дрова.

— Ты что, не слышал, о чем я спрашиваю? Меня интересует то, что имеет цену Раз его выбросило на берег, значит, он — наша добыча и собственность короля Здоровый парень, работорговцы выручат за него хорошие деньги

Было время, когда за такие слова Конан не сходя с места раскроил бы череп наглецу. Но годы и жизненный опыт научили его благоразумной сдержанности, которая была тем более уместна здесь, в чужой стране Поэтому он сказал:

— Я не хочу сражаться с тобой в доме моего друга. Если ты действительно собираешься продать меня работорговцам, то давай выйдем в открытое поле. И я выпущу из тебя кишки и задушу ими твоих дружков!

При этих словах Давас побледнел. Но предводитель всадников только ухмыльнулся:

— Ты осмелился дерзить человеку, за которым перевес сил — нас четверо.

— Тебя я убью первым. Против меня уже останется трое. А с тремя врагами мне не раз приходилось биться. И мне потребуется не больше трех ударов, чтобы покончить с ними. — Конан невозмутимо улыбнулся.

— Самонадеянный болван! — воскликнул всадник — Твое счастье, что этот торговец находится под защитой самого короля. Смотри не попадись мне где-нибудь в другом месте! — И, не дав Конану времени ответить, предводитель всадников развернул коня и поскакал прочь со двора. Следом за ним двинулись и его спутники.

— А ведь дело было серьезное, — сказал Давас. Он не сразу пришел в себя и теперь с облегчением вздохнул — За такие речи они могли прикончить тебя на месте.

— А что же мне было делать, по-твоему? Сдаться и позволить продать себя работорговцам? И потом, на самом деле вовсе не было причины для страха. Этот парень с вороном на шлеме — попросту надутый пузырь, напяливший на себя бронзовый панцирь. А пузыря не стоит бояться, уж поверь мне — Киммериец хлопнул Даваса по плечу так, что тот присел и едва удержался на ногах. — Пошли, друг, пора ужинать. Завтра я отправляюсь в путь, поеду искать удачи.

Глава вторая
СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Конан отправился на север. Двор короля Одоака был не лучшим местом, где он мог предложить свои услуги в качестве воина, — так он думал, но всерьез это его не беспокоило Можно попытать счастья и при дворе короля Тотилы Что один хозяин, что другой — не все ли равно? Конан находился уже на расстоянии трех дневных пеших переходов от лавки торговца Даваса. Он шел по извилистым тропам в безмолвных лесах, опираясь на копье, как на посох странника Прошлой ночью густыми белыми хлопьями начал падать снег. Конан порадовался, что друг Давас заставил его надеть теплый плащ, рубаху с длинными рукавами и длинные штаны. Он довольно долго пробыл в теплых южных землях, и его прирожденная выносливость и привычка к холодам несколько поуменьшились Киммерийские родичи Конана только покачали бы головами с сожалением, если б увидели, как тепло он одет для такой мягкой, по их понятиям, зимы

Невысокие горы густо поросли сосновым лесом Тишину лишь изредка нарушал жуткий волчий вой. Но киммерийца он не мог испугать. Зима только-только началась, и волки еще не оголодали настолько, чтобы нападать на людей. И вообще, вооруженный мужчина, здоровый и сильный, он не видел причин бояться волков.

И Конан шагал вперед спокойно, даже весело. Север — это его родина Конечно, юг имеет множество привлекательных особенностей, однако здешние холодные земли нравились Конану гораздо больше Он понимал, что за долгую зиму истомился от тоски по теплым краям, но сейчас, шагая по лесу, он радовался тому, что впереди — зима с беспрерывными войнами, которые ведут между собой здешние северные короли. Прошло несколько минут, прежде чем Конан сообразил, что шум битвы, о котором он мечтал, раздается не в его голове, а слышится и правда где-то неподалеку в лесу.

Конан засмеялся и бросился бежать в ту сторону Шум битвы! Эту музыку он любил больше всего на свете. Даже на расстоянии он знал по звуку, вот мечи ударяются в бронзовые щиты, а вот железный наконечник копья со звоном бьет по бронзовому шлему. Он знал даже тот характерный стук, с которым стальное оружие ударяет по деревянным щитам. Но сейчас он слышал еще и громкие крики. Похоже было, что какой-то маленький отряд или малая часть большого воинского формирования отражает нападение врагов. Но насколько он знал северных воинов, они вряд ли стали бы безучастно следить за схваткой своего авангарда.

Конан взобрался на небольшую возвышенность и с ее вершины увидел внизу долину и вьющуюся по ней дорогу. Посреди дороги шло жестокое сражение между воинами в бронзовых доспехах. Конан присмотрелся к ним повнимательнее, одновременно прикидывая, стоит ли ему ввязываться и помогать одной из сторон.

Он начал спускаться с пригорка и на ходу заметил кое-что еще Воинский отряд нападал на двоих — женщину и седобородого старика. Нападавших было много, но одежда и вооружение у них были такие же, как у женщины и старика. «Да, — подумал Конан, — лучше бы им завести у себя воинскую форму и знаки различия, как принято в армиях цивилизованных народов».

Он хотел устроиться где-нибудь на камне и спокойно полюбоваться зрелищем схватки, но тут его взгляд упал на одного из нападавших. Тот самый всадник в шлеме с вороном!

Негодяй, имевший наглость помышлять о том, чтобы продать Конана как товар работорговцам. Это решило дело.

Конан вскочил и с диким воинственным криком киммерийских ратников бросился к сражающимся. От его страшного вопля все замерли. Иные нападавшие обернулись в его сторону. Один из воинов двинулся с поднятым щитом ему навстречу. Конан, не сбавляя скорости, на бегу метнул в него копье. Воин прикрылся щитом, но железное острие копья пробило дерево и вонзилось в горло воина. Разделив надвое его бороду, копье прошло насквозь и на добрую ладонь вышло сзади у основания шеи.

Воин повалился на землю. И тут негодяй с вороном на шлеме узнал Конана.

— Чужестранец! — крикнул он. — Я предостерегал тебя! Зачем ты покинул двор торговца, безмозглый болван? Теперь прощайся с жизнью!

— Уж не ты ли угрожаешь моей жизни, жалкий червяк! — Конан ухмыльнулся. — Я, Конан из Киммерии, готов сразиться с одним из вас или со всеми разом.

Воин с вороном на шлеме был вынужден принять вызов — иначе он лишился бы всякого уважения своих соратников. И потому он вышел вперед и высоко поднял меч:

— Я — Агилульф из рода тунгов! Никто меня не устрашит!

Нападавшие и защищавшиеся воспользовались случаем и на время разошлись в стороны. Опустив оружие, они с жадным интересом следили за происходящим.

Конан встретил взгляд холодных серых глаз женщины. Он отсалютовал ей мечом. И тут же перестал замечать что-либо, кроме противника. Агилульф принял стойку опытного бойца, хорошо владеющего мечом: ноги чуть согнуты, плечи распрямлены, щит на уровне груди — чтобы легко было защитить им и ноги, и голову. Меч он высоко поднял и завел чуть назад, так что тот был почти у него за спиной. Теперь он мог одним лишь движением, вложив в удар всю силу, поразить голову, корпус или ногу противника, если тот не успеет прикрыться щитом.

Конан приготовился биться, как всегда, в свойственном лишь ему одному стиле. Он почти присел на корточки и, прикрываясь щитом, готов был броситься вперед. Меч он держал низко, у земли. Противник видел над краем щита Конана только его прищуренные глаза.

Агилульф ударил первым. Он метил в шлем Конана, но киммериец поднял щит и одновременно нанес удар мечом по ноге противника. Тот с молниеносной быстротой прикрылся щитом. Мечи ударились о щиты. Агилульф попытался нанести следующий удар по незакрытому плечу Конана, но тот ловко уклонился и попытался поразить Агилульфа в бок. В последнюю секунду Агилульф отразил удар щитом. Ни один удар до сих пор не достиг цели. Сражающиеся отскочили друг от друга, и у зрителей вырвался дружный возглас одобрения — таким превосходным было начало поединка.

Теперь оба воина ходили друг за другом по кругу, подстерегая момент, чтобы нанести удар. У Агилульфа из-под шлема катились капли пота, но ловкости и увертливости у него не убавлялось.

— Не так-то просто победить лучшего бойца тунгов, а? Что скажешь, киммериец?

Конан злобно усмехнулся. И взмахнул мечом. Стоявшие вокруг зрители видели теперь только вихрь сверкающих клинков… как вдруг меч киммерийца рассек щит Агилульфа, словно тот был из пергамента. Рука Агилульфа была поражена — хрустнула кость.

Второй удар поразил ворона на шлеме — меч рассек шлем, череп, подбородок, и только панцирь остановил страшный удар. Конан с силой потянул к себе меч, чтобы освободить его

из раскроенного черепа, и с горящим взором обернулся к соратникам Агилульфа:

— Кто следующий? Кто спляшет со мной танец мечей? Я жду! Выходите, вы, паршивые псы!

Тунги были потрясены гибелью своего вожака, но не утратили мужества. К тому же их было значительно больше. Они с ревом бросились на Конана, забыв в ярости про тех, с кем сражались до его появления. Устремившись к Конану, они оставили женщину и старика. Эти двое сразу же ударили им в спину. Развернуться, бросив Конана, тунги теперь уже не могли. Все было против них.

Но это не значит, что схватка с тунгами оказалась детской забавой, совсем нет. Конан со всех сторон был окружен врагами. И только поразительная быстрота реакции и отличное оружие спасли его. Конан то пригибался под ударами, то подпрыгивал, уклоняясь от меча, и сам наносил разящие насмерть удары. Его противники наступали без всякого боевого порядка, и это было Конану на руку, так же как и слепая ярость, с которой каждый из них рвался вперед, чтобы убить его.

Вскоре атаки стали слабеть — седобородый старец и женщина поразили насмерть многих врагов. И в конце концов Конан остался один на один с последним из тунгов. Это был воин со светло-рыжей бородой, в рубахе из оленьей кожи. Несколькими ловкими ударами Конану удалось разнести в щепы его щит. Потом Конан поразил его быстрым ударом насквозь в горло — самым милосердным из всех смертельных ударов.

Умолк шум битвы. Конан огляделся по сторонам. На земле лежали жутко изуродованные мертвые тела, снег был не белым, а красным от крови. Кое-кто уцелел, эти люди разыскивали среди трупов тех, кто еще был жив, и оказывали помощь раненым.

Конан вонзил меч в землю, бросил рядом щит и отстегнул ремешок своего шлема. Когда он снял шлем, его иссиня-черные волосы рассыпались по плечам. От шлема поднялось облачко пара — ничего не скажешь, жаркая была битва, особенно если ты сражался в полном воинском снаряжении.

К киммерийцу подошла женщина. За ней — седобородый старец. Она смерила Конана взглядом с головы до ног:

— Я — королева Альквина из рода камбров. — Ее серые глаза были холодны как лед. — Как ты попал в эти края?

Она была самой надменной из всех женщин, каких Конан когда-либо встречал в своей жизни. Но он почувствовал, что сейчас не время показывать характер.

— Я ищу работу для моего меча, госпожа, — ответил он с легким поклоном. — Услышал шум битвы, вот и пришел посмотреть, что да как. А этого Агилульфа я повстречал пару дней тому назад. Мне тогда очень не понравились его речи, ну вот я и решил поучить его приличным манерам.

— И это тебе удалось. Теперь Агилульф не больно-то речист.

— Почему эти подонки напали на тебя, госпожа? — Конан вытащил из земли свой меч и принялся тщательно его очищать.

— Ты что, считаешь себя равным мне и позволяешь себе задавать мне вопросы? Я возьму к себе на службу твой меч, чужестранец. А в советах твоих я не нуждаюсь. Найди себе коня и следуй за мной. — С этими словами она пошла прочь. Старик, казалось, хотел что-то сказать, но раздумал и поспешил за женщиной.

Конан, ничуть не задетый ее суровой отповедью, продолжал чистить меч. Потом он отправился на поиски нового копья, потому что его копье было сломано. Спутники королевы

бегали по лесу и ловили разбежавшихся коней. Очевидно, этим людям было незнакомо искусство верхового боя, и, прежде чем вступить в сражение, они спешились. В лесу бродило много лошадей, чьи всадники были убиты в сражении. Конан сел на коня и присоединился к свите королевы. Про себя он подумал, что, может быть, еще посмотрит, не лучше ли будет предложить свои услуги королю Тотиле.

Скакать им пришлось долго. Тени становились все длиннее и длиннее. За время пути Конан познакомился с теми, кто сопровождал королеву. Опытный солдат, он постарался запомнить имя каждого нового знакомого.

Как и почти все, кого он встречал в этих краях, люди Альквины разговаривали на одном из диалектов северного языка, который не слишком сильно отличался от того наречия, которое было в ходу у жителей Асгарда, Ванахейма и Аквилонии. Мужчины из свиты королевы были в основном белокожими. Глаза почти у всех были голубые или серые, волосы русые, темно-русые или белокурые. Ни у кого не было по-настоящему черных волос, как у Конана. Все взрослые мужчины носили бороды, причем иные брили щеки, чтобы были видны боевые шрамы. Ни боевой раскраски, ни татуировок ни у кого из них Конан не заметил. К поводьям у некоторых всадников были привязаны человеческие скальпы.

К Конану подъехал белокурый воин с серебряным кабаном на шлеме, таким же, как тот, что украшал шлем Конана.

— Отличное было сражение, киммериец. Я очень рад, что ты теперь с нами. Меня зовут Зиггайр. — Он протянул Конану мех, в котором булькало какое-то питье: — Вот, выпей пива. Оно, правда, малость несвежее. Но пока не прибудем в крепость, придется довольствоваться тем, что есть.

Конан сделал добрый глоток. Пиво было несвежее, не отличного качества. Он бросил мех назад Зиггайру:

— Спасибо, друг. Скажи-ка, а что, ваша королева всегда так резко разговаривает с людьми, которые предлагают ей свою службу?

Зиггайр горько усмехнулся:

— Такой уж у нее нрав. Она была единственной дочерью старого короля и с самого раннего детства привыкла держаться очень надменно. Но она добрая королева. Она никогда не допустит, чтобы во главе ее народа встал неполноценный король.

Конан сообразил, что, говоря про «неполноценных», Зиггайр имел в виду князей каких-то других племен.

— Так что ни о чем не беспокойся, киммериец. Служи ей верой и правдой, сражайся так, как сегодня, и она будет обращаться с тобой по-хорошему и вознаградит щедро. Она очень щедра.

— Ну и то хоть какой-то просвет, — пробормотал Конан себе под нос. — А почему люди Одоака напали на вас? Раз уж я бился с ними, то хотел бы знать причину.

— Они хотели захватить Альквину, — сказал Зиггайр. Как и большинство северян, он запросто опускал королевские и прочие титулы. — Одоак хочет взять ее в жены. Поговаривают, что он уже убил свою последнюю жену, чтобы развязать себе руки и жениться на Альквине. Многие считают, что его намерение говорит о чрезмерном оптимизме. Я же думаю, что это просто наглость и бесстыдство.

— А у вас короли могут иметь только одну жену? — спросил Конан.

— Таков закон. Наложниц король может иметь столько, сколько ему под силу ублажить. Да только уже многим королям это не пошло на пользу.

— А что этот король Тотила? Я мало о нем слышал. Он, говорят, тоже ухаживает за вашей королевой? — осторожно выведывал Конан.

— Да. Тотила и его любимчик колдун были бы не прочь устроить этот брак. Но Альквина презирает эту торманнскую свинью, и совершенно правильно.

Когда Зиггайр упомянул о колдуне, лицо Конана помрачнело. До сих пор во всех странствиях ему было, прямо скажем, мало радости от этих проныр. Но Зиггайр говорил о колдуне так, словно его не слишком тревожили всякие колдовские фокусы.

— А кто этот седобородый? — спросил Конан, указывая глазами на старца, который скакал рядом с Альквиной.

— А это наш колдун Рерин. Мудрый старый человек. Он умеет защищать нас от колдовства Йильмы — так зовут колдуна, который творит черные дела по приказанию Тотилы.

— У короля Одоака тоже есть свой колдун? — спросил Конан, подозревая самое скверное.

— Нет, во всяком случае я ничего такого не слыхал. Колдунов мало, а Тотила богаче, чем Одоак.

— Какой колдун сильнее? — Конан знал, что всегда полезно знать относительную силу врагов и друзей.

— Не могу сказать. — Зиггайр напряженно размышлял. — У меня такое чувство, что всякий раз, когда один из колдунов творит свое заклятие, другой отвечает ему тем же, и потому заклятия взаимно уничтожают друг друга. Что до меня, так я только рад этому.

— Понимаю, — с искренней убежденностью согласился с ним Конан. — Когда эти колдуны, ведьмы, чернокнижники и прочий сброд вмешиваются в дела честных воинов, всегда жди какой-нибудь пакости, которую не уничтожить силой оружия. — Конан терпеть не мог все, что нельзя уничтожить силой оружия.

Уже сгустилась ночная тьма, когда они добрались наконец до укрепленных защитных сооружений вокруг дворца Альквины. Они увидели холм, превосходящий высотой все остальные холмы. Его вершина была окружена кольцом стены из гигантских каменных блоков. На этой стене был надстроен навес с галереей и палисад из столбов с заостренными концами. Путники подъехали ближе. Поднялись ворота в стене, пропустили всадников и опустились за ними.

Внутри кольца каменной стены находилось довольно много небольших строений: кузницы, конюшни, хозяйственные постройки. Конану бросилось в глаза большое количество домашней скотины. В центре крепости стоял дворец королевы — низкий, вытянутый в длину дом с двускатной крышей, на которой росла трава и паслись козы. На фронтонах имелись отверстия, через которые выходил дым. Любой южный правитель посмеялся бы, узнав, что подобное строение называют королевским дворцом. Но на севере в таком доме имелось все, что делает дворец дворцом. Здесь воины и их король праздновали свои праздники. Северяне не слишком чтили бы правителя, который прятался бы от их глаз.

Всюду пахло свежей древесиной. Конан заметил, что люди живут здесь, видимо, с недавних пор. Вместе с Зиггайром они отвели коней в конюшню, пристроенную к наружной стене, и там поручили их заботам конюхов. Выходя из конюшни, Конан более внимательно осмотрел каменную стену. Даже в сумерках было видно, что она построена в древнейшие времена. Она была сложена из громадных каменных глыб и всюду поросла плющом.

— Кто это строил? — спросил он.

Зиггайру от этого вопроса стало не по себе. Он сделал неопределенное движение и ответил:

— Гиганты, в глубокой древности. Не люблю об этом говорить. Пошли, пора садиться за стол. Выпьем доброго свежего пива.

Они направились к дому, и тут Конан увидел, что камбры сгружают с лошадей трупы убитых воинов. Слышался тихий плач. Женщины севера не оплакивают своих мертвецов так, как женщины юга, — им чужды пронзительные вопли и рыдания. «Как хорошо, — подумал Конан, — что зима только начинается. Еще можно вырыть могилы. Скоро земля промерзнет, и тогда придется хранить трупы до весны где-нибудь в амбаре».

Зал, куда они вошли, был убран с роскошью, о которой невозможно было догадаться, глядя на дом снаружи. Дом был построен недавно, однако все деревянные вещи и утварь украшала искусная резьба работы замечательных мастеров. Хитросплетенные ленты орнамента, изображения диковинных зверей, сцены из жизни великих героев, — почти всюду резьба была раскрашена яркими красками, которые добывались из растений. На потолочных балках висели оленьи рога и прочие охотничьи трофеи. Стены украшали пестрые ковры, от них в помещении было словно светлее, они же защищали от сквозняков. Пол был выложен каменными плитами, и всюду был набросан тростник. Посреди зала над открытым очагом, в котором горело два огромных бревна, жарилось на вертелах мясо.

От запаха мяса у Конана потекли слюнки. Глаза слезились от дыма. В это время слуги расставили в зале столы и длинные лавки. Воины сняли с себя оружие и доспехи. Зиггайр показал Конану его спальное место возле стены на соломе. В стену здесь были вбиты деревянные крюки, на которые полагалось вешать шлем, пояс с ножнами для меча, щит и панцирь. При любом нападении оружие было тут же под рукой. Киммериец поставил возле стены свое копье. Потом, развесив по местам прочее оружие, он уселся за стол. Каждый за столом сидел спиной к своему спальному месту у стены, так что никогда не возникало никаких споров о том, где кому садиться. К тому же в случае нападения каждый мог сразу же найти свое оружие. Здешние воины явно продумали все в ожидании прихода врагов.

Как только Конан сел за стол, к нему подошла девушка и поставила перед ним тяжелую просмоленную деревянную кружку с пивом. Киммериец осушил ее одним долгим глотком и со стуком поставил на стол. В этот же миг кружка снова была наполнена. Затем на стол подали блюда с дымящимся жареным мясом. На какое-то время все разговоры стихли: едва не погибшие голодной смертью солдаты вознаграждали себя за скудные порции пищи в дни похода.

Когда голод был утолен, воины начали рассказывать о своих подвигах, совершенных в сегодняшнем сражении. Каждый перечислял свои заслуги и прославлял храбрость соратников. И все в один голос восхваляли Конана, пришедшего на выручку, не говорилось только о том, что без его своевременного вмешательства отряд был бы попросту уничтожен.

Конан также встал и вознес хвалу храбрости своих хозяев, которые стали ему теперь и братьями по оружию. Потом он напомнил о некоторых занятных подробностях своей победы над Агилульфом. Слушатели внимали Конану с интересом профессионалов, перед которыми говорит великий мастер того же ремесла. Конан никогда не страдал от избытка скромности, вот и теперь он ничуть не преуменьшил свои возможности, говоря о предстоящих боях и битвах. Закончил он славословиями в адрес своей новой повелительницы и ее спутников и громогласно объявил о том, что с нетерпением ждет часа, когда сможет сразиться с ее врагами. Он сел, и пивные кружки громко застучали по столу в знак одобрения.

Тогда поднялась Альквина и, по обычаю севера, стала преувеличенно хвалить своих воинов, потом она раздала им дары. Слова, которыми она поблагодарила Конана, показались ему довольно сдержанными — ведь именно он внес решающий вклад в дело ее освобождения. Но зато к дарам не могло возникнуть претензий. Он получил тяжелый золотой браслет, украшенный кораллами и гранатами. Вес одного лишь золота соответствовал годовому вознаграждению испытанного воина-мечника в южных странах. Конан надел браслет и высоко надвинул его на мощный бицепс правой руки. Он учтиво поблагодарил Альквину, но она как будто пропустила его слова мимо ушей.

Когда пришло время гасить факелы, Альквина объявила, что торжественное погребение мертвых состоится на следующий вечер в час захода солнца. Затем все отправились на покой. Альквина скрылась за тканым ковром, которым был отгорожен дальний конец зала. Ее колдун покинул дом и отправился в свою хижину, чтобы приступить к своим колдовским делам. Все остальные, завернувшись в плащи, улеглись спать на соломе.

Конану спать еще не хотелось. Он взял кружку с горячим, сдобренным пряностями пивом и вышел во двор. Его что-то тревожило, что — он не мог понять. Во дворе все было спокойно. Люди и звери спали. Только одинокий пес бродил вдоль стены. Наверное, он надеялся найти какое-нибудь лакомство, оставшееся после пира.

Киммериец увидел слабый свет, падавший со стены там, где были ворота крепости. Он пересек двор и поднялся по лестнице из бревен на верх каменной стены. Здесь вдоль палисада из кольев проходила деревянная галерея с навесом. Над воротами стоял дозорный, рядом с ним горели уголья в жаровне. При их свете Конан узнал одного из тех, кто сегодня вместе с ним сражался в лесу.

— Привет тебе, Хагбард, — крикнул он. — Холодно нынче, а? Неуютно стоять в дозоре?

Хагбард плотнее завернулся в плащ:

— Холоднее, чем должно быть в эту пору, Конан.

Действительно, стужа заметно усилилась, с тех пор как Конан впервые ступил на двор этой крепости. Он протянул Хагбарду кружку. Дозорный радостно отхлебнул теплого пива.

— Великаны мороза в этом году рано тронулись в путь на юг, — сказал киммериец.

Хагбард вернул ему кружку:

— Спасибо, друг. Да, это примета суровой зимы. Если станет еще холоднее, мы не сможем похоронить завтра наших убитых.

— А вы сжигаете мертвых?

— Нет, никогда! Воинов хоронят вместе с оружием, ремесленников — с их орудиями, женщин — с прялками и веретенами. Таков обычай. Даже детей мы хороним вместе с их игрушками, а крестьян — с их орудиями. Если завтра мы не сможем похоронить мертвецов, то построим для них дом, без внутренних стен, и там положим их лежать, пока земля не оттает.

Конан всматривался в хмурые и довольно жутковатые окрестности. Земля вокруг холма, на котором стояла крепость, была почти плоской, как равнина, чем разительно отличалась от всей этой страны, в основном покрытой лесистыми горами. При свете полной луны вдали на равнине вырисовывались очертания нескольких холмов. Тот холм, на котором стояла крепость, был самым высоким. На многих холмах также виднелись каменные стены укреплений. На равнине были правильные круги и линии, выстроенные из огромных каменных блоков. Здесь и там в них было устроено нечто вроде ворот — на два вертикально поставленных высоких камня положен плоский камень сверху.

— И давно вы здесь живете? — спросил Конан Он коснулся ладонью заостренной верхушки одного из кольев палисада. Она была липкой от свежей смолы.

— Только с середины лета Раньше мы десять лет прожили на нашем старом месте. Но поля истощились. Мало стало дичи в лесах и рыбы в реке. Вот и решили переселиться.

Большинство племен на севере вело полукочевую жизнь. Когда-то в давние времена целые народы, бывало, собирали все свое добро и уходили с насиженных мест, просто потому что хотели пожить в новых землях. Из-за этого часто вспыхивали большие войны. Но главной причиной перемещений было то, что почва истощалась, когда люди слишком долго возделывали ее, используя лишь самые примитивные способы земледелия.

Хагбард покачал головой:

— Мне кажется, лучше бы Альквина выбрала какое-нибудь другое место, а не это. Лучше бы нам оставаться в горах и лесах.

— Я понимаю, что тебе не по вкусу здешние края. — Конан выпил пива и заметил, что оно быстро остывает. — Здесь как-то не по себе становится. Холмы такие странные, и эти круги из каменных глыб… Почему вы именно это место выбрали?

— По мнению Альквины, эти стены, сложенные когда-то гигантами, представляют собой отличные оборонительные сооружения. Я не хочу сказать что-то недозволенное, но Альквина — не такой вождь, каким был ее отец Хильдрик. Он врагов убивал, а не прятался от них за высокими стенами.

— А ты знаешь что-нибудь об этой равнине? — спросил Конан.

— Много лет тому назад, — начал рассказывать Хагбард, — когда не родился еще мой дед, здесь жили гиганты. Здесь стояла их крепость. На протяжении многих поколений они воевали с богатыми. Но ни та, ни другая сторона не могла взять верх. И тогда гиганты призвали на помощь карликов, и те построили вокруг всей равнины огромную стену. В награду за службу они потребовали отдать им дочь короля гигантов. Стена была построена, свадьбу сыграли, но… — От дыхания Хагбарда поднимался пар — так холодно вдруг стало. — Но в первую брачную ночь невеста убила жениха, как и любая принцесса на ее месте поступила бы при таком неравном браке! И тогда за одну ночь карлики проделали в стене брешь, боги ворвались в крепость и перебили всех гигантов — те после свадебного пира спали мертвецки пьяные. О великом побоище напоминают только эти развалины, но мне думается, духи убитых гигантов и нынче здесь обитают.

Конан зябко поежился. Пиво было выпито. Теперь Конан тоже почувствовал результат неумеренности на нынешнем пиру — его клонило в сон.

— Обитают или не обитают — все равно, теперь они мертвы, — сказал он. — Спокойной ночи, друг. Пора мне пойти да отыскать мое место на соломе.

— Спокойной ночи, Конан. Будь другом, разбуди моего сменщика. Это Освин, он спит сразу рядом с дверью.

Конан пообещал, что не ляжет спать до тех пор, пока Освин не встанет и не отправится в дозор. Потом он спустился по лестнице вниз. Проходя через двор к дому, он заметил свет, который струился из маленькой хижины чародея Рерина. Помянув недобрым словом всех колдунов на свете, Конан вошел в дом и, найдя Освина, который громко храпел во сне, разбудил его.

Потом он тихонько прошел вперед к слабо тлевшему огню в очаге. К радости Конана, там нашлась полная кружка пива. Он отпил порядочный глоток и тут снова задумался. Правильно ли он поступил, присоединившись к войску Альквины? Над этой безрадостной

равниной и суровыми каменными развалинами нависли тучи недалекой гибели. Но пока что у него было золото, еда и кров над головой — он принял все это от королевы, а значит, не вправе был уклоняться от того, что ему суждено. Да и вообще он не любил размышлять о будущем. Конан отыскал свое место под стеной, завернулся в плащ и вскоре заснул так же крепко, как и все остальные воины.

Глава третья
В КРЕПОСТИ ТОТИЛЫ

Король Тотила в угрюмом настроении сидел на своем высоком троне. Его не радовали ни кубок, усеянный драгоценными камнями, ни искусство певца, который сидел возле очага и, перебирая струны, пел песнь за песнью. Тотила поставил локоть на резную спинку своего трона и подпирал кулаком подбородок. На каждом пальце короля торманнов сверкало драгоценное кольцо. Тотила был богаче всех королей на севере, но он возжелал того, чего не мог получить, — королевы Альквины из рода камбров.

Ее прекрасного тела он домогался почти так же страстно, как и ее земельных владений. Заполучи он эти земли, и его правый фланг был бы защищен, и тогда он поглотил бы Одоака с его тунгами, которые жили дальше на юге. И Тотила стал бы самым могущественным правителем всего севера, он основал бы империю, какой человечество не знало со времен великого переселения северных народов, которое было много поколений тому назад.

В таких мечтах проводил свои дни Тотила. Однако он не ограничивался только мечтами. Когда-то он был лишь мелким главарем разбойничьей шайки, и в жилах его текла, быть может, всего одна капля королевской крови. Железной волей и беспощадной жестокостью он сумел создать маленькое, но крепкое владение. Под его началом служило много воинов. А то, чего не могли добыть мечи, обеспечивал человек, сидевший по правую руку Тотилы, — колдун Йильма.

Несколько лет назад этот человек пришел к Тотиле и заявил, что он родом из Гипербореи и что его судьба и судьба короля торманнов тесно связаны между собой. Тотила пусть защищает колдуна, а тот станет поражать врагов короля, если они окажутся вне досягаемости мечей, — вот что предложил королю колдун, и свое слово сдержал. Вместе эти двое обрели могущество и богатство. Но Тотила никогда подолгу не оставался довольным. Каждая победа, каждое маленькое королевство, которое он присоединял к своим владениям, лишь разжигали его жажду власти.

— Я хочу знать, маг, как живется королеве Альквине, — сказал Тотила. Внизу, в зале, за длинным столом сидели и пировали его воины. Но настоящее веселье не удалось — настроение их правителя было мрачным.

— Слушаюсь, повелитель, — сказал Йильма. — Сейчас же пойду и подготовлю пруд. Мои посланницы, — он указал на двух сорок, которые сидели, нахохлившись, на спинке его стула, — рассказали мне, что сегодня она ездила верхом по своим владениям, а потом возвратилась в крепость.

И белобородый старик поднялся. На нем был плащ из шкур северного оленя, на голове красовались оленьи рога. Вся его одежда была увешана косточками и черепами мелких животных, и при каждом шаге Йильмы слышался сухой стук. Кроме того, одеяние колдуна украшали перья, когти и клювы разных птиц. Колдун встал, опираясь на необычный витой посох, и под перестук костей на своей одежде пошел к выходу. Сороки поскакали следом. Все разговоры умолкали, когда он проходил мимо. Мужчины боялись этого человека почти так же, как короля.

Тотила еще некоторое время провел совещаясь со своими советниками, но мысли его были где-то далеко. Затем он взял в руки шлем, который был подвешен на подлокотнике его

трона. Слава об этом шлеме гремела по всему королевству. Тотила носил его и тогда, когда не предвиделось никаких сражений, он заменял королю корону. Бронзовый шлем с отделкой из золота и серебра, с острым, как птичий клюв, щитком над переносицей, с двумя широкими серебряными дугами, закрывающими брови и лоб. Щеки также прикрывали защитные полоски из бронзы. Посеребренные бронзовые зубцы, выполненные в виде птичьих перьев, закрывали затылок. По всему шлему шли искусно сработанные изображения воинов, а сверху шлем венчал орел с распростертыми крыльями, и глаза птицы сверкали алчностью и злобой.

Надев шлем, король накинул на плечи плащ. Он доходил до самой земли и был пятнистым. Этот плащ был сшит из скальпов тех, кого Тотила убил своими руками. И не было среди его жертв никого рангом ниже, чем князь или оружейный мастер-кузнец. Большими шагами Тотила пересек зал. Меч, вложенный в ножны, он нес в руке. Короны и скипетра северяне не признавали. Здесь шлем, плащ и меч символизировали королевскую власть. Так было написано в древних рунах, содержание которых было известно лишь диким жителям севера.

Дворец Тотилы не был защищен ни каменной стеной, ни деревянным частоколом. Тотила похвалялся тем, что ему нет нужды бояться других королей и правителей и он может обойтись без оборонительных сооружений. Для защиты от врагов ему достаточно собственного войска, утверждал Тотила.

Сейчас он не спеша шел среди вспаханных полей. Здесь его рабы-крестьяне гнули спину от зари до зари, обеспечивая своим трудом жизнь свободных людей. На севере не росло ничего, кроме зерновых. Северяне промышляли также охотой и рыболовством, разводили скот, — тем и жили. Они питались преимущественно мясной пищей и с презрением относились к тем свободным людям, которые занимались земледелием и мясо ели раза два в год, подобно жителям юга.

Тотила вошел в лес и направился по узкой, почти заросшей тропке, которая вывела его на лесную поляну. Стояла холодная зимняя погода, однако в лесу было приятно находиться — это была заслуга Йильмы. Колдун обладал большой властью над силами природы. Посреди поляны серебрился маленький пруд. Нигде не было видно ручья, который питал бы пруд своими водами; водостока пруд также не имел. Этот водоем никогда не замерзал зимой, даже если за пределами лесной поляны стояли трескучие морозы. На берегу пруда Тотила увидел колдуна, на плечах у того сидели сороки. Тотила подошел к волшебнику.

— Здесь ты увидишь, что произошло сегодня, — сказал Йильма и коснулся поверхности пруда концом своего волшебного посоха. В тот же миг в центре разбегающихся на воде кругов выступила отчетливая картина.

Тотила пристально вглядывался в нее. Теперь эти волшебные представления уже были ему привычны. А вот в первый раз он здорово струсил. Сейчас он видел перед собой на поверхности воды заснеженный лес и вереницу всадников, едущих среди деревьев. Эта картина открывалась ему как бы с высоты птичьего полета. Он увидел и других людей, которые устроили засаду и поджидали странников. Людей в засаде было гораздо больше. Глаза Тотилы сузились, превратившись в щелки. Он походил в эту минуту на хищную птицу, опустившуюся на верхушку дерева, чтобы оттуда спокойно наблюдать за всем, что творится вокруг.

— Это подданные Альквины, — сказал Тотила. — И она сама с ними. В засаде ждут воины Одоака. Если бы я только знал, что она уедет так далеко от своей крепости! Мои люди сумели бы отбить и взять королеву в плен. — Он обернулся к колдуну: — Почему ты ничего

не сказал мне, когда было так просто схватить ее? — Тотила говорил спокойно, хотя от ярости у него потемнело в глазах. Он не осмеливался грубо разговаривать со своим колдуном, несмотря на то что именно по вине Йильмы они упустили королеву. Тотила умел скрывать свои чувства, как ни один из северных властителей.

— До сегодняшнего дня их поход оставался для меня тайной, государь. Я подозреваю, что Рерин, чародей, — сейчас ты видишь его верхом на коне рядом с королевой, — наколдовал для них волшебный невидимый покров и сумел обмануть зоркие глаза моих пернатых разведчиц.

Тотила скривился. Он все же не был убежден, что может быть абсолютно уверенным в правдивости слов своего чародея.

— Ага! Вот они и попались! — возбужденно воскликнул он, увидев, что воины Альквины, спешившись, окружили свою королеву и приготовились к бою. Ясно было, что они готовы стоять насмерть и дорого отдадут свою жизнь. — Долго они не продержатся, — заметил Тотила, когда снег окрасился кровью. — Теперь, значит, придется отбивать Альквину у Одоака. — Он принялся злобно грызть ногти. — Ну а что, если он сделает ей ребенка, до того как я его убью? Паршивая история, колдун.

— Смотри, смотри, что там творится! — сказал Йильма.

Сражение в лесу закончилось так же внезапно, как началось. Теперь и ракурс изменился — как будто на высоте полета птица повернула голову. На лесной дороге стоял какой-то человек и, казалось, что-то кричал, но что, они не могли расслышать.

— Кто там такой? — удивился Тотила. — Какой-то молодой парень? Нет, это взрослый воин, хоть бороды у него и нет. Откуда он, какого племени?

— Судя по внешности, киммериец, — ответил Йильма. — Мой народ неплохо знаком с этим племенем. Они живут в горной стране, что лежит к западу от Гипербореи. Их бог носит имя Кром. Волшебство им, можно сказать, совершенно неизвестно, зато киммерийские воины не знают себе равных.

— Мои воины тоже не знают себе равных, — злобно возразил Тотила. — И я — лучший из них. Что нужно там этому парню?

— Смотри и увидишь. Это удивительно интересно.

Они увидели, как один из воинов Одоака вышел вперед и приготовился к поединку с чужаком.

— Поединок! — обрадовался Тотила. — Это Агилульф, лучший воин Одоака. Мечом он владеет как никто другой. Но страшный хвастун.

Бой начался. Засверкали мечи.

— Недурно бьются, оба! — с видом знатока заметил Тотила. — Теперь они знают, на что способен каждый из них в бою. Исхода поединка не придется ждать долго. — Король увлеченно следил за борьбой и при каждом новом ударе хлопал себя по ляжкам. — Ты сказал правду, колдун! Этот парень — действительно очень хороший воин.

За поединком последовало сражение с остальными воинами Одоака. Потом Тотила и колдун увидели, как собрали и погрузили на спины лошадей убитых и как чужак присоединился к отряду Альквины и вместе со всеми поскакал прочь. На красном от крови снегу остались лежать только трупы убитых воинов Одоака. И наконец картина на поверхности пруда побледнела и исчезла.

— Выходит, у Альквины теперь появился новый сильнейший воин, — подвел итог Тотила и поскреб подбородок. — Придется, видно, мне самому им заняться. Уже много лет

не было у меня достойного противника. И к тому же, — он осмотрел свой плащ, — к тому же черный — единственный цвет, которого пока еще нет на моем плаще. Из черных волос этого варвара выйдет отличный воротник, гораздо более красивый, чем воротник из волчьего меха.

— Теперь, когда одним из телохранителей Альквины стал такой замечательный воин, нам будет намного труднее захватить ее. Может быть, тебе лучше пока что забыть о ней и двинуть свои войска на Одоака? Он сегодня потерял много воинов, сейчас он слабее, чем когда-либо.

Тотила немного подумал:

— Нет. Я ведь уже объяснял тебе почему. Если уж я двинусь на юг, то ударю с такой силой, что выйду к пределам Заморы и Турана. Я проглочу Одоака с его племенем, как рыба заглатывает насекомое, выпрыгивая из воды.

Йильма понимал, что подобные мечты далеко превосходят возможности даже такого могущественного военачальника, как Тотила. На севере не было даже достаточного количества людей, чтобы хотя бы в течение нескольких лет удерживать в повиновении столь обширные территории. Тем не менее Йильма желал сделать Тотилу величайшим королем севера.

— Если мой повелитель прикажет, то с помощью определенных заклинаний я могу призвать к нам на помощь союзников, которые беспрекословно слушаются моих повелений. Мне повинуются Великаны мороза всего севера и мертвецы, спящие под снежным покрывалом.

— Мне все равно, как ты это сделаешь, — сказал Тотила, который никогда не интересовался средствами достижения цели. — Позаботься лишь о том, чтобы мне был открыт путь к этой женщине и чтобы я мог сделать ее нашей королевой. И тогда я, как обычно, щедро тебя вознагражу.

— Твое желание — приказ для меня, — сказал Йильма. — Возвращайся теперь во дворец и садись пировать со своими воинами. А я останусь здесь на всю ночь до рассвета и потом буду занят до утра послезавтра. А дальше — посмотрим.

Тотила пошел обратно во дворец. Йильма снова коснулся вод волшебного пруда своим посохом и принялся издавать дикие пронзительные крики. За пределами поляны резко похолодало.

Глава четвертая
БИТВА С МЕРТВЕЦАМИ

На следующее утро Конан проснулся оттого, что кто-то распахнул входную дверь дома королевы Альквины. Внутрь ворвался ледяной ветер, порог переступил едва не окоченевший дозорный. Захлопнув за собой дверь, он поспешил к очагу и вытянул над еще не остывшими угольями синие от холода руки. Конан встал. Сон как рукой сняло — Конан всегда мгновенно просыпался, если накануне не пил слишком много. Постепенно просыпались, кряхтя и охая, и другие мужчины. В такое холодное утро встать с постели действительно стоило немалых усилий.

Конан подошел к очагу. Его удивило то, что за несколько часов дозорный, закаленный молодой северянин, успел так страшно замерзнуть

— Доброе утро, Регин, — сказал киммериец — Разве на дворе так холодно?

— А ты выйди да сам убедись — От холода у парня зуб на зуб не попадал

Конан подошел к двери и приоткрыл ее

— Ох, Кром всесильный! — Он поспешил захлопнуть дверь На дворе мела метель и дул резкий студеный ветер — ничего подобного Конану еще никогда не доводилось испытать на севере Слышно было, как трещат далеко в лесу деревья Кто-то укутанный в меховую шубу подошел к киммерийцу

— Открой мне дверь! — властно приказала Альквина. Конан повиновался

Женщина вышла из дома Конан изумленно смотрел на нее — она спокойно стояла, не обращая внимания на порывы ледяного ветра

Через некоторое время она вернулась в дом и громко крикнула

— Вставайте, эй, вы, ленивые парни! Нам нужно позаботиться о скотине, не то она погибнет от холода. Развести огонь, все ковры повесить на стены! — Она знаком подозвала к себе управляющего хозяйством крепости. Тот живо подбежал, на ходу подтягивая штаны — Аслауф, надо загнать в конюшни и стойла весь скот, сколько сможет там поместиться Задайте скотине побольше корма. Мы не можем допустить, чтобы погибла хотя бы одна лошадь или корова. Кур тоже загоните в конюшни, в хлев, в стойла Если потребуется, загоним скотину и сюда, в дом Потерпим, пока погода не изменится. Лучше какое-то время прожить, смирившись с запахом навоза, чем голодать всю зиму

— Слушаюсь, Альквина, — сказал управляющий. И сразу же бросился созывать конюших, скотников, слуг и крестьян, чтобы передать им приказание королевы

Альквина подозвала к себе Конана

Пойдем со мной, чужестранец Надо узнать, все ли хорошо у старика

Конан не сразу понял, о ком она говорит. Потом он сообразил, что Альквина имела в виду старого волшебника Рерина.

— Одну минуточку, — сказал он и побежал взять свой меч

— Зачем тебе меч? — удивилась королева.

— Вы ведь приняли меня на службу не ради меня самого, а ради моего меча, государыня, — ответил Конан, дерзко ухмыляясь. — Без меча я вряд ли на что-нибудь гожусь.

Альквина повела его к маленькой хижине возле крепостной стены. Конан восхищенно смотрел на ее волосы. Сейчас они были заплетены в толстую косу, которая слегка

покачивалась при каждом шаге королевы. Меховая шуба полностью скрывала очертания ее фигуры, лицо же было нежным, с тонкими чертами.

— Нынче ночью старик был еще жив, — сказал Конан.

— Откуда ты знаешь?

— Я был тут на дворе, когда все остальные уже спали. Я разговаривал с дозорным там, у ворот. А возвращаясь в дом, заметил в хижине свет.

— Он служит мне и днем и ночью, — сказала Альквина. — Не так, как мои воины, которые сражаются раз в год по обещанию, а все остальное время только и делают, что обжираются мясом, да пьют мое пиво, да похваляются своими бранными подвигами.

У Конана усмешка сползла с лица. Эта женщина была сурова. Он постучал в дверь хижины, и та почти в тот же миг открылась. Лицо у старого волшебника было такое, будто он не спал всю ночь. Но в остальном он казался бодрым и полным сил.

Он кивнул Конану и пригласил Альквину в свое жилище:

— Входи! Я получил дурные известия.

Альквина вошла в хижину, Конан — тоже, хотя его никто не приглашал. Королева строго одернула его:

— Жди во дворе! Тебя никто не просил заходить.

— Черт побери, государыня! А если я отморожу себе зад, пока ты там греешься у очага волшебника? Я твой воин, а не слуга. — Он скрестил на груди руки и прислонился плечом к дверному косяку. Лицо Альквины вспыхнуло. Она хотела было как следует отчитать грубияна, но тут старый волшебник слегка коснулся ее плеча:

— Пусть он останется здесь, Альквина. Этот чужестранец должен будет оказать нам чрезвычайно важную помощь в будущем, когда придется решать трудные задачи.

— Ну ладно… — Королева сразу же смягчилась. — Скажи, что означает это внезапное нападение Великанов мороза? Ведь такие холода — это неестественно!

— Совершенно верно, Альквина. Я убежден, что холода вызвал своим колдовством наш злейший враг Йильма.

— Кто это — Йильма? — спросил Конан. Ему показалось, что незнакомое имя похоже на имена гиперборейцев. А об этом народе у Конана было самое скверное мнение.

Разгневанная его дерзостью, королева грозно взглянула на Конана. Но Рерин снова успокоил ее, мягко взмахнув рукой:

— Йильма — колдун, юноша. Он творит черные дела по воле короля Тотилы. Вчера вечером, когда я ушел с пира в твоем доме, Альквина, я буквально почуял в воздухе запах его колдовства. Я долго всматривался в небо, но нигде не заметил его сорок. И тогда я понял, что весь воздух наполнен его злым колдовством. Я пошел к себе в хижину и всю ночь пытался определить, какое колдовство он пустил в ход.

— И что же ты установил? — спросила Альквина.

Конан страшно обеспокоился. Он терпеть не мог, когда в дело начинали вмешиваться колдуны. Хижина этого старика также была полна вещей, которые внушали отвращение киммерийцу. С балки под потолком свешивались пучки сухих трав. Кругом стояли чучела маленьких животных, которые не водятся на севере. Были тут и разные сосуды и приспособления из стекла и бронзы, и Конан не мог определить даже, в каком городе эти вещи изготовлены.

— Он разбудил Великанов мороза, как вы и сами уже, наверное, заметили. Что касается его дальнейших черных планов, то пока они мне неизвестны, — сказал Рерин.

— Он что, надеется ослабить нас с помощью морозов, от которых погибнут скотина и люди?

— Я не знаю, возможно ли это, — отвечал старик. — Ведь жестокие холода поразят людей Тотилы точно так же, как и нас. Боюсь, нам уготовано что-то более страшное, чем стужа.

Альквина поднялась и направилась к двери:

— Я должна позаботиться о доме и хозяйстве, Рерин. Быть может, впереди нас ждет еще одна такая же холодная ночь. Я хотела бы, чтобы сегодня ты ночевал вместе со всеми в доме. Если злые духи всю ночь будут гулять на просторе, я не хочу, чтобы кто-то из моих подданных оставался ночью вне стен моего дома.

— Но, Альквина, ведь я должен, если я хочу выполнить свои обязанности и…

— Сегодня ночуешь в доме! — сурово оборвала его королева. Старик покорно склонил голову.

Королева вышла за дверь в обжигающую холодом снежную метель и начала отдавать приказания подданным. Конан шел за ней по пятам. К своему неудовольствию, он должен был признать, что королева умела командовать и распоряжаться не хуже настоящего военачальника, а их он повидал за свою жизнь немало. Люди загоняли в стойла скотину и лошадей, тащили в дом дрова и корм для скота. Конану и еще троим воинам было приказано выехать и посмотреть, что делается на близлежащих полях и в крестьянских усадьбах на окраине леса, где также жили подданные королевы Альквины. Она разослала несколько таких дозорных отрядов по четыре всадника в разные концы своих владений и велела им скакать как можно дальше, но постараться вернуться в крепость до наступления ночи.

Ехать пришлось долго. Было очень холодно, кругом лежали покрытые снегами холмы и темные леса. Там и сям всадники видели замерзших насмерть мелких зверьков, которых ночью застигла стужа

— Очень, очень мне все это не нравится, — сказал Зиггайр, когда около полудня они остановились, чтобы дать отдых лошадям. — Лесные звери всегда заранее знают, если погода вдруг резко меняется и приходят морозы. Нам, с нашим притупившимся чутьем, далеко до зверья. Сколько раз за мою жизнь наступали неожиданные холода, а только ни разу такого не было, чтобы мороз оказался неожиданностью для зверей и застал их врасплох.

Конан только кивнул, он думал о чем-то своем.

Солнце уже опустилось за холмы на западе, когда они возвратились в крепость. Едва живые от холода всадники слезали с лошадей. Альквина выбежала им навстречу, чтобы скорей узнать новости.

— Большинство деревень хорошо перенесло наступление морозов, государыня, — доложил Зиггайр. — В отдаленных усадьбах погибло, как говорят, три пастуха и около десяти коров.

Королева выслушала доклад с мрачным лицом.

— Могло быть намного хуже. Сражение с воинами Одоака и эта стужа погубили более сотни человек. Наши силы ослаблены, но сегодня люди по крайней мере предупреждены. Они будут готовы встретить холод.

При упоминании о вчерашней битве Конан посмотрел в ту сторону, где возле крепостной стены лежали тела убитых, укрытые покрывалами.

— Почему их не похоронили сегодня? — спросил он.

— Мужчины пытались вырыть могилы, — объяснила Альквина, — но земля промерзла

и стала тверже камня. Если в ближайшие дни не начнется оттепель, мы этой зимой не сможем похоронить их так, как предписано обычаем. Завтра я прикажу построить для мертвых особый дом за пределами крепости. Не сомневаюсь, что в эту зиму число мертвых увеличится. — Королева пребывала в самом мрачном настроении, однако по ней это было почти незаметно. Люди севера привычны к смерти и безжалостной суровой природе. Тот, кто решил стать правителем в северной стране, должен уметь побеждать и смерть, и силы природы. Королева обратилась к Конану: — Ты и трое твоих всадников вернулись последними. Заприте ворота, отведите в конюшню коней, а потом ступайте в дом.

В этот вечер не пировали, а просто ужинали. Пока не было ясности: то ли на дворе просто разыгралась непогода, то ли стужа предвещает небывало жестокие зимние морозы, — и потому каждому была выделена очень маленькая порция еды. Над очагом не крутились вертела с кусками мяса. Мужчинам пришлось удовольствоваться хлебом, сыром и пшенной кашей. Каждому досталось всего по три кружки пива

Народу в зале было гораздо больше, чем накануне вечером. На длинных лавках, которые вообще-то предназначались для воинов и их жен, теперь сидели и слуги, и крестьяне, и дети, и прочие обитатели крепости. В дальнем конце зала, там, где в крайнем случае должны были разместиться на ночлег слуги, фыркали лошади и шумно вздыхали коровы. Однако никто не жаловался на неудобства или запах навоза, потому что от животных шло больше тепла, чем от огня в очаге.

В эту студеную ночь не выставили дозорного. Вместо него двое молодых парней забрались под самый потолок и смотрели через два дымовых окна, которые находились на фронтонах дома. Кто-то сказал, что едва ли необходимо держать двух дозорных ведь в такую холодную ночь ни один враг не высунет носа из дому, так что вряд ли стоит опасаться. Но Альквина возразила, что бдительность требуется всегда, независимо от погоды.

Более или менее утолив жажду двумя кружками пива, киммериец только пригубил третью и тут согласился помериться силой с одним из воинов: кто первый прижмет к столу руку противника. Они поспорили на кружку пива Конан легко одолел первого соперника и с наслаждением выпил пиво, которое выиграл Тут же еще один парень захотел помериться с ним силой В конечном счете Конан выиграл и выпил шесть кружек, потом рука устала — и рыжебородый силач крестьянин, с ручищами как бревна, мигом прижал руку Конана к столешнице. Тогда Конан предложил развлечься борьбой. Борцы катались по соломе так, что в испуге пускались наутек куры и свиньи, которые делили кров и тепло с теми, кто вскоре собирался их зажарить и съесть.

Наконец утихомирившись, Конан спокойно попивал пиво последнюю кружку и смотрел, как работает старый воин, который вырезал что-то из куска дерева. Сначала старик обугленной щепкой нанес на него рисунок. Это были искусно переплетенные растительные орнаменты и змеи. Потом он ловко вырезал острием лезвия секиры основные линии. Этим грубым боевым топором он орудовал ловко, как хирург скальпелем. Для завершения работы он использовал нож, который служил воину орудием и за едой, и в бою, и на охоте, и где угодно еще. Конан восхищенно ощупал законченное произведение. Нигде не было ни одной зазубрины, ни одной шероховатости. За несколько часов зимним вечером этот старый человек создал такую прекрасную резьбу, на которую у резчика по дереву из Заморы ушла бы целая неделя, да он еще и работал бы множеством тончайших инструментов.

Старик выслушал похвалы Конана невозмутимо, только слегка кивнул головой и сказал:

— Завтра я раскрашу все красками, если только удастся развести их — как бы не

замерзли…

Весь вечер Альквина сидела с хмурым, но очень решительным лицом. Она сделала все, что можно было сделать. Конан попытался ее развеселить, но она даже не слушала.

— Позаботься лучше о том, чтобы твоя рука, в которой ты держишь меч, завтра была сильна и надежна. Возможно, ты скоро понадобишься.

— Моя рука с мечом всегда готова к бою, — хвастливо ответил Конан. — Всегда готова тебе служить. Какого врага ты боишься?

— Молись, киммериец, чтобы у тебя никогда не было забот правителя. Сегодня мне приходится заботиться о том, чтобы мой народ пережил долгую суровую зиму. Другие правители, возможно, не столь осмотрительны, как я Если зима будет суровой, чужие племена останутся без пищи и начнут нападать на тех, у кого есть запасы еды и корм для скота.

Конан кивнул:

— Правильно! Тут ты права. Иметь власть — это значит не только весело воевать, сидеть на троне и попивать вино из усыпанных драгоценными каменьями кубков.

Через некоторое время Альквина послала нового дозорного на смену парню, который, стоя на потолочной балке, смотрел через дымовое окно. Потом она велела гасить факелы. Огонь в очаге на ночь почти погасили, люди и животные улеглись спать Альквина удалилась в свои покои за ковром, который отгораживал дальнюю часть зала. Вскоре в битком набитом зале слышался только храп спящих

Конан проснулся оттого, что паренек у окна под крышей закричал.

— Там кто-то есть! — В голосе его слышался страх.

Киммериец мигом вскочил на ноги и сорвал с деревянного крюка свой меч. В дверь дома кто-то громко стучал.

— Не открывайте дверь! — крикнул Конан. Люди просыпались, в темноте слышались стоны, проклятия, недоуменные вопросы — Раздуйте огонь! — приказал киммериец. Расталкивая людей, он пробрался к двери, на ходу отшвыривая с дороги кур и визжащих поросят. Он быстро взобрался наверх

— С какой стороны они пришли? — спросил он парня, пристально всматриваясь в темноту.

— Наверное, они перелезли через стену, — отвечал парень. — Я не спускал глаз с ворот крепости В них никто не входил.

Внизу, перед входной дверью дома, было видно около дюжины мужчин. Они держали бревно и ударяли им в дверь. Странно было то, что и головы и туловища этих людей были покрыты коркой льда и снега

— И всего-то? — удивился Конан Вдруг парень закричал:

— Ворота!

Конан поднял глаза и увидел, что еще двое пришельцев возятся с тяжелым засовом ворот.

Конан крикнул, обернувшись к залу:

— Я спущусь вниз! Воины, следуйте за мной, как только будете готовы. Но дверь не открывать! Вылезайте на крышу, а с нее прыгайте вниз. Слуги пускай поставят к двери все скамьи, столы — все, что только можно. — Он снова через окно посмотрел вниз, на тех, кто пытался высадить дверь.

— Ты правда хочешь спуститься туда, к ним? — с ужасом спросил его парень.

— Раньше или позже, но когда-нибудь всякий мужчина обязан что-то сделать, если он недаром ест хлеб, — глубокомысленно сказал Конан. Он выбрался через окно и спрыгнул вниз. Меч он достал из ножен и держал в вытянутой руке, чтобы не споткнуться о него или, чего доброго, не напороться при приземлении. Прыжок удался: он согнул колени и легко опустился на носки. Щита у Конана не было, он схватил меч обеими руками и крикнул чужакам:

— А вы — закаленные парни, раз уж вышли в такую стужу, чтобы напасть на нас! Кто вас послал сюда?

Один из чужаков повернулся лицом к Конану. Кровь у. киммерийца застыла в жилах от ужаса. Глаза пришельца были закачены, видны были только белки. Движения казались какими-то скованными. И при каждом движении раздавался скрежет. Одежда была разорвана, в прорехах виднелись открытые раны и превратившаяся в лед кровь.

— Кром! — вырвалось у Конана. — Это же мертвец!

Мертвец шел прямо на Конана. Несмотря на скованность движений, он приближался быстро. Остальные продолжали размеренно бить бревном в створку двери.

Живые ли, мертвые — Конан знал лишь один способ, чтобы одолеть врагов Как только мертвец протянул к нему руки с растопыренными пальцами, Конан изо всей силы нанес ему удар в бок. И ударил словно по стволу дерева — меч вырубил большой кусок мерзлого мяса вместе с костями. Из раны шурша посыпались кристаллы заледеневшей крови Мертвец, казалось, и не заметил удара. Страшные пальцы-клешни сомкнулись на шее киммерийца и начали сдавливать.

Конан отбросил меч и в отчаянии вцепился руками в запястья мертвеца. Но ледяные пальцы неумолимо сжимали его шею, дышать стало невозможно, и силач киммериец рухнул на колени. В глазах у него потемнело. Ледяные пальцы все так же неумолимо сжимали шею. И безостановочно ударял таран в дверь дома. Собрав последние силы, Конан сломал ледяные руки в запястьях. Но только когда он обломал и все пальцы, которые, как сосульки, впились ему в шею, он снова смог свободно дышать. Мертвец взмахнул обрубками рук и ударил Конана по голове. И тут дверь дома подалась под ударами тарана.

Конан подхватил с земли меч. Он рубил и рубил страшный кусок замерзшего мяса, пока не удалось нанести удар по шее. Голова мертвеца покатилась в снег. Лезвие меча слегка затупилось от бесчисленных ударов по льду.

— Это мертвецы! — закричал Конан. — Берите топоры и дубины! Меч против них бессилен!

Рядом с ним один из воинов в ужасе уставился на высокого мертвеца:

— Это же Хрульф, мой друг! Но ведь его убили позавчера, когда на нас напали из засады!

— Этих мертвецов разбудило какое-то колдовство, потому что мы не похоронили их! — крикнул в ответ Конан. — Мы должны убить их во второй раз, иначе они всех нас погубят!

Он разрубил мечом одного из мертвецов, которые били тараном в дверь. И тут дверь распахнулась. Из дома высыпали воины Альквины с факелами в руках. Конан успел увидеть, как один молодой боец упал на землю, — ледяные пальцы сдавили шею несчастного, мертвец зубами грыз его лицо. В доме был сущий ад. Женщины и дети кричали, от страха ревели и мычали коровы, ржали лошади. Животные чуяли, что творится что-то страшное, противное природе. Воины бились с ледяными чудовищами секирами и простыми топорами, нескольких уже удалось разбить в куски, словно ледяные глыбы.

— Ворота! — послышался чей-то крик. Обернувшись, Конан увидел, что главные ворота крепости медленно отворяются.

— Скорее закройте ворота! — закричала Альквина. Она стояла рядом с киммерийцем, глаза ее блестели, волосы развевались на ветру.

— Назад в дом! — крикнул ей Конан. — Уж мы одолеем этих ледяных тварей! — Не дожидаясь, пока Альквина уйдет в дом, он бросился к воротам. Пускай они мертвецы — можно убить их и во второй раз. Но пришлось отступить — в воротах уже теснились целые полчища ледяных чудовищ. Они наступали в зловещем молчании, от которого кровь стыла в жилах. У многих не было руки или ноги На теле каждого зияли страшные раны. В глазницах блестели кристаллы льда. Снег и лед покрывал их бороды, белел в разинутых ртах.

— Это воины Одоака! — воскликнул Конан. — Убитые, которых мы оставили в лесу после сражения!

Конан бросил меч и схватил большой камень — обломок, видимо когда-то свалившийся со стены. Собрав всю силу своих мускулов, Конан швырнул его в ближайшего из врагов. Мертвец с грохотом рухнул наземь и больше не шевельнулся. Конан оглянулся в поисках другого подходящего камня. И тут он увидел, как здоровяк крестьянин, с которым он недавно мерился силой, крушит ледяное чудовище деревянной дубиной.

Вокруг шло побоище. Воины Альквины пустили в ход все, что могло служить оружием против заледенелых чудищ. Конан мысленно возблагодарил богов за то, что после сражения в лесу, прежде чем бросить убитых на поле боя, победители догадались забрать их оружие. В этот миг киммериец услышал за своей спиной чей-то крик. Мгновенно обернувшись, он увидел, что одно из чудовищ сжимает в ледяных лапах королеву. Альквина отчаянно вырывалась из ледяных объятий. И вдруг она лишилась сознания. Мертвец подхватил ее и вскинул на плечо.

Со сверхъестественной легкостью и быстротой чудовище бросилось к воротам. Другие мертвецы продолжали биться с живыми, хотя было ясно, что у них нет шансов победить людей. В это время сорвался с привязи сбесившийся со страху бык, он поддел рогами одного из мертвецов и бросил его на крышу дома. Конан пустился вдогонку за похитителем Альквины. Мельком он увидел еще, как один молодой парень плеснул на ледяного мертвеца из котла жиром и поджег его факелом.

— Отличная мысль! — крикнул ему Конан.

Мертвец со своей ношей был уже за воротами, на равнине, где высились каменные глыбы. Он бежал в сторону леса, на запад, Конан мчался со всей быстротой, на какую был способен. И сейчас его снова сбивало с толку — как это существо, у которого кровь в жилах превратилась в лед, может бежать с такой немыслимой скоростью. Пар от дыхания киммерийца повис в воздухе, точно лента. Его черная грива развевалась на ветру подобно знамени. Всякий обыкновенный человек уже сто раз поскользнулся бы на заледенелой земле или оступился бы, не разбирая дороги в сумраке. Но не Конан! Ведь он вырос в горах. Его глаза различали все в свете месяца так же хорошо, как другой видит окружающие предметы при ярком солнечном свете в полдень.

Ледяное чудовище уже приближалось к Большим камням — огромному кольцу каменных глыб на краю равнины. Оно, казалось, чувствует, что Конан вот-вот настигнет его. Мертвец остановился и обернулся назад. В ту же секунду Конан схватил Альквину и вырвал ее из лап чудовища. При этом часть ее одежды осталась в руках у мертвеца. Конан быстро опустил бесчувственное тело королевы на землю и приготовился к схватке с мертвецом. Вид

у того был ужасный — наверное, страшнее всех остальных, потому что голова мертвеца была разрублена вдоль надвое.

Глазные яблоки выкатились из глазниц и повисли над холодными мертвыми щеками — такой силы был смертельный удар, который нанес ему киммериец в лесном сражении.

— Агилульф! — в изумлении воскликнул Конан.

Убитый воин шел на него. Оружия у Конана не было. Он посмотрел, нет ли поблизости подходящего камня. Но ледяные руки уже тянулись к нему. Он схватил руку за запястье и попытался вывернуть ее за спину. Но другая рука мертвеца в это время уже обхватила его поперек туловища. Конан силился достать запястье этой руки. Но ухватиться за гладкую ледяную руку было почти невозможно. «Как хорошо, что я тогда разрубил Агилульфу даже челюсти, — мелькнула мысль. — Не то он загрыз бы меня зубами».

Они отчаянно боролись. Каждый старался схватить противника и задушить насмерть. Мертвец боролся с ловкостью живого человека. Но силой он обладал сверхъестественной. Вдруг он с размаху швырнул Конана спиной о каменную глыбу. У киммерийца посыпались искры из глаз. К счастью, в тот же миг ему явилась спасительная мысль. Здесь нет камня, который можно бросить в мертвеца, — значит, надо попробовать сделать наоборот.

Не прекращая борьбы, они постепенно перемещались все ближе к огромным опрокинутым каменным глыбам. Конану удалось высвободить одну руку. Он тут же схватил Агилульфа за ногу выше колена. Нечеловеческим напряжением сил он сумел поднять мертвеца над собой и швырнул его на камень. Раздался громкий треск костей. Мертвец скатился в снег и лежал неподвижно. Но лишь какое-то мгновение. Он снова встал на ноги.

Конан опять поднял мертвого врага и с диким пронзительным воплем швырнул о камень. В этот раз треск костей был еще громче, но и теперь Агилульф встал. И в третий раз, в последнем сверхмощном напряжении сил, Конан высоко поднял его над головой. Мертвец был тяжелый, как мешок с камнями. Лишь более или менее целая кожа не давала ему развалиться на куски.

— Умри же наконец навеки! Проклятье Крома на твою голову! — С этим возгласом киммериец в третий раз обрушил мертвеца на камень.

Теперь мертвец остался неподвижным. Даже опытный лекарь навряд ли смог бы опознать в этой груде ледяных обломков человеческое тело.

— Ну что, Агилульф, — насмешливо заговорил Конан, как только отдышался, — живым ты не смог меня победить. И что же, ты надеялся, что мертвому тебе повезет больше?

— Ты убил его дважды, — сказала Альквина. — Зачем же ты еще и издеваешься над ним?

Конан обернулся. Альквина стояла возле каменной глыбы, ее плечи вздрагивали.

— Я служил многим правителям, — сказал Конан, — но тебе угодить труднее всего. Ты ранена?

— Все тело болит, но, по-моему, никаких серьезных ран нет. — Она пыталась хоть как-то стянуть на груди порванное платье. Киммериец однако разглядел округлую грудь и стройные бедра. Королева стояла, гордо подняв голову, и, казалось, не ощущала холода. — Я пришла в себя, когда ты первый раз швырнул чудовище на камни. Так что я видела вашу схватку. И теперь я думаю, что правильно поступила, приняв тебя к себе на службу.

— А я уж боялся, что не доживу до того дня, когда услышу такие слова. — Конан ухмыльнулся.

— Работа еще не завершена, воин. Мне кажется, сегодняшнее нападение — только

начало большой войны.

— Надо идти, государыня, — напомнил Конан. — Пойдем, вернемся в крепость. Нужно посмотреть, много ли погибло наших бойцов и какой ущерб нанесен хозяйству. Мы, конечно, отбили нападение мертвых врагов, но это не помешает нам околеть от холода.

— Ты прав, — согласилась Альквина. Она была очень усталой, ветер трепал концы ее одежды, обнажая здесь и там белую кожу. Конан сильной рукой заботливо обнял королеву за плечи. Она не противилась.

Возвращаясь в крепость по залитым лунным светом полям, они еще издали увидели, что во дворе перед домом как будто горит слабый огонь. К счастью, вскоре стало ясно, что это не пожар. Можно было надеяться, что хотя бы сегодня морозной ночью у них будет крыша над головой.

Они вошли в ворота, и тут поднялся громкий крик ликования.

— Мы уже решили, что потеряли тебя, — сказал Рерин. — Все были настолько поглощены борьбой, что только сейчас, когда все наконец миновало, обнаружили твое отсутствие и поняли, что тебя похитило одно из этих ледяных чудовищ. — Голос старика дрожал от волнения и радости. — И тогда мы стали тебя искать, но безуспешно, нигде не было даже следа. Один молодой воин сказал, что видел, как ледяной мертвец потащил тебя с собой, взвалив на плечо и выбежав за ворота. Он видел и то, что следом бросился киммериец. Мы как раз собирались послать вдогонку поисковый отряд.

— Все враги уничтожены? — спросила Альквина.

— Да. Это дорого обошлось нам. Каждый мертвец стоит нескольких наших бойцов. Но все враги мертвы — дважды убиты.

— Там, на равнине, возле Большого кольца, лежит еще один. Чужестранец расправился с ним голыми руками. — При этих словах Альквины поднялся шум восхищенного изумления. — Принесите и мертвеца с равнины тоже сюда, — приказала королева. — За воротами сложите большой костер. Нам придется сжечь всех мертвецов. Сколько человек мы потеряли за сегодняшнюю ночь?

— Двух воинов, государыня, — ответил Зиггайр. — И трех крестьян. Если бы в самый решающий момент не вступил в бой киммериец, наши жертвы были бы намного больше.

— Да, — равнодушно отозвалась Альквина, — он держался мужественно. Ну, за дело, несите дрова для костра. Я хочу, чтобы мертвецы обратились в пепел, и мы развеем его по ветру.

— Стало теплее, — заметил Конан. По-прежнему дул ветер, но если раньше он был ледяным, то теперь казалось, что он веет теплом.

— И правда. — Альквина обернулась к старому волшебнику: — Что ты об этом думаешь?

— Теперь мне ясно, что замышлял Йильма. С помощью заклинаний он вызвал лютую стужу. Из-за нее мы не смогли сразу же похоронить убитых. И тогда он направил мертвецов против нас, чтобы они напали на крепость и открыли ворота. А в ворота вошли воины Одоака. Вернее сказать, вошли те, кто были воинами Одоака при жизни.

— Давайте сходим в гости к королю Одоаку, — предложил Конан. — Этого подонка, колдуна, я с превеликой охотой задушу собственными руками.

— Нет, сначала надо навести порядок здесь, — возразила Альквина. — Когда вспыхнет костер и мы сожжем мертвых, можно будет поговорить о том, как быть дальше. За дело!

До самого рассвета шла жаркая работа. Женщины наводили порядок в доме. Воины и

крестьяне ушли в лес и валили деревья для костра. Запасы сухих дров было решено поберечь на будущее. Но и лесные сосны отлично годились для костра — они еще не отсырели от снега. Запряженные быками и лошадьми телеги свозили лес к крепостной стене. Там, возле ворот, из стволов был сложен огромный костер, сверху дрова полили жиром.

В костер были брошены трупы убитых — и друзей, и врагов. Убитых животных решили сжечь вместе с людьми. Солнце стояло еще высоко в восточной стороне неба, когда костер подожгли. В огонь было брошено также оружие убитых воинов — если бы их хоронили в земле по обычаю, то оружие положили бы в могилу.

— Смотрите! — воскликнул Рерин. Языки пламени взметнулись высоко к небу. Волшебник поднял руку и показывал куда-то вдаль. Там, в вышине, кружили две сороки.

Глава пятая
КОЛДОВСКОЕ ИСКУССТВО

— Йильма! Ты подвел меня, — с угрозой в голосе произнес Тотила.

Волшебник только пожал плечами и плотнее запахнул плащ из оленьих шкур.

— Не я подвел, Тотила, а мертвецы.

— От мертвых я не могу требовать многого, — возразил король, едва сдерживая ярость. — Но от моего волшебника я ожидаю результатов, а не пустых отговорок! Сперва ты устроил этот жуткий холод, от которого у меня погибло огромное количество скота и рабов. А теперь, оказывается, твое мертвое войско подвело.

Король и колдун сидели в зале дворца Тотилы и спорили. Меж тем воины веселились и пировали, радуясь тому, что миновала внезапно наставшая стужа.

Йильма поднялся с надменным видом:

— Если государь больше не нуждается в моих услугах, то, несомненно, найдется какой-нибудь другой король, который с радостью примет меня к себе на службу.

Тотила пошел на попятный:

— Ах, да нет же, Йильма, садись! Я сказал, не подумав. Нам надо выработать другой, хороший план действий, это же ясно. Но при этом нельзя допустить, чтобы обезлюдела вся моя страна. Хочет того король или нет, он должен заботиться о крестьянских плугах так же, как о мечах. Раньше, когда я командовал отрядом, где под моим началом был всего-то десяток человек, подобные мысли никогда не приходили мне в голову. Но теперь я понимаю, что потеря быков для правителя иной раз так же неприятна, как потеря воинов. Даже рабы имеют определенную ценность. — Тотила беспокойно теребил рыжую бороду унизанными перстнями пальцами. — Как же нам выйти из положения?

— Государь, дай мне поразмыслить об этом, — сказал Йильма. — Мне открыт доступ к некоторым колдовским таинствам, с помощью которых я, может быть, найду выход. У меня имеется связь с некоторыми могущественными силами. Позволь мне призвать эти силы и посоветоваться с ними. Ты разрешаешь мне удалиться в мою хижину для общения с духами?

— Разрешаю, милостиво кивнул Тотила.

Йильма через весь зал направился к двери. При каждом шаге постукивали и побрякивали подвески на его плаще, люди при виде его умолкали. Потом воины снова начинали бросать кости или возобновляли прерванные состязания в силе. Король Тотила сидел на своем месте и о чем-то мрачно размышлял. То и дело он поглаживал свой плащ скальпы убитых князей и воинов.

В это же время держала совет со своим чародеем и воинами королева Альквина.

— Что нам делать, чтобы защититься от нападения Тотилы? Ясно как день — он уничтожит всех нас до единого, если мы не предпримем ничего в свою защиту.

— Сколько воинов у Одоака? — спросил Конан.

— Несколько сотен, если он соберет все свое войско, ответила Альквина. — Больше, чем у нас А почему ты спросил об этом?

— Почему бы нам не заключить с ним союз? Объединенными силами вы с Одоаком можете уничтожить Тотилу. И от этого выиграли бы и ты и он. — Киммериец осушил кружку

пива и поднял ее, чтобы кружку снова наполнили. Как только лютая стужа прекратилась, Альквина распорядилась давать всем еды и питья вдоволь.

— Ну нет! Уж я-то знаю, какова цена такого союза! — горячо возразила Альквина. — Я не лягу в постель этого борова, даже если мне предложат все королевства мира!

— Значит, можно считать план похороненным, — равнодушно заметил Конан.

Тут вмешался Рерин.

— Я боюсь, что следующее нападение Тотилы опять будет поддержано искусством его колдуна. Да и зачем бы он стал подвергать опасности жизнь своих воинов, если этот негодяй Йильма может сделать вместо них всю грязную работу?

— Существует ли возможность убить этого колдуна? — спросил Зиггайр.

— Я в любую минуту готов заняться этим делом, — сказал Конан. — Вы мне только покажите, где он сидит, этот ведьмак, а уж я о нем позабочусь. В конце концов, ведь должен он иногда спать, как все люди! Вообще-то я никогда не убиваю безоружных. Но тот, кто поднимает мертвецов и натравливает на живых людей, не заслуживает ни сострадания, ни справедливости.

Альквина обратилась к Рерину:

— Что ты думаешь, скажи! Сможет Конан подкрасться к Йильме незаметно и убить его? Это был бы приказ совершить убийство, но я отдам его без колебания.

Старик покачал головой:

— Ни один колдун не достиг бы таких высот в своем мастерстве, как Йильма, если бы не позаботился о своей безопасности. Йильма окружил себя множеством ловушек и особой защитой, которая заблаговременно предупреждает его о грозящей опасности. Вспомните хотя бы о его сороках! Они в любую минуту могут устроиться здесь под сводами крыши и подслушивать наши разговоры. — Все лица поднялись кверху, все глаза с испугом обратились к темным балкам под потолком. — Ничего не выйдет. Птицы или другие существа предупредят его о близости наемного убийцы, как бы тайно, как бы хитро ни действовал наш воин.

— Проклятье Крома на его голову! — Конан с силой стукнул кружкой по столу. — Да ведь они смертные, в конце-то концов! Значит, как-то можно с ним справиться!

Но никто не знал, что ответить киммерийцу.

Йильма появился в этих краях десять лет тому назад, после того как был изгнан из своей родной страны Гиперборея завистливыми соперниками. В то время он мог бы отправиться и на юг, где находились богатые королевства. Колдун погрузился в состояние транса и многое выведал у южных чародеев. Сам Йильма был повелителем волшебных сил, что существуют в лесах и в снегах. Он владел волшебными искусствами севера, где живут Великаны мороза и тумана. Он повелевал духами, обитающими в скалах, деревьях и водоемах. На юге же действовали колдовские силы столь же древние, но другого рода. Они подчинялись богу змеев Сэту. И потому власть Йильмы в южных странах оказалась бы, видимо, не такой большой. А учиться новым искусствам он был уже слишком стар.

И потому он направился в эту северную страну, раздираемую распрями королей, и выбрал себе такого короля, которым мог вертеть как только заблагорассудится. Ведь Тотила славился силой и неукротимым нравом, к тому же он был еще и хитер — он понимал, что совершенно ни к чему тратить богатства и терять воинов, если можно заставить работать на себя волшебника. Поэтому Тотила был идеальным орудием для выполнения планов Йильмы. Колдун задумал сделать Тотилу величайшим правителем всего севера, и тогда сам Йильма

стал бы главным северным волшебником. Чародеи низшего уровня, такие, как Рерин, не могли помешать Йильме в выполнении этого плана, потому что они страшились общения и тем более союза с высшими волшебными силами.

Теперь Йильма, колдун Тотилы, шнырял по лесам и горам. Высоко в небе над ним летели его сороки. Они разведывали местность, чтобы никакой враг не мог незаметно подобраться к волшебнику. Блестящими глазами сороки внимательно осматривали лес. Йильма не обращал внимания на холод и снег, погода стояла самая обычная для зимы на севере. В мешке, который захватил с собой колдун, было немного еды. А много ему и не требовалось. Волшебникам не приходится всерьез заботиться о своей плоти.

На третий день своих странствий Йильма вышел на просторную пустошь. Причудливые растения и скалы не радовали глаз — наоборот. Все здесь было засохшим и уродливым. Йильма являлся на эту пустошь два или три раза в год и собирал здесь растения, какие не произрастали больше нигде во всей стране. Почти все, что росло на пустоши, обладало свойствами, которые Йильма высоко ценил. Но на сей раз он пришел не для того, чтобы собирать травы.

Он шел по пустоши все дальше и дальше, и растительность становилась все более скудной. Наконец исчезли последние травы. Земля дальше была промерзлая и покрытая трещинами, она напоминала дно высохшего озера. Посреди этой пустыни возвышался округлой формы холм, увенчанный, словно короной, древней каменной стеной. Холм был похож на тот, на котором построила свою крепость Альквина. Опираясь на посох, Йильма поднялся на вершину холма.

Отсюда открывался широкий вид на окрестность. Но Йильма мог видеть только безжизненную пустыню, по которой пришел к холму, ни лесов, ни гор вдали как бы не было видно. Законы обычного мира не имеют силы в тех местах, где живут демоны.

В стене на вершине холма имелся узкий проход. Внутри каменной короны стояла похожая на улей хижина, сложенная из камней. Йильма приказал своим пернатым разведчицам наблюдать за происходящим вокруг и вошел под низкий свод хижины. В ней было темно и пахло чем-то затхлым. Колдун поспешил развести огонь, запалив ветки, которые собрал по дороге. В свете пламени из темноты выступили каменные стены и глинобитный пол. В хижине не было ни мебели, ни домашней утвари.

Йильма стал бросать в огонь мелкие предметы, которые доставал из своего дорожного мешка: кости, перья, комочки засохшей крови, травы и корешки растений, собранные раньше на пустоши… Над очагом поднялся разноцветный дым, он вскоре заполнил всю хижину, поскольку дымохода здесь не было. По непонятной причине дым, однако, не выползал наружу через входную дверь. Йильма глубоко вдохнул едкий пахучий дым и запел песнь-заклинание, раскачиваясь из стороны в сторону. Время от времени он ворошил угли в очаге своим посохом. В такт пению он монотонно встряхивал гремушку, сделанную из пустой высохшей тыквы, которую также принес с собой. Мало-помалу он начал терять представление о времени и пространстве. Хижина и заполняющий ее дым исчезли. Йильма перенесся в мир духов.

Всякий раз он не был уверен, что переход в это удивительное царство произойдет успешно. Мир духов и мир людей не имели четких границ, какими разделены страны и государства в реальном мире. Йильма уже не раз проникал в мир духов через одни и те же ворота, но еще ни разу не случилось так, чтобы он очутился в том месте, куда попал в прошлый раз.

Сейчас он стоял на бескрайней равнине. Смеркалось. На небе блестели звезды, каких не увидишь в мире людей. В дальней дали выступали силуэты высоких гор, которые, казалось, медленно движутся, и в их движении словно таилась угроза. Йильма сидел на земле и все так же распевал волшебные песнопения и раскачивался всем телом. Пламя очага пылало перед его глазами и здесь, однако он не видел ни дыма, ни углей.

К Йильме начали приближаться странные создания. Худые тела их казались изможденными, смотреть на них было жутко. Большие горящие глаза блестели в сумраке. Но ни одна из этих тварей не осмелилась ступить в волшебный круг света, исходившего от пламени. Спустя некоторое время эти существа скрылись. Теперь к огню приблизилось громадное чудовище.

Это чудище, направлявшееся по пустынной равнине к волшебнику Йильме, было просто ужасающего вида. Огромное вздувшееся туловище, жабья голова, глаза, пылающие свирепой, поистине демонической злобой. Изъеденная, словно пятнами проказы, кожа была усеяна бородавками гигантских размеров, складки ее висели мешками до земли. Весь вид чудовища внушал отвращение. Оно остановилось перед колдуном и уставилось на него, благоразумно выжидая. Потом демон заговорил свистящим шепотом:

— Чего ты хочешь? — Язык, на котором он говорил, понимали только демоны и немногие колдуны.

— У меня есть враг, — заговорил Йильма. — Еще я желаю, чтобы мой король получил в жены некую известную мне женщину. Ты должен убрать с дороги моего врага. Ты должен похитить женщину, чтобы я мог доставить ее моему королю.

— Эта женщина — тоже королева? — спросило чудовище.

— Да. Но она не тебе предназначена! Ты должен доставить ее сюда, на это место, живой и невредимой. Я требую этого на основании пакта, который мы заключили много лет назад.

Жаба-гигант с нескрываемой ненавистью уставилась на колдуна:

— Я выполню условия пакта. Ну, давай показывай мне все!

Пламя, разожженное колдуном, превратилось в кипящий огненный пруд, размером с тот. что на лесной поляне служил Йильме магическим орудием. В нем начали проступать картины и образы. Первым возник вид с птичьего полета на крепость Альквины и ее дом, который казался крошечным посреди каменного кольца стен на холме, вокруг простиралась усеянная огромными каменными глыбами равнина.

— Здесь они живут, — пояснил Йильма. — С середины лета королева поселилась среди Камней Мертвых.

— Поразительная глупость выбрать для своего жилища именно это место, — прошипел демон. В его лишенных век глазах замелькали коварные злые искорки. На протяжении многих, многих орбитальных оборотов мы чувствуем воздействие странного излучения всякий раз, когда так или иначе соприкасаемся с этим местом.

Языки пламени снова взметнулись ввысь и в них появился образ Альквины. Королева камбров сидела в своих покоях, она спустила с плеч одеяние, и во всей красе можно было видеть ее руки и грудь. Служанка расчесывала ее великолепные блестящие волосы, ниспадавшие по белым плечам, словно златотканый плащ. Лицо королевы было исполнено задумчивости. Но какие мысли таились за ее высоким челом, оставалось неизвестным. Она что-то сказала. однако не было слышно ни звука.

— Королева красавица, если подходить к ней с человеческими мерками, — сказал

Йильма Теперь в пламени показался волшебник Рерин. Старик стоял на галерее, которая проходила с внутренней стороны частокола над крепостной стеной. — Вот он, мой враг! Он тоже волшебник, но его искусство в сравнении с моим ничтожно Кроме того, он ведь не заключал пакта с тобой.

— Слабак, — прошипел демон со скучающим видом. Но тут к Рерину подошел еще кто-то. Этот человек был высок и крепок, бросались в глаза его иссиня-черные длинные волосы. — А это кто еще?

— Это новый предводитель воинов Альквины, — сказал Йильма. — Всего-навсего искатель приключений, ничего не значащая фигура.

Демон взглянул на Йильму с такой злобной ухмылкой, что даже видавший виды колдун на мгновение почувствовал страх. Жаба ткнула лапищей в сторону черноволосого мужчины:

— Его окружает аура необычайной судьбы.

Йильма вгляделся как можно пристальней, но не заметил ничего необычного. Он пожал плечами:

— Многим при рождении предназначена особая судьба, но большинство так и умирает, не дожив до того часа, когда эта судьба могла бы исполниться.

На картине, явившейся взору в языках пламени, Рерин поднял голову и посмотрел, казалось, прямо на колдуна и демона. Подняв руку, он показывал на что-то вверху. Черноволосый человек тоже посмотрел вверх. Затем он схватил копье, которое стояло рядом, прислоненное к частоколу, и с силой метнул его в небо. Копье полетело прямиком в колдуна. Но в последний момент ракурс вдруг изменился, и копье исчезло из вида.

Йильма усмехнулся:

— Этот глупец Рерин научился проверять, нет ли в небе моих верных слуг.

— Мы схватим их всех, — заявил демон. — Королеву, волшебника и этого черноволосого.

— Волшебника ты должен убить, — потребовал Йильма. — Воин… — он равнодушно махнул рукой, — делай с ним что пожелаешь. А вот королеву ты обязан доставить мне невредимой. Разум ее, пожалуй, пускай страдает от всего, что ей предстоит выдержать в пути. Моего короля интересует в основном ее тело. Она должна сохранить красоту и способность рожать ему здоровых наследников.

— Об этом можешь не беспокоиться, с ее телом ничего плохого не случится, — пообещал демон. — Но мне нужно некоторое время, чтобы направить все в нужное нам русло. Короче, когда ты будешь в состоянии транса, я сообщу тебе о том, что королева у меня и ты можешь ее забрать. Ты пойдешь снова в то место, откуда сегодня перенесся сюда, в наш мир, и совершишь те же действия, что сегодня. И тогда я передам тебе королеву в соответствии с условиями пакта, который мы с тобой заключили.

— Так и сделаем, — подтвердил Йильма.

Он взмахнул рукой — и пламя погасло. Колдун снова оказался в каменной хижине. Перед ним на земле лежала уже остывшая зола. Снаружи доносился стрекот сорок.

Конан стоял в дозоре и хмуро поглядывал вокруг. Эта равнина внушала ему глубочайшее отвращение. Все было хорошо — с воинами он быстро нашел общий язык, к королеве как к правительнице тоже нельзя было придраться. Но эти каменные глыбы, стоявшие здесь с древнейших. времен, своим видом наводили на него смертельную тоску. Мощные каменные столбы — нет-нет, они не могли быть созданы человеческими руками, в этом Конан был

абсолютно уверен. Они были слишком громадными, чтобы люди могли установить их даже с помощью каких-то орудий и приспособлений. Холодные, надменные громадины, окруженные безмолвием. Киммериец ни минуты не сомневался, что среди этих камней бродят духи тех, кто их установил здесь. Старик Рерин был с ним согласен, но Альквина, выбравшая это место для своей крепости, считала, что кольцо каменных глыб может служить хорошим оборонительным сооружением при защите от врагов, которых было немало.

Тихо падал снег. Над воротами крепостной стены Конан велел соорудить для дозорного маленькую сторожевую башенку. Скорее даже навес на четырех столбах, чтобы укрываться под ним от дождя и снега. Со всех четырех сторон башенка была открытой, и отсюда можно было беспрепятственно следить за подступами к крепости.

Конан услышал чьи-то шаги на лестнице и быстро повернулся. Наверное, кому-то из его товарищей не спится, вот он и пришел скоротать время за разговорами. Как же велико было удивление Конана, когда он увидел королеву.

— Добрый вечер, государыня, — сказал он, вкладывая меч в ножны.

— Ты очень осторожный человек — обнажаешь меч, даже когда кто-то подходит со стороны двора, — сказала Альквина.

— Я потому и дожил до моих лет, что никогда не считал, что если человек подходит ко мне сзади, то он непременно мой друг, — ответил киммериец. — Кроме того, мне столько раз приходилось стоять в дозоре вне очереди, и все из-за того, что я не встречал подобающим образом военачальников, которые проверяли, не спит ли солдат на посту. Я не скоро одолел эту науку, но зато она мне очень пригодилась, когда я служил в армиях южных стран.

— А я вот просто диву даюсь, если оказывается, что дозорные не спят на посту. Приходится по ночам устраивать проверки. А как поступают начальники в южных армиях с дозорными, которые засыпают на посту?

— По-разному. Где сразу тащат на виселицу, где — ограничиваются поркой. Но я не советовал бы тебе применять такие наказания. Северные воины совсем не то, что южные.

— Мне просто не спится сегодня. — Альквина подошла к Конану и встала рядом, облокотившись на деревянную ограду. Она молча вглядывалась в очертания огромных каменных столбов, которые внушали Конану такую тревогу. — Я хотела зайти к Рерину, но он уже лег спать. Ты один не спишь во всей моей крепости.

— Что же мешает твоему сну? — спросил Конан и почувствовал, что начинает злиться. — Пир удался на славу. Я заметил, что и ты выпила пива, прямо скажем, порядочно. Парни храпят себе в доме, отсыпаются за прошлую ночь. Скотина в стойлах. Мертвецы пока что больше не показываются.

— Не смей говорить со мной насмешливым тоном! У меня есть причина для беспокойства. — Альквина снова обернулась к освещенной луной равнине: — Я чувствую, что там вдали что-то происходит. Конечно, это место совсем неподходящее, не годится тут жить. Лучше было бы обойтись обычными деревянными стенами, какие строили люди испокон веков для своей защиты.

— Теперь поздно что-то менять, не стоит из-за этого беспокоиться, — серьезно сказал Конан. Ему неприятно было говорить об этой равнине. Хватило с него и одного сражения с ледяными мертвецами. Теперь, когда их нападение было отбито, он надеялся, что больше уже не приведется иметь дело со всякой нечистью. Простой, честный бой с Тотилой — да, вот это его устроило бы. Честно сражаться с настоящими людьми настоящим оружием — тут все ясно и понятно, и не играет роли, если перевес сил у противника. — Нам надо

продержаться здесь до весны. А весной пошлите меня с отрядом в горы. Я наверняка найду там место, удобное для сооружения крепости и защиты ее от врагов.

— Может быть, весной будет поздно. — Голос Альквины чуть дрожал, но не от холода. — Вероятно, мне все-таки придется пойти на союз с Одоаком.

Конан как ни отгонял эту мысль, а все-таки подумал, что бессонница королевы вызвана отсутствием достойного мужского общества. Определенно, она не выходила зимней ночью из дома ради того, чтобы побеседовать с Зиггайром или другим воином. В отличие от него, Конана, они не обладали таким богатым набором качеств, которые нравятся женщинам. Конан как раз собрался перейти от теоретических обоснований к практике, но тут его замечательный план был расстроен Рерином. Старик, кряхтя, взобрался на галерею именно в тот момент, когда Конан еще на один шаг приблизился к королеве.

— Я думала, ты уже спишь, — сказала Альквина и быстро отошла от Конана.

— Я тоже! — буркнул киммериец.

— Мне приснился зловещий сон, — объяснил Рерин. — Я совершенно убежден, что Йильма замышляет против нас что-то недоброе. И потому я решил проверить, хорошо ли несет свою службу дозорный. Тебя, госпожа, я, однако, не рассчитывал увидеть здесь.

— Похоже, эта галерея становится излюбленным местом встреч, — сказал Конан. — Но ведь мы уже несколько дней не видели в небе проклятых сорок. Почему же ты думаешь, что Йильма именно сегодня ночью выкинет какую-нибудь штуку?

— Как раз потому, что мы так давно не видели его птиц, — объяснил старик, досадливо поморщившись. — Разве у тебя не возникло подозрений из-за этого, а, юноша?

— Чем реже я вижу всяких там колдунов да волшебников, тем мне веселее, — съязвил Конан. — Это же относится и к духам, которые у них на посылках. А мне встречались и куда более опасные существа, выполнявшие задания колдунов, чем сороки. Но все равно, птицы эти, по-моему, зловредные.

— Я тоже почувствовала что-то скверное, — сказала Альквина, оставив без внимания колкости Конана. — Какие-то странные тени похитили мой сон.

— Раз уж мы заговорили о снах, — дерзко перебил ее Конан, — где, интересно, моя смена? Мне, между прочим, тоже требуется иногда несколько часов сна — со странными тенями или просто так.

— Пойдем, Рерин! — рассердившись, сказала Альквина. — Поговорим в моих покоях, не будем мешать великому герою, который так утомился.

Они спустились вниз. Конан стоял, сложив руки на груди, и мрачно смотрел им вслед.

«Глупости! Есть, в конце концов, и другие женщины. Не у одной ее матери красавица дочь», — подумал он. Век человеческий настолько короток, что на свете полным-полно печальных вдовушек, и многие из них недвусмысленно дают понять, что срочно нуждаются в утешении. Киммериец уже успел наговорить комплиментов здешним красавицам, но Альквина задела его за живое по-настоящему

Разумеется, страна ее была очень мала, однако правила королева успешно, причем всегда ее первой заботой было благосостояние подданных. До сих пор Конану очень редко встречались такие правители. Воины были преданы своей государыне, хотя она вовсе не казалась эдакой воинственной амазонкой. Но главное — Конан находил ее сказочно прекрасной, и он был глубоко уязвлен тем, что она относилась к нему так равнодушно. Понятное дело — королева, конечно же, не снизойдет до того, чтобы всерьез и надолго увлечься каким-то прожженным авантюристом, но разве она не может себе позволить

небольшое приключение? А если так, то с кем же, как не с Конаном? Гордость воина была унижена.

Со стороны дома приближался огонек. Значит, королева передумала? Нет, это был Атаульф, шел с горящим факелом сменить Конана на посту. Атаульф, зевая, поднялся по лестнице и лениво потянулся. Потом воткнул факел в жаровню с углями под навесом.

— Ну что, много врагов высмотрел? — сонно спросил он Конана.

— Заткнись! — отрезал тот. — Почему так долго не шел? Я тут задницу едва не отморозил.

— Не сердись, Конан! Я не опоздал. Просто на посту всегда кажется, что твоему сроку конца не будет. Давай отправляйся теперь на боковую!

Конан ворча спустился вниз во двор. Уж он посчитается с этой заносчивой бабенкой — королева там она, не королева… Он задумался о том, кого осчастливить из трех красоток, что строили ему глазки. Нет, ничего не получится — все давно спят, так что охоты до развлечений в этот час ни у кого нет. Да на самом деле гораздо больше его в теперешнем настроении устроила бы хорошая потасовка. Эх, да чего там, лучше всего пойти и лечь спать. Он вошел в дом и пробрался к своему месту возле стены. Но только он снял панцирь и развесил на крючьях оружие, в покоях у королевы у дальней стены дома раздался крик.

— Кром всемогущий! Да что ж это, опять не прилечь?! — Конан схватил свой меч и побежал на крик. Зал освещался лишь слабым огоньком очага. Не тратя времени на извинения и просьбы дать дорогу, Конан подскочил к ковру перед входом в покои Альквины и, вспоров его мечом сверху донизу, бросился вперед.

Яркий, неестественной силы свет заливал помещение. Конан потерял способность что-либо различать. Послышалось рычание какого-то зверя и снова — громкий человеческий крик.

— Альквина! — крикнул Конан, выхватывая меч из ножен. Свет бил в глаза. — Где ты? — Тут послышался странный певучий звук. В доме поднялся шум, но никто не спешил на подмогу. — Альквина! — И вновь никакого ответа.

Свет стал постепенно слабеть. Стихли крики и рычание, но однотонный певучий звук не прекращался. Наконец Конан снова обрел способность видеть. Все в покоях королевы было разгромлено, мебель переломана, подушки вспороты, словно их рвали чьи-то когтистые лапы. Бревна, из которых была сложена задняя стена дома, оказались прожженными насквозь. В огромную выжженную брешь он увидел следы на снегу.

Киммериец огляделся: откуда идет этот странный звук? И увидел Рерина — с плотно закрытыми глазами тот сидел на полу, обеими руками держа перед собой посох. Вокруг старика клубилось голубоватое облако, которое колыхалось в такт его жалобной песне.

— Хватит завывать, старик! — накинулся на него Конан. — Где Альквина?

Рерин открыл глаза. Пение тут же стихло, облако растаяло. Колдун смотрел на Конана застывшим от ужаса взглядом.

— Демоны! Явились демоны и хотели унести нас обоих! Я произнес волшебное заклинание против них. Меня оно защитило, но я не смог спасти Альквину! — Старик ломал руки в ярости и отчаянии.

— И на что ты вообще годишься? — бросил Конан.

Он подошел к бреши в стене. Концы бревен почернели. Но они не обуглились — они расплавились! Киммериец потряс головой. Как настоящий воин, он не подал вида, что поражен этим сверхъестественным явлением.

— Не может быть, чтобы дерево расплавилось, — сказал он.

— И не может быть, чтобы демоны похищали королев, — сказал Рерин. — И все-таки так оно и есть! В погоню!

Из-за ковра выглядывали испуганные физиономии.

— К оружию! — приказал Конан. — Мы вернем Альквину.

Поскольку снова предстояло сражение с врагами не из плоти и крови, кое-кто из воинов собирался в путь без особого воодушевления. Конан махнул рукой одному из конюхов:

— Эй, оседлай нам двух лошадей, живо!

— Не надо, — остановил его Рерин. — Животные ни за что не подойдут близко к этим чудовищам и даже не поскачут по их следам. Мы должны преследовать их пешком. И поторопимся — нельзя терять время.

Конан протолкался через толпу в зале к своему месту и надел панцирь и шлем. Вернувшись в покои королевы, он взял старого волшебника за плечо и скомандовал:

— Вперед! Пошли скорей, колдун, пока след не простыл.

Они выбрались через брешь в стене наружу. Стояла темная зимняя ночь. Следы на снегу принадлежали не человеку, не походили они и на следы зверя, какие Конан знал. Вдруг с крепостной стены крикнул дозорный:

— Там на равнине что-то движется! Они подходят к Большому кольцу каменных глыб! Прямо к середине кольца!

Таща за собой Рерина, Конан зашагал по следу к Большим камням. Здесь, в этих колоссальных каменных глыбах, также было прожжено отверстие с оплавленными краями. От ужаса волосы зашевелились на голове у Конана, но желание спасти Альквину было сильнее страха. Он обернулся к людям во дворе:

— Мы должны вернуть королеву! Кто со мной? — Вперед вышел Зиггайр и еще несколько храбрых мужчин. — Эх, будьте вы прокляты, несчастные трусы! — крикнул Конан остальным. — Ну, вперед! Скорее!

Они прошли сквозь созданный сверхъестественной силой туннель. Следы заметало снегом, но еще какое-то время они могли оставаться различимыми. Мужчины несли факелы и старались подбодрить друг друга.

— По-моему, я больше чем достаточно побегал за этой женщиной по проклятой равнине, — пробормотал Конан. Потом он спросил Рерина: — Какие эти твари с виду?

— Мне не удалось хорошо разглядеть их. Подобные создания не предназначены для жизни в нашем мире, и поэтому они не сохраняют свой облик неизменным в течение длительного времени. Мне казалось, что ростом они со взрослого человека, и вообще у них вроде бы человеческая внешность. Больше я ничего не могу о них сказать.

— Зачем они похитили Альквину? Почему они хотели похитить и тебя?

Вдали высились гигантские камни Большого кольца. Над ними мерцал странный свет.

— Об этом можно только гадать, — сказал Рерин.

— Так гадай! Ты-то им понадобился, наверное, не из-за твоих прекрасных глаз, а?

— Очевидно, это новые козни Йильмы. Тотила желает непременно заполучить Альквину. А я — ее единственный защитник от колдовства Йильмы.

— Препаршивый защитник, если хочешь знать мое мнение, — не сдержался Конан. — Вот с Тотилой я был бы рад повстречаться. Он же сильнее всех своих врагов, и воинов у него предостаточно, так нет, пользуется услугами колдуна. По-моему, он малость зажился на этом свете.

Они приблизились к каменному кольцу и тут увидели возле гигантских ворот, сложенных из трех плоских камней, целую свору странных тварей. Над отвесными каменными столбами, соединяя их, полыхали жуткие мосты огня. Дальше за воротами бушевало огненное море. Над уродливыми головами чудища держали вытянутыми лапами Альквину.

— Она там. — Конан указал концом меча на королеву. — Мы должны освободить ее!

Воины сгрудились за его спиной и вытаращенными глазами в ужасе смотрели на открывшуюся им картину. Ни один не вышел вперед.

Рерин высвободил плечо из сжимавших его пальцев Конана и сделал попытку как-то упрочить свой пошатнувшийся авторитет:

— Я пойду впереди. — Он горделиво поднял голову, почти одолев дрожь. — Следуйте за мной!

Старик вытянул перед собой посох и вступил в круг. Языки пламени кружили вокруг вихрем, но не касались Рерина. Конан не отставал ни на шаг. Сердце его громко стучало. Пламя вдруг приняло вид маленьких страшных тварей с клешнями, когтями и крыльями как у летучей мыши. Они набросились на Конана. Он отбивался мечом, но клинок проходил сквозь тела этих бестий, не причиняя им вреда. Они кружились вокруг Конана с диким хохотом.

— Не трать силы, — предостерег его Рерин. — Эти твари — плод твоей фантазии.

— Так дай мне что-нибудь, что можно разрубить, будь оно все проклято! — Конан был вне себя от ярости.

— Они расплываются, — сказал старик с испугом.

Конан, прищурившись, вгляделся в огонь. За воротами, сложенными из трех гигантских камней, как будто брезжил свет дня. Монстры со своей драгоценной ношей проскользнули в ворота.

Подойдя к воротам, Рерин остановился и сказал:

— Дальше нам нельзя идти. Там начинается страна призраков.

— Клянусь Кромом, я не вернусь в крепость без Альквины! И ты тоже! — Конан крепко ухватил мага за одежду. В правой руке он сжимал обнаженный меч.

И киммериец двинулся вперед, в иной мир.

Глава шестая
В МИРЕ ПРИЗРАКОВ

Конан прошел в каменные ворота и тут потерял вдруг всякую способность ориентироваться. В течение нескольких мгновений, не соизмеримых с единицами времени, ему чудилось, что он летит в зияющую пропасть. Конан подумал, что оказался в бесконечной пустоте между двумя мирами. Он едва не потерял сознание. Из последних сил сжимал он свой меч и край одежды Рерина.

Внезапно это ощущение исчезло, и Конан с размаху ударился пятками о твердую землю. Он тотчас же отпустил старика и, подняв меч, бросился вперед, чтобы уничтожить врагов, которые тут могли оказаться. В голове у него уже прояснилось. Никто, однако, не нападал.

— Альквина! — крикнул он. Ответа не последовало.

В ярости Конан побежал вперед, стараясь обнаружить следы демонов, похитивших королеву. Нигде ничего. Он спохватился, что надо спросить волшебника, — быть может, он сумеет дать объяснение всем этим непостижимым вещам. Рерин, оглушенный, сидел на земле. Возвращаясь назад, к Рерину, киммериец огляделся по сторонам.

Вместо темной зимней ночи, из которой они пришли сюда, вокруг разливался на удивление тусклый дневной свет. Конан помог старику подняться и сказал робко, что было ему совсем не свойственно:

— Извини, что я так грубо тебя схватил, старина. Я думал, если мы поторопимся, то, может быть, еще успеем спасти королеву.

— Понимаю. — Рерин расправил складки своего одеяния. — Мне кажется, за нами больше никто не последовал, или я ошибаюсь?

Конан взглянул в сторону ворот. Отсюда открывался точно такой же вид, как с равнины, но здесь оказалось, что ворота стоят на лесной поляне. За воротами был виден лес.

— Никто, — ответил он. — Меня это не удивляет. Уже то, что они вообще прошли с нами так далеко, говорит о мужестве наших парней. Легче ведь найти себе нового правителя, чем решиться войти в страну демонов.

— Но ты-то решился, — заметил Рерин.

— Я хочу вернуть ее, — уверенно сказал Конан.

— Ты храбрее большинства мужчин.

— Может быть, — кивнул Конан. — Но я тоже, как и все остальные, испытал сильный страх.

— Тот, кто способен преодолеть страх ради служения своему повелителю, — герой. Альквина действительно в тебе не ошиблась.

— Настанет время, когда я заслужу и награду, — хмуро сказал Конан, которому наскучили долгие разговоры. — Похитители были всего в нескольких шагах впереди, когда вошли в ворота. Почему же теперь их тут нет?

— В мире призраков действуют свои законы, не те, что у нас. Может быть, похитители очутились в каком-то другом месте. Нам посчастливилось — мы с тобой оказались здесь вместе.

— Скоро узнаем, посчастливилось ли. — Конан снова огляделся вокруг. — Что же это за страна?

Поскольку речь идет о стране призраков, то вид у нее был вполне соответствующий. Конан и Рерин стояли на лесной поляне, окруженной холмами. Свет голубого неба был немного необычным. Небо было более ярким и как бы более близким. Кроме того, его словно бы заволокло, — было пасмурно, и все выглядело так, будто они находятся под водой. В тумане плавали какие-то призраки, но пока что угрозы от них вроде не было.

— Здесь как в море, — сказал Конан. — Как в Куше, если смотреть в море под водой через хрустальные наглазники, которые надевают чернокожие ловцы жемчуга.

— Если позволишь заметить, нам в самом деле посчастливилось, — сказал Рерин. — По-моему, мы в стране призраков. Дело в том, что в мире духов, как и в мире людей, существует множество стран. В состоянии транса я побывал во многих из них, но ни в одной — наяву. В иных странах человек мгновенно теряет рассудок. Эта страна, к счастью, приемлема для жизни. Мы попали сюда через ворота, которые расположены в северной части мира людей. Место, где мы сейчас находимся, более или менее похоже на северные области земли. Если бы мы прошли через ворота, которые находятся в Куше, то очутились бы, пожалуй, в каких-нибудь джунглях. Но есть места и похуже, чем джунгли мира духов.

— Ну а возможность вызволить отсюда Альквину — есть? — спросил Конан, чтобы не дать возможности волшебнику слишком отвлечься.

— Наверное. Но нужно время. И еще целый ряд магических веществ. Растения нужны, минералы. Будем надеяться, что они здесь найдутся.

— Время, похоже, у нас есть. Вещества найдем, если они здесь имеются. Ну а потом ты сможешь доставить нас обратно в настоящий мир?

— Да. Через ворота, такие же, как эти. Но это должно произойти в строго определенное время и…

— Хорошо. — Конан отсек лишние объяснения. — Здесь есть люди? — Он посмотрел на какое-то существо, которое летело по воздуху на крыльях, состоящих, казалось, из тонких перепонок, и не обращало внимания на пришельцев.

— Что-то вроде людей… Я видел их, когда находился в трансе. Это не настоящие люди, как ты или я… Они…

— Сколько времени нужно тебе, чтобы узнать, где мы должны разыскать Альквину?

Старик огляделся вокруг:

— Некоторые необходимые мне растения здесь растут. Другие, наверное, тоже найдутся где-нибудь неподалеку. Потом мне надо будет развести огонь, совершить определенные действия, потом еще волшебные заклина…

— Разбуди меня, когда что-нибудь узнаешь. — Конан снял шлем и панцирь и улегся на землю. Спустя миг он уже крепко спал.

Рерин удивленно покачал головой. Даже во сне киммериец не разжал пальцев, стиснувших рукоять меча.

Конан проснулся оттого, что старик тронул его за плечо. Рерин отпрянул — Конан с молниеносной быстротой вскочил на ноги и обнажил меч.

— Да ведь это я, Конан! Я установил, в каком направлении нам надо идти на поиски Альквины. Довольно неопределенно, но все же нам не придется бродить без толку.

— Хорошо, — сказал Конан. Он вложил меч в ножны и надел панцирь и шлем. — По крайней мере здесь не очень холодно.

Погода стояла такая, какая бывает в мягкие весенние дни на севере: холодно ровно настолько, чтобы напоминать о том, что зима еще не распрощалась насовсем. Конан сложил

свой плащ и перекинул его через плечо. Жизнь бросала его в разные необычайные земли. Это неотъемлемо от жизни, если она — одно сплошное приключение. Теперь он опять очутился в необычайном месте, но и здесь киммериец был готов идти своим собственным путем.

— В путь! На поиски Альквины! — скомандовал он.

На какое-то время Альквине показалось, что она лишилась рассудка. Вот только что она сидела в своих покоях и спокойно беседовала со старым Рерином. И вдруг бревенчатая стена начала плавиться, и в ослепительном свете ворвалась свора страшных демонов. Как в кошмарном сне, уродливые твари схватили ее своими лапами. Она рассчитывала позвать мужчин на помощь своим обычным властным голосом, но вместо этого пронзительно закричала. Когда они потащили ее прочь, она успела услышать голос Конана. А потом ее закружило вихрем всевозможных звуков и образов, и теперь она окончательно потеряла способность ориентироваться.

Она в смятении огляделась по сторонам. Где она? В первую минуту она даже боялась вздохнуть — воздух вокруг с виду был плотным, как вода. Но, осторожно вздохнув, она с облегчением почувствовала, что воздух самый обыкновенный. Может быть, что-то случилось с ее глазами? Но нет, все близкие предметы она отчетливо различала. К несчастью! Потому что теперь она увидела все ужасающее безобразие своих похитителей.

Они отдаленно напоминали изможденных людей, вернее, казались непристойной карикатурой на человеческий образ. Все были разные. На мордах у них были клювы, как у попугая, а вместо зубов — щупальца, пасти их сейчас были разинуты от безумного хохота. Большие выпученные глаза без век, и в каждом глазу по два зрачка. Руки со множеством пальцев покрывала серая грубая и чешуйчатая кожа. А запах! Он был еще более гнусным, чем их облик. Чудовища положили Альквину на землю и теперь, видимо, держали совет. Они следили за ней настороженно, однако ничего угрожающего в их поведении пока не было.

Альквина села и огляделась. Удивительная была здесь трава! Сине-зеленая, очень короткая и упругая. Альквина никогда не видела такой травы. Некоторые деревья показались ей знакомыми, у других же были кроны как будто из перьев и витые стволы. Над деревьями летали пестрые птицы, в страхе спасаясь от похожего на земноводное чудовища с перепончатыми крыльями. Во всяком случае место, куда попала Альквина, не имело ничего общего со странами севера. Было холодно, но совсем не так, как в стране, откуда ее похитили.

Серые чудища увлеченно спорили и вскоре совсем перестали следить за Альквиной. Они квакали и пищали, многопалые лапы бурно жестикулировали. По их поведению Альквина догадалась, что чудищам это место также незнакомо и они стараются не привлекать к себе внимания. Но кого или чего они боятся? Как бы там ни было, следовало полагаться на то, что враг врагов королевы окажется ее другом.

У нее не оставалось сомнений, что все происшедшее подстроил своим колдовством Йильма по указке Тотилы. Что же будет дальше? Она не знала. Знала она только то, что рассчитывать может лишь на себя. Ни один из воинов не последовал сюда за нею. Да и как бы они смогли? Альквина силилась перебороть нахлынувшее чувство безнадежности. Нет, она ведь королева и не имеет права вести себя как какая-нибудь забитая кухарка! Прежде всего ей надо бежать от этих невыразимо отвратительных чудищ.

Вдали за вершинами деревьев в сумраке виднелись горы. На склоне ближней горы стоял дом, но если это дом, то он был невероятных, огромных размеров. И в нем наверняка живут великаны, такие же огромные гиганты, как те, что когда-то построили стены на равнине, где

стоит ее собственная крепость. Бежать к этому дому было бы глупостью, подумала Альквина.

Но сейчас был самый подходящий момент для побега! Похитители по-прежнему горячо спорили и были озабочены, похоже, не столько наблюдением за пленницей, сколько собственной безопасностью. Альквина осторожно подобрала под себя ноги.

Как только визг и кваканье в очередной раз возвысились до пронзительнейших нот, Альквина вскочила и бросилась бежать. Позади послышались ужасные вопли, но она не обернулась. Она бежала в сторону леса. Вот голоса ее преследователей сделались громче. Что-то уцепилось за край ее шубы. Она вырвалась и помчалась что было духу. Обеими руками она придерживала подол платья, путавшегося в ногах, но сбросить платье не могла, потому что при одевании и раздевании ей всегда зашнуровывала платье служанка.

Наконец она оказалась под защитой деревьев. Она надеялась, что в лесу демоны потеряют ее из виду. До сих пор они вели себя очень умно. Как преследуемая охотниками косуля, королева, не разбирая дороги, бежала по лесу. Чем гуще становился подлесок, тем пронзительнее и истошней визжали демоны.

В лесу было темно и страшно, но Альквина не позволила себе бояться еще и леса. Голоса преследователей стали тише, однако она не замедлила шаг, хотя уже задыхалась. Она перебралась через ручей, воды которого текли удивительно медленно.

На берегу она без сил повалилась на землю под высоким растением с золотыми мясистыми листьями и в изнеможении прижалась к его стволу. Как ей казалось, она оторвалась от погони настолько, что преследователи не могли увидеть, куда она спряталась. Нервы Альквины были напряжены до предела, она с усилием вслушивалась в тишину, боясь услышать шум погони. Но лишь раз донесся какой-то хлюпающий звук, а больше не было ничего, кроме обычных для леса шорохов.

Она очнулась от полудремы, разбуженная звуком тихих шагов чьих-то больших осторожных ног. Она не знала, как долго пролежала вот так, почти без сознания. Сумрак сгустился. Альквина все еще не пришла в себя, ноги и руки у нее были словно свинцом налиты. Наверное, это последствия пережитого шока. От цветов растения, под которым она пряталась, исходил густой аромат. Она хотела отвести от лица ветви с листами, но не смогла поднять руку. И Альквина с ужасом увидела, что крепко прижата к земле побегами дерева, спускавшимися сверху, как воздушные корни. И теперь ее глазам открылось жуткое зрелище: всюду под деревом лежали кости зверей!

Стараясь не шуметь, она начала бороться. Зеленые оковы понемногу ослабели. Оказалось, что тонкие, как волос, корешки проросли даже сквозь ее платье. Отрывать их было больно, на коже оставались раны. Альквина возблагодарила Имира за то, что чьи-то шаги разбудили ее, прежде чем растение-убийца ее погубило.

С трудом разорвав последние лианы, она ползком выбралась из-под дерева и некоторое время лежала, тяжело дыша, не в силах пошевелиться.

Темнота быстро сгущалась. Постепенно исчезло одурманившее Альквину воздействие ядовитых цветов. Вскоре погас последний солнечный луч и воцарился сумрак, мерцающий, как перламутр. Но что же это за место? Альквина боялась демонов, боялась жителей этой страны, боялась зверей, но разве могло прийти ей в голову, что следует остерегаться даже растений? Лишь теперь она по-настоящему осознала всю глубину своего одиночества и всю опасность положения. Никогда раньше она не была так одинока. Она дрожала, и не только от холода. Куда идти? Силы ее были на пределе, но она боялась заснуть хотя бы ненадолго.

Она с трудом поднялась на ноги и оглядела себя. Отороченное мехом платье было порвано и обнажало тело гораздо больше, чем это подобало благородной даме-северянке. Нежная кожа покраснела, кровоточили многочисленные мелкие раны. «Хорошо еще, что здесь не очень холодно», — подумала Альквина.

Над вершинами деревьев поднялась луна, и стало светлее. Луна была почти такая же, как та, которую знала Альквина, только намного больше и зеленоватого цвета. Альквине раньше никогда не случалось очутиться так далеко от дома, однако она знала, что раз на небе луна, значит, она в какой-то земной стране.

Демонов нигде не было ни слышно ни видно. Запаха их также не ощущалось. Куда же ей идти, в какую сторону? Она выбрала наиболее удобный путь — вниз по склону, вдоль берега ручья. Стояла тишина. Лишь изредка плескалась в воде рыба.

Через некоторое время она вдруг заметила, что ручей этот — какой-то странный. Она остановилась и бросила на воду светлый листок. Так и есть — вода в ручье текла не вниз, а вверх по склону! Ни один человек, как бы много он ни путешествовал по свету, не рассказывал, что видел подобное.

Едва не падая от усталости, Альквина побрела дальше. В конце концов она начала засыпать на ходу — она споткнулась и с размаху ударилась о ствол дерева. Было ясно, что нужно хотя бы немного отдохнуть. Но где найти безопасное место? Она вышла на поляну. Здесь не росло ничего, кроме короткой травы. Отойдя на самую середину, как можно дальше от деревьев и кустов, она улеглась. Из-за усталости она не почувствовала ни холода, ни неудобства. Темные крылья сна милостиво опустились над нею.

Альквина проснулась. Все тело болело, ноги ныли, было холодно. Но она отдохнула и вновь обрела способность ясно мыслить. После такой ночи благородная дама родом из цивилизованной страны или умерла бы, или по крайней мере очень ослабела, но в суровых северных землях даже королевы были закаленными, как сталь.

Альквина огляделась и тут с ужасом увидела, что совсем рядом с нею стоит невысокое дерево. Когда она устроилась здесь, чтобы поспать, никакого дерева не было. А сейчас оно стояло в двух шагах от нее, из земли тянулись мощные корни. Альквина взглянула внимательнее — да, корни медленно, почти незаметно движутся. С ветвей свисали длинные, покрытые шипами лианы, относительно предназначения которых у Альквины не было сомнений.

Она поскорее встала и зашагала прочь от опасного дерева. Теперь, при свете дня, она увидела, что находится у подножия горы. Выше на склоне стоял огромный дом, который она заметила еще раньше, когда была пленницей демонов. Но ведь это невозможно! Дом был так далеко! За прошедшее время она не могла одолеть даже часть такого большого расстояния. Или это просто похожий дом и стоит он на другой горе? Альквина ведь не сомневалась в том, что, бросившись бежать от демонов, устремилась не в горы, а как раз в противоположную сторону. Еще одна загадка! Но она решила пока не задумываться об этом. В любом случае подходить близко к этой крепости не следует. Вид ее не сулил ничего хорошего. У Альквины не было ни малейшего желания познакомиться с обитателями столь мрачного жилища.

Солнце, имевшее самый обыкновенный вид, согрело Альквину. Ей очень хотелось есть. Но что же здесь съедобно? Здесь, где растения способны передвигаться и пожирать живые существа, невозможно было угадать, что ядовито, а что нет. Для охоты у нее не было оружия, ставить ловушки она не умела. Удить рыбу нельзя без удочки, сети или хотя бы веревки и

крючка. Альквина могла стойко переносить лишения, но без еды она быстро ослабнет. И тогда искать пропитание будет еще сложнее. Но главное — тогда сама она легко может стать чужой добычей.

После долгого утомительного перехода она достигла подножия горы. И тут услыхала позади себя страшный шум. Кляня себя за то, что беспечно прошла напрямик через большую поляну, а не по краю леса, она бросилась под деревья на другой стороне поляны. Деревья были опасны, но все-таки вряд ли они способны гоняться за убегающей жертвой. Послышался стук копыт. Прямо к ней мчался охваченный паническим страхом конь с рогами в форме лиры. Бока у него были в бурых я белых пятнах. Он несся прямо на королеву, но она успела заметить, что этот зверь с вращающимися глазами ничего вокруг не видит. Ей это было знакомо — загнанный охотниками обезумевший зверь.

Не успела она спрятаться под деревьями, как на поляну вылетели охотники. Бежать уже не имело смысла. Альквина гордо подняла голову и ждала. Охотники имели вид людей и скакали вроде бы на лошадях, но полной уверенности в этом у Альквины не было. На всадниках были фантастические пестрые одеяния из кожи, материи и перьев. Лица скрыты масками. На лошадях, если это лошади, — шелковые чепраки. И еще у лошадей были головные украшения в виде оленьих рогов и какие-то другие, ни на что не похожие. Вообще из-под чепраков виднелись только копыта, и они были как настоящие конские копыта, но разноцветные. Один из всадников поднял небольшой лук — оперенная стрела вонзилась в бок зверя с рогами в виде лиры. Он пошатнулся и повалился наземь в нескольких шагах от Альквины. Всадники подъехали и окружили ее. Говорили они на языке, похожем на щебет птиц. Кто-то, кажется, обращался к ней.

Альквина покачала головой:

— Не понимаю.

Всадники как будто удивились. У того, кто заговорил с Альквиной, на лице была маска в виде головы ястреба. Теперь он поднял ее на лоб, как забрало шлема. У него оказалось лицо цвета слоновой кости и волосы словно серебряные нити. Вместо глаз — лишенные выражения серебряные шарики.

— Ты пришла из мира людей? — спросил он и улыбнулся. Стали видны ровные белые зубы.

— А разве есть какой-то другой мир?

Видимо, они нашли этот вопрос чрезвычайно смешным, потому что поднялся громкий хохот. Смех был тонкий и пронзительный. Теперь и другие сняли маски. Все они были похожи между собой, как братья и сестры. Очевидно, среди них были и женщины, но об этом было трудно судить из-за пышности и просторности их нарядов.

Из лесу выбежали маленькие, похожие на карликов человечки, однако всадники не обратили внимания на их появление. Карлики и не взглянули на Альквину, а принялись свежевать убитого зверя.

— Кто ты такая? — спросил главный всадник.

— Я — Альквина, королева камбров, — гордо ответила она. И снова все засмеялись.

— Что это за камбры? — полюбопытствовал другой.

— Камбры — мои подданные, мой народ. Мне не известно, ни в какой я стране, ни как я сюда попала, но я должна вернуться домой. Прошу оказать мне гостеприимство, пока я не найду дорогу назад. — У нее не было ни малейшего представления о том, кто такие эти всадники, но их платья и убранство коней свидетельствовали о том, что охотники — особы

благородного происхождения. Гостеприимство люди высокого положения во всех странах считали своим долгом, — во всяком случае, в тех странах, о которых Альквине доводилось слышать. Она думала, что закон гостеприимства и здесь — закон.

Странные охотники посовещались на своем птичьем языке, и тот, кого она считала главным, сказал:

— Ну ладно. Ты будешь нашей гостьей. Можешь сесть на моего коня.

— Благодарю. — Она хотела сесть на коня за спиной всадника.

Этот всадник был не очень высок и довольно тщедушен, но обладал нечеловеческой силой. Он подхватил Альквину и легко, как перышко, усадил на коня перед собой.

Карлики с невероятной быстротой разделали тушу и уже уносили ее по частям. Один нес рога, другой шкуру. На поляне они оставили только копыта и внутренности.

Охотничья ватага поскакала по широкой дороге, ведущей в гору. Альквина сидела расправив плечи и старалась сохранять независимый вид. Ей было стыдно за свое разорванное платье, едва прикрывавшее наготу. Но она не пыталась как-то поправить его, потому что эти усилия только ухудшили бы дело.

— Кто ты? Какое имя носит твой народ? — спросила она всадника, с которым ехала.

— Меня зовут Хаста. Мы — геты, правители этой страны, Страны призраков.

Название страны было очень странное!

— Откуда ты знаешь мой язык? — спросила Альквина.

— Многие из нас владеют языком людей. Все, кто занимается великими искусствами, должны знать язык людей. — И как бы в подтверждение его слов, к ним обратился другой всадник, догнавший их. Он был похож на Хасту, но заговорил, как показалось Альквине, женским голосом:

— Вероятно, ты попала в беду, моя дорогая. Я дам тебе в замке подходящую одежду.

— Альквина, — сказал Хаста, — это моя сестра Сарисса. Она достигла совершенства во многих искусствах.

Дамы улыбнулись друг другу. Альквине улыбка Сариссы чрезвычайно не понравилась, но, с другой стороны, она ведь никогда раньше не видела таких лиц, как у этих двоих. Может ли она верно судить об их выражении?

— А вот и наш дом! — Хаста небрежно взмахнул рукой.

Альквина подняла голову и, к своему несказанному удивлению, увидела тот самый огромный дом, куда ни при каких обстоятельствах не хотела попасть. Он был построен из зеленовато-черного камня. Но Альквина нигде не обнаружила ни швов, ни кладки, — казалось, здание вырублено из цельного куска камня немыслимых размеров. Двери и окна были разбросаны по фасаду без всякого порядка, и их очертания словно бы расплывались. Альквине подумалось, что, должно быть, эта крепость построена не человеческими руками, а выросла из-под земли.

Они проскакали под сводом колоссальных ворот, в которых всюду были вырезаны в камне странные, пугающие своим видом фигуры. Альквина поспешно отвела глаза. Они остановились, и сразу подбежали карлики и подхватили поводья коней.

Альквина ожидала увидеть двор, но из ворот они верхом проскакали прямо в зал небывалых размеров и освещенный только светом, падающим через узкие окна под потолком. Вся крепость Альквины могла бы разместиться в этом зале.

Сарисса повела ее по лестнице наверх, затем в широкие двери. Каменный свод покоился на плечах гигантов, лица этих каменных исполинов были искажены страданием, тела

согнулись под чудовищной тяжестью. В своей массивности и громадности замок казался зловещим и мрачным.

Сарисса взяла Альквину за руку и вела все дальше через покои, украшенные великолепными мозаиками и полные драгоценной утвари. Они подошли к деревянной двери, также украшенной изумительной тонкой резьбой. Створки распахнулись, хотя ни человек, ни карлик к ним не прикоснулся.

Сарисса прошла вперед и стала снимать с себя пестрый кожаный наряд.

— Входи же! Здесь наша купальня. — Она проводила Альквину в помещение, полное благовонного тумана. Посредине был бассейн с водой. Здесь, как и везде в замке, было тепло, однако огня Альквина нигде не заметила.

Сарисса сняла верхнее платье. Теперь Альквина увидела, что, несмотря на внешнее сходство с братом и всеми остальными охотниками, Сарисса была женщиной. На ней осталось лишь что-то вроде упряжи, состоящей из кожаных ремней и колец, к которым прикреплялось платье. Все было открыто. Все признаки женщины благодаря этим хитроумным конструкциям лишь подчеркивались. Тело Сариссы было таким пышным, что Альквина рядом с ней сама себе показалась маленькой девочкой.

— Снимай-ка это тряпье, моя дорогая, — сказала Сарисса и тут же начала стаскивать с Альквины, дрожавшей всем телом, то, что когда-то было платьем. — После ванны ты сразу почувствуешь себя лучше.

Альквина медлила. Дома они мылись в маленьком помещении, где были раскаленные камни, ведра холодной воды и жесткие щетки. Все свободные женщины всегда мылись вместе, поэтому нагота Сариссы Альквину не смущала. Но странно было то, что ей предлагали целиком окунуться в воду.

Сарисса расстегнула последнюю застежку своей сбруи. Теперь она горделиво стояла без единой нитки на теле. Она так явно гордилась своими пышными формами, что Альквине захотелось показать, что и она сложена не хуже. Но вдруг на нее напал необъяснимый страх. Она посмела только робко протянуть вперед дрожащую руку. Сарисса с жестокой усмешкой схватила ее, как хищник добычу, и повела Альквину вниз по ступеням к бассейну. Едва теплая вода коснулась ног Альквины, разом перестали болеть все ссадины и раны, оставшиеся после борьбы с корнями дерева-убийцы. Приятное ощущение тепла вытеснило все мысли. Никогда еще Альквина не чувствовала себя так хорошо. Она сидела на каменной скамье, по шею погрузившись в теплую воду.

Потом Сарисса хлопнула в ладоши. Умиротворенное состояние Альквины не было нарушено даже тем, что в купальню вдруг вошли мужчины и женщины, одежда которых состояла лишь из шелковых набедренных повязок. Они несли золотые и серебряные подносы. Один из мужчин подал Альквине бокал с красным вином. Когда он поклонился, она заметила, что шея его охвачена широким железным кольцом — такие ошейники на севере надевали рабам.

— Это слуги? — сонным голосом спросила Альквина.

— Рабы. Наши игрушки. Служат для обеспечения удобства и для развлечений.

Альквина увидела, что спина одной прелестной девушки исполосована красными рубцами — следами плетей. Она показала на них:

— Они часто позволяют себе дерзости?

Сарисса пожала плечами:

— Наверное. Но может быть, просто кто-то захотел развлечься бичеванием. — Она

отпила глоток вина. — Может быть, даже я сама. Не помню.

В другое время подобное признание привело бы Альквину в ужас, но сейчас, как ни странно, она даже не очень удивилась. Она подняла над водой ногу. Кожа снова стала нежной, раны почти полностью исчезли. Она не замечала, что все поглядывают на нее с улыбкой. Потом она принялась за лакомства, которые принесли рабы. Весь мир виделся ей в розовом свете. Никогда в жизни она не испытывала такого блаженства.

Обе женщины вышли из бассейна. Рабыни вытерли их мягкими пушистыми простынями. Подобная роскошь Альквине даже не снилась. Вот так и только так должна жить настоящая королева! Да как же она раньше обходилась без всех этих вещей? Не одеваясь, они перешли из купальни в спальные покои Сариссы. Кровать здесь была больше, чем вся спальня, в которой дома спала Альквина и две ее служанки.

— Теперь мы оденем тебя подобающим образом, — объяснила Сарисса и обрушила на головы рабынь целый поток приказаний на своем языке. Рабыни принялись открывать сундуки и комоды, приносить драгоценные камни, шелковые шали, румяна и помаду.

Под наблюдением Сариссы они одели Альквину, нарумянили ее лицо, покрыли ярким лаком ногти, подкрасили красным губы. Ее шею увешали цепочками, на руках и ногах заблестели браслеты. Вокруг пояса замкнули золотую цепь с драгоценными камнями. Все вещи были очень искусной работы, дорогостоящие и ничуть не похожие на тяжелые и грубые северные украшения.

— Ну вот, полюбуйся, моя дорогая. — Сарисса, сама так и не одевшись, подвела ее к высокому зеркалу.

Альквина изумилась, увидев, как преобразилась ее внешность.

Драгоценности и краски поразительно оттенили ее красоту. Но чего-то не хватало. Словно во сне, она поняла, что осталась голой — ничего, кроме цепочек, бус и крупного рубина в пупке, на ней не было. Украшения, казалось, были нарочно подобраны так, чтобы выигрышно подчеркнуть все округлости ее тела. Впечатление наготы было более сильным, чем если бы она просто осталась голой. Каждая пядь ее тела словно бросала бесстыдный вызов.

— А платье мне дадут? — испуганно спросила Альквина.

— Незачем. Не хватает лишь одного… — Сарисса взяла из рук раба какую-то вещь и надела ее на шею Альквины. Королева воспринимала все происходящее настолько замедленно, что прошло немало времени, прежде чем она, с широко раскрытыми от ужаса глазами, наконец поняла, что это — железный ошейник.

— Моя новая игрушка, — засмеялась Сарисса.

Глава седьмая
АДСКИЙ СКОРПИОН

— Как можешь ты в этой проклятой стране быть уверенным, что мы идем в правильном направлении? — спросил Конан. Уже три дня они со старым волшебником странствовали в мире призраков. Киммериец был окончательно сбит с толку постоянно меняющимся характером местности с ее расплывчатыми чертами.

— Первый урок мира призраков: никогда не доверяйся своим органам чувств, — ответил Рерин. — Голоса деревьев и зверей говорят мне о том, где мы находимся и куда должны идти.

— Этим-то деревьям я не поверил бы, даже если б они сказали мне, что меня зовут Конан. Впрочем, я не понимаю их языка. — Конан со злостью обрубил мечом торчащую на пути ветку. — Деревьям, которые пожирают людей, нельзя доверять!

Рерин засмеялся, что с ним бывало редко:

— Разве это так уж необычайно, если деревья пожирают людей? Ведь в этом мире, откуда мы пришли, люди питаются растениями. Так почему бы этим зеленым созданиям не поступать так же?

— Это против природы, — заявил Конан. — Я допускаю существование зверей, которые питаются людьми. Каннибалы мне тоже встречались. Но растения должны стоять на месте, корнями в земле, а не гоняться, как охотники, за своей жертвой.

Они не спали уже несколько ночей, чтобы избежать встреч с опасной растительностью этой страны изменчивых форм.

— Здешние звери намного хуже, — предупредил Рерин. — Удивительно, что до сих пор мы их почти не встречали.

У Конана подвело живот от голода.

— Лучше бы уж встретили. Ни лука, ни копья у меня нет, но я уже так проголодался, что и мечом уложу оленя.

Погода, по сравнению с севером, стояла теплая, и Конан снял с себя все, кроме куртки из волчьей шкуры и коротких штанов; вещи он завернул в плащ и нес за спиной. На поясе у него висели меч и кинжал.

Они шли на закат солнца — какой бы стороне света он в этом мире ни соответствовал. Вскоре впереди открылось глубокое ущелье. Река на его дне текла в гору. Такое они уже не раз видали. Однажды они вышли на берег реки, вода в которой бежала у одного берега вверх, а у другого — вниз по склону горы. Конану привелось путешествовать во множестве удивительных стран, но ни одна из них не была столь необычайна, как эта.

— Тихо! — шепнул Рерин.

Конан прислушался. Какой-то шорох, как будто кто-то ползет. Зоркие глаза Конана различили какое-то движение над склоном холма, с которого они только что спустились. Там словно бы показалась чья-то чешуйчатая спина — громадный зверь шел по ту сторону холма. Длиной он был никак не меньше половины мили.

— Кром! Что это было? — спросил Конан, когда спина чудовища скрылась из виду. — По-моему, прародитель всех ползучих гадов.

Рерин покачал головой:

— Я не могу сказать точно, но мне кажется, это не здешнее животное. Даже представить себе не решаюсь, кто или что могло призвать его сюда.

— Значит, наше счастье, что мы спустились в ущелье. Если б мы шли медленнее, он нас заметил бы. Если у него есть глаза. А вдруг еще много таких тварей? Тогда, пожалуй, дела наши не блестящи.

— Пожалуй! Нам грозит смертельная опасность! С той самой минуты, как мы покинули мир людей.

Из кустов вдруг с шумом вылез новый зверь. Он был похож на свинью — длинное рыло, короткие ноги с копытами. Подслеповато прищурившись, он смотрел на людей и раздувал ноздри, втягивая незнакомый запах. Конан, не теряя времени, поднял с земли камень и метко швырнул его в зверя. Получив удар между глаз, тот мертвым упал на землю. Конан ухмыльнулся:

— Вот и наш ужин! — Он вытащил свой кинжал и подошел к зверю.

— Простым камнем ты владеешь не хуже, чем мечом, — заметил Рерин.

Конан разделывал тушу свиньи.

— Киммерийским парням самим приходится заботиться о своем пропитании чуть не с того времени, когда они научатся ходить. А я много ночей скоротал в горах, сторожа стада нашего клана. В те голодные ночи ни заяц, ни олень не ускользали от меня, если оказывались в пределах броска камнем. С пращой получается лучше, но в крайнем случае и без нее можно обойтись.

— И я в этом убедился. Сейчас разведу костер, хоть это и может привлечь к нам внимание.

— По мне, так лучше сражаться, чем голодать, — заявил Конан. — Да и все равно я хочу потолковать с жителями этой страны. Так что пусть приходят.

Скоро жаркое из свинины — назовем это блюдо так — зашипело над огнем. Конан отрезал прожарившиеся куски и жадно отправлял их в рот, спеша утолить голод. Рерин ел не так жадно, но тоже отдал должное жаркому. Пока они ели, Конан то и дело вскакивал и отрубал мечом лианы, которые подбирались к ним с ветвей ближайших деревьев.

— Зверь этот хоть и пойман в стране демонов, но вкусный, как самый лучший кабан из какой-нибудь нашей страны, — похвалил Конан, чавкая.

— Молись, чтобы и все остальное здесь оказалось таким же безвредным, — мрачно заметил в ответ Рерин.

— Выше голову, чародей! Мы живы, мы свободны, и мы разыскиваем женщину, которой оба поклялись верно служить. В жизни бывает гораздо хуже. — Конан поднял камень и швырнул им в кусты, вид которых его раздражал. — Мы могли бы уже быть мертвыми или сидеть на цепи.

— Восхищаюсь твоей способностью сохранять спокойствие в самой скверной ситуации.

Конан пожал плечами:

— Я никогда не считал, что имеет смысл беспокоиться, прежде чем что-то действительно случится. Если тебе грозит опасность, можно сразиться с врагом или убежать. Но пока опасности нет, что можно сделать? Какой смысл заранее беспокоиться?

Рерин вздохнул:

— Ну, все-таки какой-то есть… — Он стал смотреть в огонь, и с его лица постепенно исчезло всякое выражение. Конан знал — это означает, что старик погружается в состояние транса. Киммериец спокойно продолжил свой ужин в ожидании момента, когда старик

вернется в обычное состояние.

Через несколько минут волшебник заморгал глазами — он снова вернулся к действительности.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Конан. — Узнал, где находится Альквина?

— Ей грозит опасность. Но не смертельная. Никто не замышляет убить ее.

— Ну-ну! Как это понимать? Или ей грозит опасность, или нет.

— Я не совсем понял. Насколько я мог видеть, она убежала от своих похитителей. Они всюду ее ищут. Но она угодила в лапы другим. И они тоже затевают что-то плохое против Альквины.

— Вот уж чему я ничуть не удивляюсь в этой проклятой стране. Так ты узнал, где она?

— Место, где она находится, было скрыто от меня туманом. Боюсь, что она во власти людей, которым ведомо колдовство, причем колдовство высокого уровня. Но прежде чем ее скрыл туман, я увидел огромное здание, похожее на замок. Мне кажется, она там.

— Замок… Сколько уже мне их встречалось — замков, пограничных крепостей, тайников с сокровищами и храмов. Любую построенную людьми крепость можно взять, а спрятанные в ней сокровища похитить.

— Как видно, у тебя по этой части богатый опыт, — заметил Рерин. — Но боюсь, этот замок построен не людьми.

— Это плохо. Да ты еще сказал, тут не обошлось без колдовства. Все равно мы должны сделать все, что в наших силах. — Конан бросил через плечо обглоданную кость. Они услышали, как кто-то или что-то принялось с хрустом ее грызть. Конан улегся спать. Вместо подушки положил свой панцирь, укрылся плащом из волчьей шкуры. — Побудешь пока дозорным, потом я тебя сменю. Не подпускай близко эту зеленую нечисть. — И, не выпуская рукояти меча, Конан захрапел.

Рерин закрыл глаза и, подняв руки, начал молиться:

— Отец наш Имир! Во имя интересов человечества благодарю тебя за то, что ты сотворил лишь немногих таких, как он. Но от имени Альквины и самого себя благодарю тебя за то, что ты послал его нам.

Высоко в башне замка, в помещении, где было множество странных приспособлений, стоял возле жаровни с углями Хаста. Зал был полон всевозможных запахов, слышались диковинные голоса зверей и птиц. Хаста жадно вдыхал дым, поднимающийся над жаровней, в которой тлели на углях лепестки цветов. Его серебряные глаза были лишены всякого выражения, но по телу пробегали судороги. В зеркале, перед которым стоял Хаста, отражалась не его фигура, а кружащиеся клубы разноцветного дыма. Хаста что-то говорил, однако его речь представляла собой поток нечленораздельных звуков и слов, каких не встретишь ни в одном человеческом языке.

Дверь тихо отворилась, и вошла Сарисса. На ней было одеяние из прозрачной материи, с капюшоном, которое не столько скрывало, сколько подчеркивало ее формы. Она молча ожидала, не желая мешать брату, который пребывал в трансе. Сарисса, как и он, имела власть над некими волшебными силами, однако они не могли защитить ее от жестоких мук, которым Хаста подвергал сестру, когда бывал ею недоволен.

Сариссе уже надоела новая игрушка — невольница сидела где-то в углу, измученная, и горько плакала. Кроме того, Сарисса почуяла, что в замке произносится важное колдовское заклинание. Так же безошибочно, как земные существа узнают голос любимого человека,

Сарисса чувствовала флюиды, исходящие от колдовства брата. Она решила пойти посмотреть. И сама Сарисса, и все ее подданные больше всего на свете страдали от скуки. И потому они тратили уйму времени на то, чтобы найти какой-то новый способ убить время. Сарисса почуяла, что в колдовстве брата появилось что-то новенькое, и надеялась поразвлечься.

Хаста вздрогнул и вышел из состояния транса, которое было усилено действием наркотических веществ. Он заметил Сариссу. Подойдя сзади, она нежно обняла его и положила подбородок ему на плечо:

— Что ты узнал, братец?

— Наша новая рабыня представляет собой объект длительных поисков, сестра. По-видимому, какой-то глупый волшебник из мира людей дал ход таким событиям, от которых может погибнуть и наш, и человеческий мир.

— Какая прелесть! И все из-за моей новой куколки? А она правда королева? Так она утверждает.

— Да. Во всяком случае, по разумению людей. Впрочем, она незначительная, мелкая королева. Но… Она что, сумела тебя капельку заинтересовать?

— Она просто восхитительна! Ты даже не представляешь себе, до чего она высокомерна, и это при том, что ей приходится покоряться моей воле. Сломить эту гордячку — задача столь же захватывающая, как обуздание дикой лошади. Уже сейчас все это… доставляет мне удовольствие.

— Я и сам ею займусь, — сказал Хаста, не помышляя больше о своих колдовских делах.

— А кто ее ищет? Мы ведь можем послать слуг и устроить отличную засаду. — Для обитателей замка любой повод применить насилие был бы великой радостью.

Хаста показал на зеркало, в котором выступили какие-то образы:

— Вот видишь? Слуги повелителя Страны демонов. Они ее схватили, но ей удалось сбежать. — В зеркале показались серые изможденные демоны, они рыскали по лесу, низко пригнув к земле головы с птичьими клювами, точно шли по следу.

— И только они? — Сарисса была разочарована. — Эти твари слишком глупы, в них нет ничего интересного. Неудивительно, что они ее упустили.

— Думаю, повелитель демонов пустит в погоню за ней одного из своих охотников, — убежденно сказал Хаста. — А такая погоня обещает быть интересной. Но есть и кое-кто еще. — В зеркале появилось новое изображение: по полю шли старик и молодой человек. — Старик — волшебник из мира людей. Как и королева, он не является значительной фигурой в их мире.

— А этот второй? — Сарисса вдруг преисполнилась внимания. — Нечасто попадается такой экземпляр!

— Насколько я мог установить на расстоянии, это настоящий герой, — снисходительно объяснил Хаста. — Почему он ее разыскивает, узнать не удалось. Может быть, тут замешано чувство, у которого в нашем мире нет соответствия.

— Да ведь они прекрасная пара! — воскликнула Сарисса. — Королева и герой! В нашей коллекции это была бы единственная пара, в которой двое действительно созданы друг для друга.

— Может быть, — скептическим тоном заметил Хаста. — Но наши данные далеко не полны. Нужно провести побольше испытаний.

— Ну конечно! Кого пошлем туда?

— Как раз об этом я и думал. Что скажешь насчет адского скорпиона?

— Отлично! Это именно то, что нужно! — Сарисса была в восторге. — Если он выживет, значит, он к правда герой.

— Тогда помоги мне произвести ритуал.

В течение нескольких часов эти двое исполняли различные действия, которые были необходимы, чтобы вызвать из самого отдаленного закоулка их мира некое создание. При этом они совершали такие веши, которые в мире людей называются мерзостью. Но они считали это нормальным и даже полезным и черпали в этом силу.

Рерин и Конан шагали по открытому полю, направляясь к подножию горы. И вдруг у обоих закружилась голова и они перестали ориентироваться в пространстве. Им казалось, что они падают в бездну, в то же время все вокруг содрогалось, как при землетрясении. Но когда все закончилось, они очутились в том же месте, где были раньше. Это случалось уже не раз. В мире призраков такие вещи были обычным явлением.

— Ну и что изменилось? — Конан злился. — Ведь путь-то наш остался свободен!

— Боюсь, что нет. — Рерин показал ему на трещину впереди на холме. Раньше ее не было. За ней открывался вход в глубокую пещеру. В мире призраков ни один предмет не сохранял долгое время свою форму и не оставался на том же месте. Все призрачно расплывалось и менялось.

— Вот уж это мне совсем не нравится! — Конан развернул плащ и, достав панцирь, надел его, затем решительно затянул под подбородком ремешок шлема. — Давай-ка обойдем подальше эту пещеру. Она сильно смахивает на убежище какого-нибудь демона.

— Согласен с тобой. Слишком уж гостеприимно раскрылась перед нами эта пещера. Боюсь, нами заинтересовались некие враждебные силы…

Не упуская из виду опасный вход в пещеру, они далеко обошли его стороной. Но когда они были уже на безопасном, как они думали, расстоянии, враг вышел на бой. Дико вскрикнув, Рерин схватил киммерийца за плечо и в страхе показал назад. Из пещеры вылезало существо, какого не увидишь и в кошмарном сне.

— Кром! — У Конана перехватило дыхание.

Чудовище было громадным, как слон. У него было множество ног. Спину покрывал защитный роговой панцирь, как у черепахи. Мощные передние ноги заканчивались огромными клешнями. Вместо хвоста было несколько змеевидных отростков, сейчас они торчали вверх, словно султан из перьев. Впереди между клешнями виднелась крохотная головка с двумя щупальцами, которые, подобно живым антеннам, шарили в воздухе.

Рерин и Конан застыли на месте. Они понимали, что даже легким движением могут выдать себя. Независимо от того, какими способностями обладало это чудовище, зрение, судя по всему, в их число не входило. Секунду-другую ситуация оставалась неизменной. Потом антенны прекратили свое бесцельное движение по кругу и направились прямо в сторону людей. Чудовище медленно двинулось к ним.

— По-моему, пора бежать, — сказал Рерин сдавленным, ничуть не подобающим его званию волшебника голосом. Они бросились бежать. Всякий, кто видел бы в эту минуту волшебника, поразился бы тому, как шустро поспевает он на своих тонких ножках за быстроногим киммерийцем.

А Конан бежал что было духу. Но с каждым мгновением угрожающий шум погони становился все громче. Нет, не может эта неуклюжая туша бегать так же быстро, как

выросший в горах киммериец! Тут Конан обернулся назад и с ужасом увидел, что кошмарный монстр, благодаря огромному количеству ног, мчится так быстро, как ни одному человеку и не снилось.

И тогда Конан принял молниеносное решение, как это всегда с ним бывало в подобных ситуациях. Он резко остановился и выхватил из ножен меч. Нет, он отдавал себе отчет, что против чудища у него вряд ли есть шанс. Но он сообразил, что дальнейшее бегство ослабит его силы. А в таком случае лучше уж сразу принять бой. Вдали он услышал шаги убегавшего Рерина. Больше он ни о чем подумать не успел.

Чудовище наклонилось к Конану, изогнув громадное туловище. Как всегда, часть сознания Конана работала с молниеносной быстротой, направляя его удары и движения, замечая все сильные и слабые стороны противника.

Слабых сторон оказалось досадно мало. Скрытое под панцирем тело было неуязвимо, как стены крепости. Крохотную головку с двумя жизненно важными щупальцами защищали могучие передние нога со страшными клешнями. Насколько уязвимы змеи-хвосты, Конан пока не мог установить. Оставались ноги. Они были довольно тонкие и членистые. Все это с быстротой молнии пронеслось в голове Конана. И он бросился на врага.

Он бежал ему в лоб. Чудовище взмахнуло жуткими клешнями. Мало кто из людей обладал таким чувством времени и так владел собой, как Конан, — только он мог в последний момент с поразительной точностью уклониться от удара, прежде чем ножницы-клешни рассекут его панцирь. Он кубарем прокатился по земле и очутился под боком у чудовища. По сравнению с колоссальным туловищем ноги монстра выглядели тощими, но они были толщиной с ногу взрослого мужчины и покрыты защитной хитиновой броней. Конан со всей силой обеими руками занес меч и ударил по ноге чудовища.

Ему удалось разрубить две ноги в месте соединения суставов. И тут же Конан снова откатился от чудовища, спасая свою жизнь. Он отважно бросился повторить удавшийся маневр и перерубил еще одну ногу, как вдруг, словно по внезапному наитию, взглянул вверх. Один из хвостов-змеев метил ему в голову. На конце хвоста был прозрачный пузырь и жало, из которого сочилась зеленая вязкая жидкость. Киммериец едва успел отскочить в сторону — хвост ударил туда, где он только что стоял. От травы поднялся зловонный дым, когда на нее брызнули струи зеленой жижи.

Конан пустился бежать. Чудовище устремилось в погоню. Конан с радостью заметил, что оно уже не так быстро мчалось, как до нападения. Он выиграл время и подготовился к следующей атаке. Было ясно, что потребуется много времени, чтобы перерубить столько ног, сколько нужно, чтобы сделать чудовище небоеспособным. Но ничего другого не оставалось. Он повторил маневр, выведя из строя еще две ноги, и ускользнул от ядовитого хвоста. Но теперь чудовище било уже тремя хвостами. Спасением Конан был обязан скорей случайности, чем своей увертливости. Чудовище зафиксировало тактический прием Конана и изменило свою тактику. Очевидно, оно обладало чем-то вроде интеллекта. Конану надо было найти новый маневр.

Он вновь бросился на чудовище, держа меч обеими руками. Оно широко развело клешни, чтобы настичь врага, когда он метнется прочь от удара хвоста. Но киммериец нанес удар прямо по маленькой головке и, прокатившись кубарем под брюхо чудовища, рубанул по ноге. Он все время наносил удары по ногам с одной стороны туловища, потому что таким образом скорее мог лишить чудище возможности передвигаться. И снова засвистели в воздухе змеи-хвосты. Но Конан был уже на безопасном расстоянии, когда они обрушились на

землю и задымилась трава.

И опять он побежал прочь. Теперь чудище передвигалось уже заметно медленнее. И сильно хромало. Отлично, здорово! Но что делать дальше? Если эта тварь обучаема, то теперь она подготовилась ответить на уже известную тактику какой-нибудь новой выходкой. Перед Конаном стояла труднейшая задача, и у него было безумно мало времени на ее решение.

Он не испробовал еще один прием. Толку от него, возможно, будет мало, но зато он выиграет время. Он стал ждать, пока одна из клешней не попытается его разрубить. Как только это произошло, он вскочил на клешню, затем взобрался по ноге на спину чудища. Нанес пробный удар и понял, что броня непробиваема и тверда, как сталь. К тому же на панцире он едва мог удержаться. Змеи-хвосты его здесь не доставали, но он боялся потерять равновесие и скатиться к ним. Поэтому он быстро спрыгнул со стороны бока, чтобы перерубить еще две ноги.

Спрыгнув, он споткнулся о камень и растянулся навзничь. Прежде чем он успел вскочить на ноги, конец хвоста чудища обрушил удар прямо по его панцирю. Едко запахло растворяющейся бронзой. А второй хвост уже целился ему в лицо. Даже молниеносно быстрая реакция Конана не могла бы его спасти. Но тут смертоносное жало вдруг было отброшено в сторону. Лишь мелкие брызги упали на лицо Конана. Они жгли огнем, но это было не страшно. Он мигом вскочил и пустился бежать что было духу — к Рерину, который стоял поодаль.

Они отбежали на некоторое расстояние и оглянулись. Чудовище все так же невозмутимо преследовало их, несмотря на раны.

— Здорово, старик, что ты можешь что-то сделать своим посохом, а не просто опираешься на него при ходьбе, — сказал Конан.

— Снимай скорее панцирь. Яд уже почти проел бронзу, сейчас и до кожи твоей доберется!

Конан не стал возиться с застежками, а быстро перерезал ремни кинжалом. Чудесный бронзовый панцирь дымился и растворялся на глазах под действием яда. Конан был бы рад вытереть лицо — ведь на него попали капли ядовитой жидкости. Но на это не было времени. Боль была терпима. Пустяки! Ну прибавится еще пара шрамов к тем многочисленным отметинам, которые уже его украшали. Чудище снова наступало.

— Если б у него были глаза, я через них проткнул бы ему мозги, — сказал Конан.

— У него нет мозга в нашем понимании, — поспешно объяснил Рерин. — Вместо глаз и ушей у него щупальца. Если бы тебе удалось вывести их из строя, то убить его уже не составило бы труда.

Страшилище было уже в двух шагах.

— Есть у тебя в запасе колдовство, которое может мне помочь, старина?

— Нет.

— Э, не беда!

Чтобы добраться до щупалец, нужно было поразить голову. Один раз это получилось, но теперь эта тварь готова к такому нападению. Кроме щупалец, на голове были челюсти, ими оно пожирало свою добычу. Конан раздумывал: если он сам не может добраться до головы, надо заставить чудище сделать так, чтобы он ее достал.

В этот раз чудовище начало вертеться и кружиться, стараясь захватить Конана между клешней и хвостом, но при этом не подпустить его к своим ногам. Киммериец отскочил от

хвоста, бившего, точно хлыст, и ловко вскочил на клешню, уцепившись за сочленение ее частей. Он опасался, как бы чудище не швырнуло его к ядовитым хвостам. Но все-таки удалось добраться до его челюстей.

Как только одно из щупалец оказалось в пределах досягаемости, Конан ударил мечом. Мощное тело чудовища содрогнулось. Конан ударил еще — и щупальце отвалилось от головы. Чудище билось в жутких конвульсиях. Конан соскочил на землю. Теперь монстр попытался схватить его второй клешней. Конан без труда увернулся, подпрыгнул и мощным ударом начисто снес второе щупальце.

Соскочив на землю, он бросился бежать. Чудовище издавало какие-то визгливые звуки, но киммериец не остановился, пока не оказался рядом с волшебником. Только теперь он обернулся назад. Исполинское тело чудища дергалось на земле. Поднялся столб дыма — это ядовитая едкая жидкость разъедала тело. Скоро от ужасающего монстра осталась лишь дымящаяся кучка золы.

— Это было не создание природы, — объяснил Рерин. — Когда та его часть, что служит для жизнеобеспечения, поражена, всю массу ничто уже не соединяет и она превращается в дым. — Старик тяжело дышал. Конан тоже запыхался.

— Ты, старик, проявил потрясающую отвагу, когда отбросил посохом это страшное жало. Не будь тебя, лежал бы я сейчас убитый. Спасибо тебе. В твоем одряхлевшем теле, старая ты кляча, живет отважный дух.

— С благодарностью принимаю комплимент, — улыбнулся Рерин. — Я понимаю, что ты хотел сказать нечто приятное.

Конан оглядел свой меч, проверяя, не нанес ли яд чудовища ему вреда. К счастью, ничего подобного не случилось. Он вложил меч в ножны и стал собирать прочие вещи.

Сарисса с восхищенным видом отвернулась от зеркала:

— Разве не чудесно? О таком мужчине я до сих пор лишь мечтала! Настоящий герой! А как мы его поймаем?

— Есть разные способы, сестричка, — усмехнулся Хаста. — Но зачем нам утруждать себя? Раз они ищут нашу рабыню-королеву, то сами к нам и придут. Интересно, однако, как он ее заберет.

Сарисса заулыбалась, предвкушая удовольствие.

Глава восьмая
ЗАМОК ГИГАНТОВ

На пятый день пребывания в Стране демонов они повстречали другой поисковый отряд. Конан предостерегающе поднял руку. Рерин тут же застыл как вкопанный. Старик ничего не слышал, но за время скитаний привык полагаться на невероятно тонкий слух варвара-киммерийца.

— Кто-то за нами крадется, — прошептал Конан. — Но они на редкость неуклюжи.

— Люди или какие-то иные существа?

— Двуногие, если только это что-нибудь здесь значит. Их довольно много.

— Слишком много для нас?

— Узнаем, когда я проверю, чего стоит их мужество. — Конан чуть вытянул меч из ножен.

Потом он присмотрел подходящую для встречи с врагом лесную поляну. Последние два дня они шли по лесу, где кусты и деревья, как им и положено, прочно сидели в земле. Благодаря этому они могли ночью сносно выспаться.

На краю леса появились призрачные фигуры. Они походили на людей, но людьми не были. У них было слишком много пальцев на руках, уши длинные и острые. Исхудалые серые странники боязливо жались к деревьям. Когда они приблизились, меч Конана со свистом вылетел из ножен.

— Стоять! Что вам надо? — крикнул Конан.

— Мы ищем женщину, — прошипел один из серых. Ему не давались звуки человеческой речи, однако Конан понял его слова. — Женщину из мира людей. Она нужна нашему хозяину. Если она у вас, отдайте ее нам, не то вы умрете!

Конан мрачно усмехнулся:

— Нам она тоже нужна. Вы ведь те, кто ее похитил. Как же она от вас убежала?

Демон только злобно зашипел в ответ. Конан услышал, что Рерин бормочет волшебные заклинания. Серых демонов было, кажется, двенадцать, но ростом они были невелики и силой, видимо, не отличались. Ни у кого вроде бы не было оружия. И вдруг их предводитель сделал какой-то замысловатый жест рукой и прошипел что-то, что Конан принял за колдовское заклятие.

Он уже готов был раскроить демону череп, но тут Рерин поднял вверх свой посох, шагнул вперед и произнес заклинание. Демон закрыл морду руками, словно ослепленный ярким светом, и отступил.

— Если бы ты убил его в этот момент, когда я произносил заклинание, то вся его волшебная сила обрушилась бы на тебя, — сказал Рерин. — И ты рассыпался бы на месте.

Предводитель демонов отдал какой-то приказ, и серые твари затрусили обратно в лес.

Прежде чем скрыться, предводитель обернулся и пригрозил:

— Мы еще схватим и вас, и женщину. Будет послан Охотник! — И с этим он исчез.

— А вот это совсем не радует, — сказал Конан, вкладывая меч в ножны. — Кто их хозяин?

— Без сомнения, один из владык Страны демонов, — обескураженно отвечал Рерин. — Если он проявит к нам серьезный интерес, то моя жалкая магия вряд ли нас выручит.

— Ну, до сих пор мы неплохо продвигались с помощью твоей магии и моего меча, — утешил его Конан. — Может быть, все-таки сумеем вместе с Альквиной вернуться в настоящий мир. Я всегда полагался на собственную силу и боевое искусство. И тебе советую.

— Ох уж эта самонадеянная молодежь! — вздохнул Рерин.

Под вечер они вышли к замку. Словно огромный дракон, он высился над горным склоном. Конан окинул необычного вида башни и крепостные стены взглядом воина, который привык находить слабые места подобных сооружений.

— Надо подойти ближе, — заявил он. — Здешний воздух слишком плотный, и я не вижу деталей. А обычно проникаешь в крепость как раз через разные мелкие щелочки. Ты уверен, что Альквина там?

— Уверен. Ты, вероятно, не чувствуешь, но это место излучает ауру зла и колдовства. Меня так и пробирает до мозга костей.

— А какие люди там живут? Вид у замка такой, будто его построили гиганты.

— Вполне возможно, что ты прав. В Стране демонов обитает множество разных племен. Раньше их было еще больше. Среди них были и великаны. Наверное, в древнейшие времена этот замок был жилищем гигантов. Но я думаю, что люди, которые живут там сейчас, скорее похожи на нас с тобой. Хотя бы внешне. Нутро у них не имеет ничего общего с человеческим, так же как и у демонов, которых мы недавно повстречали.

— Они смертны? — спросил Конан. — Стальной клинок возьмет их?

— Думаю, да. Ни один из обитателей этой страны не является по-настоящему бессмертным. Некоторых, правда, трудно уничтожить, в чем ты убедился, сражаясь со скорпионом.

Конан беспокойно оглядывался:

— А что эти люди едят? Я не вижу ни обработанных полей, ни деревень, ничего вроде торговой лавки. Любой главарь разбойников и тот держит при своем убежище десяток крестьян.

— Здешняя жизнь не подчиняется тем же правилам, что жизнь в мире людей, — терпеливо объяснял Рерин. — Жители замка, уверен, не ломают себе голову над тем, как раздобыть кусок хлеба. Может быть, они удовлетворяют потребности тела с помощью волшебных таинств. Но может быть, они вампиры и питаются кровью своих жертв — людей.

— Как бы там ни было, раз они прячутся за такими толстыми стенами, значит, чего-то боятся. А раз боятся, значит, они уязвимы. Но убедиться в этом мы сможем только на месте. Пошли!

Уже наступила ночь, когда они подошли к подножию циклопических стен. На небе мерцали странные, разноцветные звезды. Большая зеленая луна светила зловещим светом в густом и плотном, как вода, воздухе. Конан ощупал стену в поисках трещин или мест соединения каменных блоков, за которые он мог бы уцепиться.

— Кром! — тихо произнес он. — Все из цельного куска! Ни одной щелочки!

— Эти стены созданы магией, а не руками человека, — сказал Рерин. — Я знаю одно волшебное заклинание, с его помощью мы могли бы очутиться на верху стены. Но те, кто в замке, тогда почувствуют, что совсем недалеко от них колдует кто-то пришлый.

— Я и без колдовства заберусь на эту стену. Она каменная, шершавая и зернистая, как вулканическая лава. Если и выше она такая, то я заберусь.

Рерин ощупал камень и с сомнением покачал головой:

— Только тот, в ком сочетаются качества обезьяны и горной козы, может туда забраться.

Боюсь, мне это не под силу. Если бы у нас был канат, ты втащил бы меня наверх. Но, видно, придется мне остаться внизу и ждать, пока ты не найдешь канат.

— В любом случае тебе лучше ждать здесь. Спрячься где-нибудь на краю леса и жди, пока я не приду с королевой. Если люди в замке так хорошо разбираются в колдовстве, как ты говоришь, то от тебя там будет мало толку. Я могу потерпеть неудачу, а тогда какой смысл погибать нам обоим? Если до рассвета я не вернусь, попытайся применить свое искусство. Может, оно пригодится там, где не пробиться мечом.

— Да поможет тебе Имир! — взволнованно сказал Рерин. — Снова скажу: королева поступила правильно, взяв тебя на службу, Конан.

— Я уверен, что Имир присматривает за порядком там, в этом замке. — Конан на минуту задумался. — На Крома-то определенно нельзя положиться. Он никогда не беспокоится о том, что происходит за пределами Киммерии, да и о том, что в ней, — не слишком сильно. — Он хлопнул Рерина по плечу: — Ну, ступай, старина. Спрячься получше. Будь готов прийти нам на помощь, когда мы спустимся со стены. Я, понимаешь ли, уверен, что за нами будет погоня.

И Конан повернулся к стене. Разведя в стороны руки, он шарил по ее поверхности, нащупывая мелкие углубления и выступы, за которые мог бы уцепиться. Медленно, с огромным трудом он начал карабкаться вверх, находя опору для ноги, снова подтягивался. Пядь за пядью он мучительно медленно, но упорно полз вверх по стене.

Лишь немногим удалось бы подобное восхождение, и мало кто поднялся бы по такой стене, не выбившись из сил, без дрожи в руках и ногах. Но, взглянув на киммерийца, когда он взобрался на верх стены, нельзя было догадаться, какой трудный путь он одолел. Он стоял на широкой галерее, где никого, кроме него, не оказалось. Входа в замок нигде не было видно. И он пошел куда глаза глядят.

Крепостного двора за стеной не оказалось. Замок был построен словно из цельного куска камня, на котором там и сям были разбросаны башни и эркеры. Конан увидел здесь и множество статуй, изображавших людей, все они были до омерзения безобразны. Одни стояли на галерее, другие как бы высовывались из стен замка. В целом замок походил на создание потерявшего рассудок камнереза.

Стояла гнетущая тишина. Конан то и дело замедлял шаг и прислушивался. Нигде ни звука. Он втянул носом воздух — нет, дымом не пахло. Но если здесь не жгут огонь, как же они готовят еду, как отапливают свой замок, эти люди? Но вот Конан подошел к приземистой башне с низкой конусообразной крышей. Дверь, по обеим сторонам которой стояли каменные стражники, больше всего походившие на скелеты, была открыта. За ней зияла чернота.

Медленно и осторожно, с обнаженным мечом в руке, Конан переступил порог. Свободной рукой он нащупывал в темноте дорогу вдоль стены. Он сделал два шага, и впереди разверзлась пустота. Он с опаской пошарил внизу — там была лестница. Снизу поднимался теплый воздух, его дуновение принесло звуки дикой небывалой музыки — барабанов и цимбал. Теперь Конан почувствовал и запах дыма, но дрова так не пахнут — это дым от ароматических палочек.

Киммериец спустился не меньше чем по ста ступеням, лишь тогда в одной из комнат он заметил свет. Беззвучно, как привидение, он подкрался к двери, из которой тот струился. И замер, пораженный. Перед ним простирались роскошно убранные покои, с разбросанными повсюду подушками, с коврами, которые казались сотканными из чистого золота. Свет

исходил от бесчисленных свечей, стоявших в стенных нишах. В их сиянии был какой-то зловещий отблеск.

И тут взгляд Конана упал на женщину, которая лежала на покрытой диковинными мехами постели с золотыми подушками. Вместо одежд на женщине были только драгоценные ожерелья. У Конана дух захватило при виде открывшейся ему красоты ее великолепной груди и бедер. Женщина лежала на спине, но отвернувшись, и лицо ее Конан не мог видеть. Она или спала, или была одурманена каким-то веществом. Конан бесшумно вошел и, быстро подойдя к постели, коснулся подбородка женщины концом меча:

— Проснись, женщина! Ответь мне на несколько вопросов!

Женщина с трудом повернула голову и открыла глаза. Тут и у Конана глаза широко раскрылись.

— Альквина!

Прошло некоторое время, прежде чем Альквина начала что-то различать. Конан меж тем рассмотрел, что ее шею охватывает широкое железное кольцо, цепь от которого была прикреплена к кольцу, вделанному в пол.

— Конан? — прошептала Альквина. — Это действительно ты? Или это опять один из тех страшных снов, которыми мучают меня эти негодяи с помощью своих зелий и колдовских заклинаний? Если так, то это самая жестокая пытка, какой они могли меня подвергнуть.

— Это действительно я. Но я, конечно, пока еще не знаю, чем мог бы доказать это. — Конан обеими руками взялся за цепь и рванул изо всех сил. — Прежде всего надо бежать отсюда. Потом уж я точно придумаю, как лучше всего доказать тебе, что я не сон. — Он натянул цепь с такой силой, что на лбу у него вздулись и, казалось, вот-вот лопнут жилы. Но даже колоссальная сила Конана не смогла порвать цепь или вырвать из пола кольцо. Конан выругался. У Альквины прояснело в голове, и она осознала, что лежит здесь перед ним голая.

— Королеве не подобает показываться своему подданному в таком виде. — Альквина попыталась прикрыться, но, разумеется, двух ее рук для этого было недостаточно.

Конан пожал плечами:

— А вот на юге люди не забивают себе голову такими пустяками. Там даже королевы иногда прикрывают свое тело меньшим количеством украшений, чем те, что на тебе сейчас. — Он окинул ее восхищенным взглядом: — Чего бояться? Ты сложена так же, как все женщины. Но может быть, я не совсем прав. Надо бы получше разглядеть…

— Есть более важные дела, — перебила его Альквина. — Ты не можешь освободить меня от этой цепи, да?

— Погоди. Я не хотел поднимать лишний шум, но… — Он широко замахнулся и с силой ударил мечом по цепи. Раздался звон, брызнули искры, но единственным результатом удара явилась только зазубрина на лезвии меча. — У них тут неимоверно твердая сталь, — сказал Конан со злостью и ощупал зазубрину.

Альквина тихонько ахнула — это было единственное предостережение, но Конану его хватило. Присев, он мгновенно повернулся на месте. Взмах меча — и он рассек врага поперек туловища. Два обрубка повалились на пол, кровь брызнула Конану в лицо. Но еще и еще вбегали враги — в дверь, которой — Конан был абсолютно уверен — здесь только что не было.

Это были мужчины. На всех были железные ошейники и набедренные повязки из белого шелка.

Вооружение их состояло из копий и мечей.

Кое у кого были еще небольшие щиты. Один из них приставил острие копья к животу Конана. Тот схватил за древко, рывком подтянул к себе врага и снес ему голову мечом.

Тут появились люди в роскошных одеяниях. У них были серебряные глаза. Не принимая участия в схватке, они встали в стороне и наслаждались зрелищем боя. Конан упал на колени — над его головой просвистело лезвие меча. И тут он вспорол нападавшему живот, откуда вывалились внутренности.

— Беги, Конан! Их слишком много! — крикнула Альквина.

Конан оскалил белые зубы. Глаза его были налиты кровью от ярости. Казалось, он обезумел.

— Я уйду отсюда вместе с тобой или погибну! Клянусь Кромом, эти собаки будут до самого рассвета грызть сталь моего меча!

Богато одетым зрителям пришлись по вкусу эти слова. Но Конан устрашающе быстро уменьшал число их слуг. И тогда один из зрителей поднял руку, произвел какое-то странное движение и что-то запел. Сверху вдруг упала сеть и накрыла киммерийца. Вне себя от ярости, он размахивал мечом, однако сеть оказалась прочнее стали. Она стягивалась все плотнее, и скоро Конан уже не мог пошевелить ни рукой ни ногой. Ему оставалось лишь изливать свою ярость в проклятиях, и уж тут-то он дал себе волю.

Среди зрителей находилась одна женщина. Она подошла и наклонилась над киммерийцем. От ее раскрытой ладони поднялось облачко дыма, который Конан поневоле должен был вдохнуть. Последняя мысль, мелькнувшая у него, прежде чем он потерял сознание, была о том, что женщина изумительно прекрасна.

Конан очнулся. Он лежал на каменном полу в темнице. Ничего нового в этом не было. Разве что в прошлом никогда к нему не применяли излишние меры предосторожности — такими он их нашел.

Состояли они в том, что с него сняли всю одежду, а на шею надели железное кольцо. Четыре тяжелых цепи тянулись от кольца в четыре угла застенка. Такое количество железа, пожалуй, многовато, подумал Конан, ведь и тонкую цепочку, которой была прикована Альквина, он не смог разорвать.

Поскольку заняться было нечем, Конан подергал за цепи. Все четыре были до того прочные, что зло брало. В каждую сторону он мог сдвинуться едва на один фут. Длина цепей не позволила бы даже задушить ими врага.

Чувствовал себя Конан хорошо, несколько синяков было не в счет. Отрава, от которой он потерял сознание, видимо, не оказала никаких побочных действий на его организм. Голова была ясная, но живот подвело от голода.

— Принесите чего-нибудь поесть! — крикнул он. — Чтоб Эрлику вашей крови напиться! — Ответа не последовало. Конан завопил во всю мощь своего голоса: — Вы что, уморить меня голодом решили, раз увидели, что сталь меня не берет?

И опять — никакого ответа. Он огляделся по сторонам. Застенок представлял собой помещение неправильной кубической формы; похоже, его вырубили прямо в скале. Из узкого оконца под потолком лился слабый свет. И была здесь еще дверь — круглая, из мощных брусьев. Конан никогда еще не видел круглых дверей. Он не мог взять в толк, как она открывается — нигде не было видно петель.

Конан перевернулся на живот и начал тереть одно из звеньев о каменный пол. Было ясно, что это напрасный труд, но он все же надеялся таким образом хоть немного сточить

металл, чтобы перервать цепь. При условии, что ему дадут на это время.

Примерно через час однообразной работы он осмотрел цепь. Там, где он скреб ею по полу, звено чуть больше блестело, вот и все. Конан хотел было уже продолжить свое бессмысленное занятие, как вдруг дверь поднялась вверх и исчезла в стене. Что ж, одной загадкой меньше!

Послышались шаги. Затем вошла женщина с подносом в руках. Конан ожидал увидеть рабыню с железным ошейником, но перед ним стояла одна из тех, кто в качестве зрителей наблюдал за его боем. И если он не ошибся, это была та женщина, что заставила его потерять сознание. Конан был не вполне в этом уверен — все зрители походили друг на друга, как братья и сестры.

— А ну поди сюда, ты, потаскуха лупоглазая! — приветливо обратился к ней Конан. — Уж я сверну тебе красивую твою шейку!

К удивлению киммерийца, она ответила ему на языке, который он понимал:

— Но тогда ты не сможешь полакомиться вкусными вещами, которые я тебе принесла!

Конан принюхался, и рот его наполнился слюной.

— Ну ладно, — сказал он. — Ты права. Давай сюда еду, а я, так и быть, оставлю тебя в живых.

— Но сперва примем меры безопасности. О, это пустяки!

В каменных плитах пола что-то загремело. Конан с изумлением увидел, что из пола вылезли две скобы, которые защелкнулись у него на щиколотках. И тут же что-то рвануло его руки назад и замкнуло скобами за спиной. Теперь он был скован не хуже быка на бойне.

Женщина присела на пол рядом с ним и поставила возле себя поднос. На ней было совсем прозрачное одеяние, которое ровным счетом ничего не скрывало. Несмотря на голод, Конан при виде ее тела почувствовал аппетит совсем другого рода. А она поддела вилкой кусок мяса и сунула Конану в рот.

— Меня зовут Сарисса, — сказала она. — Можешь называть меня госпожой.

— Не собираюсь, — буркнул Конан. — А как насчет вина?

— Дерзость может повлечь за собой мучительное наказание. Такой у нас порядок. — Она поднесла к его губам хрустальный кубок.

— А мне к боли не привыкать. Так что лучше не старайся меня запугать.

Сарисса продолжала его кормить.

— Ты еще никогда не испытывал такой боли, какую я могу тебе причинить. У меня в запасе есть кое-какие чрезвычайно утонченные способы. — Смех Сариссы, рассыпавшийся, как жемчужины, был мелодичным, но холодным как лед. — Но нет! Боль — это удел простых рабов. А ты не простой, ты — особенный. Тебя я не хочу укротить. Ты будешь самым замечательным экземпляром в моей коллекции.

— В какой еще коллекции?

— В моей коллекции человеческих уникумов. — Она сунул в рот Конану кусочек хлеба. От запаха ее дорогих духов Конана бросало то в жар, то в холод. — До сих пор среди моих игрушек не было ни одного настоящего героя. У нас тут такая скучная жизнь! Тобой мы сможем развлекаться долго, и развлекаться на славу. Ты сражаешься, как дикий зверь, и у тебя такое несравненно прекрасное тело. — Она, не смущаясь, стала его гладить. Ей явно нравились эти сильные мускулы и мощные бедра. Конан, боясь пошевельнуться, молча сносил ее ласки.

— Каких развлечений ты ожидаешь от меня? — спросил он, хотя ответ был ему уже

ясен.

— Испытаем твое мужество, проверим, настоящий ли ты герой. У нас так редко бывают представления, для которых требуются отвага и сила. — Теперь она поглаживала его плечи и затылок.

— Не сомневаюсь. Сегодня я видел, как ваши мужчины стояли в сторонке и смотрели, меж тем как рабы дрались вместо них.

— Ты был великолепен, — сказала Сарисса и надавила ему на живот, чтобы проверить крепость брюшного пресса. Он был тверд, как ствол дерева. — Никогда не думала, что один-единственный человек способен устроить такую бойню. Просто захватывающе-прекрасное было зрелище.

Конан презрительно фыркнул:

— Необученные рабы — разве это достойный противник? Если ты находишь такие вещи интересными, то ступай лучше к мясникам. Настоящий бой с этим не имеет ничего общего.

— Ну, мы придумаем что-нибудь другое, чтобы как следует тебя раззадорить. — Она внимательно осмотрела его мускулатуру и, по-видимому, осталась довольна.

— Почему вы не отпустите меня на свободу? И Альквину тоже. У тебя нет никаких прав держать нас здесь.

— Права? У нас есть вы. Вы нам принадлежите. И это — единственное право. Моя маленькая королева-рабыня такая занятная. Почему ты так упорно стремишься заполучить ее? Ведь я гораздо красивее.

— Об этом можно поспорить. Но ей я дал клятву в верности, я ее подданный. И я пришел сюда за ней, чтобы освободить ее из лап чудовищ, которые ее похитили.

— Мне непонятны эти смешные слова насчет верности. Мы здесь живем только ради удовольствия и ради кое-каких приятных вещей. Но тебе этого никогда не понять. Одно можешь усвоить твердо: ты в нашей власти и будешь делать то, что мы велим. Покорись — и твоя жизнь определенно станет очень, очень интересной.

В лексиконе Конана не было слова «покориться». И он без обиняков сообщил об этом Сариссе. Но в ответ на залп ругани и проклятий она только усмехнулась. Потом погладила Конана еще раз, встала и направилась к двери:

— Нам всем будет чрезвычайно приятно посмотреть, как тебя уничтожат. — И круглая дверь со стуком упала на свое место.

— Да все вы тут просто сумасшедшие, — пробормотал Конан. Скобы, охватывавшие его щиколотки и запястья, исчезли. Он снова лежал на каменном полу и пытался распилить о камни непокорные звенья цепи.

Глава девятая
ГОСПОДА РАЗВЛЕКАЮТСЯ

Конана, заснувшего на каменном полу темницы, разбудил какой-то звук. Он приподнялся и сел, прислушиваясь Железный ошейник лежал на полу, цепи его больше не сковывали. Он осмотрел ошейник, но не обнаружил ничего похожего на замок.

— Опять колдовство, — проворчал Конан и бросил ошейник на пол. Вероятно, звон и разбудил его, когда ошейник сам собой упал на каменные плиты.

Он встал и хорошенько потянулся, чтобы размять онемевшие мускулы. Потом бросился ходить взад и вперед, словно тигр в клетке. Никакого сомнения — его освободили от оков по какой-то пока неизвестной причине. Но что бы ни ожидало впереди, он хотел быть готовым ко всему. Дверь с грохотом поднялась и скрылась в стене.

Конан пригнулся и ждал. Он был безоружен, однако мог пустить в ход руки, ноги и зубы. Но никто не появился. Осторожно, как крадущийся к добыче волк, киммериец двинулся к открытой двери. И гигантским прыжком метнулся в круглый проем. Он очутился в пустом коридоре. Враг по-прежнему не показывался. В правой стороне коридор вел к нескольким круглым дверям Слева было темно.

Дверь за спиной Конана, громыхнув, опустилась

— Уж не вообразили ли вы, что я хочу туда вернуться и там спрятаться? — крикнул Конан. Он был уверен, что за ним наблюдают.

И Конан зашагал по коридору налево, туда, где чернела тьма. Не пройдя и нескольких шагов, он споткнулся о свой меч — тот лежал на полу. Конан мигом схватил меч. Как только рука сжала знакомую рукоять, настроение Конана мгновенно улучшилось Теперь не хватало только кого-нибудь, кого он мог бы уложить этим мечом. И лучше всего — из этих, с серебряными глазами.

— Эй! Не худо бы и из одежды что-нибудь! — крикнул он Тишина — Ну и ладно, — пробормотал Конан. — Лучше голым, но с мечом, чем разодетым в пух и прах, но безоружным

Он двинулся дальше по темному коридору. То, что ему вернули меч, могло означать лишь одно оружие скоро ему пригодится.

Конан вышел к лестнице, ведущей наверх, и поднялся. Нигде не было светильников или окон, но в воздухе разливался странный рассеянный свет, так что дорогу он кое-как находил в этом полумраке. Лестница привела к еще одной круглой двери. Почему-то Конан был убежден, что эта дверь не ведет в новую темницу. Диск из деревянных брусьев медленно поднялся.

Не дожидаясь, пока дверь полностью откроется, Конан кубарем покатился вперед, как только отверстие стало достаточно большим. За порогом он мгновенно вскочил на ноги.

Перед ним в круглом зале стояли двое до зубов вооруженных мужчин. Они были испуганы неожиданным появлением Конана. Он тут же ринулся в атаку. В этом замке у него не было друзей. Всякий, кого он встречал здесь, за исключением Альквины, мог быть только врагом. Подняв меч, он бросился к тому, что стоял справа. Конец меча вонзился в щель между ошейником и нагрудным панцирем врага. Выдернув меч, Конан двинулся ко второму воину, меж тем первый качнулся и замертво рухнул на землю. Из горла его хлынула кровь.

Второй был осторожнее. На нем тоже был панцирь, причем очень замысловатой работы — таких Конан еще не видел. Он состоял из бесчисленных металлических пластинок, которые соединялись между собой так, что воин мог свободно двигаться. Уязвимых мест почти не было. Зазор между панцирем и железным ошейником воин прикрывал щитом Конан кружил вокруг него и метил удар в глазную прорезь шлема. Вообще он больше любил удар всем мечом, но против воина в таких доспехах лучше было действовать острием. Угрожая противнику, он одновременно не подпускал его к себе, а сам тем временем искал его уязвимые места

Враг в обеих руках сжимал длинный кривой меч. Он был заточен с одной стороны, но, видимо, очень остро заточен! Конан был гол, и ему совсем не хотелось отведать этого клинка. Дверь за спиной Конана уже опустилась на прежнее место.

И тут враг сделал выпад. Даже в доспехах он был невероятно ловок. Конан отразил удар. Зазвенели клинки. Описав мечом полукруг, Конан ударил и поразил врага в плечо. Тот чуть пошатнулся, но его панцирь выдержал удар меча. И оба противника снова заняли позицию для наступления.

Вновь первым напал воин в доспехах — он полагался на их прочность. Но в этот раз Конан не отбил удар мечом. Он бросил меч и подскочил к своему врагу, молниеносно схватил его за запястье — войн разжал пальцы и выронил меч. Конан вывернул ему руку за спину.

Напрасно воин пытался высвободить руку. Конан заводил ее все выше и выше за спину. С сухим треском она выскочила из плечевого сустава. В сражении доспехи защищали воина, но в рукопашной борьбе от них было мало проку. Конан отпустил его руку и схватил за шлем. Крутанув его так, что лицо врага почти повернулось за спину, Конан не услышал треска. Но если только он не мог вертеть головой, как сова, то, значит, был мертв. Конан разжал руки. Воин повалился наземь.

Теперь Конан смог оглядеться. Помещение было около десяти шагов в диаметре. На высоте примерно двенадцати футов вдоль стен шла галерея с колоннами, и на ней стояли люди в роскошных пестрых нарядах. Их серебряные глаза сверкали радостью — они сполна насладились зрелищем спектакля, который разыгрался внизу.

— Отлично, о мой герой! — воскликнула Сарисса. — Ведь это лучше, чем воевать с необученными рабами? Ты сражался с воинами элитной гвардии одного из повелителей Страны призраков,

Весь с головы до ног одетый в золото мужчина крикнул ей:

— Давай попробуем теперь выставить против него троих! Уж тогда-то он точно будет побежден!

— Нет, — ответила Сарисса. — Теперь мы придумаем что-нибудь другое. Но вот — что?

Зрители возбужденно переговаривались. Конан увидел, что среди них стоит на коленях Альквина. На ней по-прежнему ничего не было, кроме ожерелий. Лютая злоба охватила Конана — он увидел, что прекрасное тело Альквины исполосовано красными шрамами. Она была прикована к перилам галереи. На лице ее было выражение ярости — такой же, как у Конана.

— Вы могли бы дать ему хотя бы одежду! — крикнула Альквина.

— Зачем? — зло возразил Конан. — Уж мне-то есть чем гордиться, не то что здешним самцам!

— Ах, какая примитивность! Очаровательно! — обрадовался кто-то из зрителей-мужчин. — Очевидно, он умеет не только сражаться, но и кое-что еще!

Конан поманил его к себе:

— А ну, спускайся, ты, изнеженный слюнтяй! Я выпущу тебе кишки!

В ответ раздался громкий смех. Конан мысленно прикинул расстояние от пола до балюстрады. Высоко, но он сможет, подпрыгнув, ухватиться за нижний край ограждения, потом подтянется. А там уж останется пустячное дело — пошвырять вниз этих расфуфыренных мартышек и освободить Альквину. Дорогу отсюда они как-нибудь найдут.

Этот план особенно понравился Конану тем, что предстояло расправиться с сереброглазыми бестиями, которым мало того, чтобы просто убивать свои жертвы, — нет, им надо ради удовольствия еще и поиздеваться над ними. Первым Конан убьет хлыща в золотых одеждах. Сарисса? Нет. Врожденная робость всегда удерживала Конана от того, чтобы убить женщину, какой бы опасной та ни была.

Конан, как тигр, рванулся с места и, подпрыгнув, повис, одной рукой ухватившись за балюстраду. Другой рукой он сжимал меч — ведь в зубах было бы не удержать тяжелое оружие. Но ничего, он подтянется и на одной руке. Удалось! И тут, когда он уже готов был броситься на своего врага в золотых одеждах, его поразил страшный удар. Словно огонь пробежал от его руки, державшейся за перила, по всему телу. В жизни Конан не испытывал ничего подобного. Он без сил сорвался вниз на окровавленный каменный пол.

Когда киммериец пришел в себя, то увидел, что лежит все там же, в круглом зале Но никаких зрителей на галерее не было Он сел Каждое движение причиняло сильную боль Конан знал, что боль эта не является результатом падения с галереи Скорее всего, это последствия того чудовищного удара, который он получил, когда подтягивался наверх. Конан выплюнул кровь, которой был полон его рот.

Воинов, которых он убил, уже куда-то уволокли. Но, к удивлению Конана, посреди зала лежали его вещи.

Он быстро оделся. Ему отдали даже украшения, в том числе и массивный браслет, подарок Альквины. Хоть он и бросил тогда задорный ответ насчет своей наготы, одетый, он чувствовал себя гораздо лучше. Конан вложил меч в ножны и надел шлем. Не хватало только плаща, но тот остался у Рерина, который ждал в лесу. Теперь надо было поискать выход из этой проклятой западни.

Двери были закрыты. Конан поглядел наверх, на коварную балюстраду. Что, если она и сейчас таит опасность?

Он разбежался и подпрыгнул. Теперь его меч был в ножнах, и он ухватился за ограждение обеими руками. Легко подтянулся. Сокрушительного удара не последовало! Впереди Конан увидел открытую дверь и, не долго думая, прошел в нее, на всякий случай обнажив меч. Он не собирался покидать замок без Альквины и решил обыскать все помещения, чтобы найти ее.

Как и раньше, у него было ощущение, что за ним наблюдают А что делали бы эти люди, не будь у них возможности ради своего удовольствия мучить чужаков, забредших в их замок? Все они одинаковы, эти цивилизованные народы — сами не обладают воинскими доблестями, вот и нравится им глазеть на тех, у кого они есть. Ну да ладно! Уж он-то кое-что им покажет, пусть полюбуются в свой последний час, пока он их не прикончит.

— Ну, теперь-то что? — крикнул он — Скорпиона вашего адского я уничтожил, с воинами расправился! Чьей смертью теперь угодно полюбоваться? Ну же, вы, трусливые евнухи!

Он шагнул по длинному коридору, в который выходило множество открытых дверей. Но, заглядывая в них, Конан не обнаружил в залах ничего интересного для себя. В другое время он не прошел бы так просто мимо: в залах было полным-полно сокровищ Однако впервые в жизни Конана не привлекала легкая добыча Он хотел найти Альквину и поскорей бежать из кошмарного замка Поскорей вернуться в действительный мир.

Поиски привели Конана в просторный зал, откуда разбегались ходы и коридоры. Посреди зала лежала Альквина. Теперь на ней не было даже ожерелий — их сняли. На руках и ногах у нее были оковы, Альквина не могла даже пошевелиться.

Конан замер на пороге. Ловушку он чуял мгновенно. Никакого сомнения — как только он войдет, на него набросятся. Он тянул время, чтобы сообразить, каким образом лучше действовать. Альквина была без сознания Однако она не была прикована цепями к полу, а лежала, связанная, на шелковых подушках, причем нагота ее выглядела особенно соблазнительно. Какой спектакль они затеяли на этот раз?

Конан усмехнулся. Ясно было, что не удастся разрубить путы на руках и ногах Альквины обычным оружием. Значит, придется тащить королеву на себе. А раз так, одна рука у него будет занята, и двигаться свободно он не сможет. Но если они все рассчитали именно так, то плохо они знают киммерийцев, и в особенности Конана!

С видом человека, который вообще не знает, что такое заботы, он вразвалку подошел к ложу королевы. Он поднял ее и взвалил к себе на левое плечо. При этом все-таки шлепнул легонько по хорошенькой попке:

— Не бойся, Альквина. Сейчас мы отсюда выберемся

— Я поверю в это не раньше, чем окажусь на свободе. — Голос Альквины звучал глухо — она уткнулась носом в волчий мех куртки Конана. — И вот что, никому из подданных воинов не позволено подобным образом обращаться с королевой!

— Ага, ты уже отлично соображаешь и снова обрела все свое королевское достоинство. Клянусь Кромом ни одна женщина, которой я когда-либо служил, не была такой недотрогой. Я пришел за тобой в Страну демонов, бьюсь тут с чудовищами и людьми ради тебя, а ты обижаешься за какой-то шлепок по твоему королевскому заду. После избиения плетьми он должен был показаться тебе нежной лаской.

— Немедленно опусти меня на землю, противный грубиян! — Альквина дернулась — хотела бы топнуть ногой, но не тут-то было.

— Допустим, я так и сделаю. И что? Как тогда вызволить тебя отсюда?

— Хотя бы неси меня так, чтобы я могла тебя видеть, а не дышать этой противной волчьей шкурой.

— Нецелесообразно. — Конан опять ее шлепнул, и шлепок получился звонкий. — Теперь помолчи-ка и предоставь мне наше освобождение. — Как ни сопротивлялась Альквина, Конан держал ее крепко.

— Освобождение! Идиот! Тебя заманили в ловушку! Даже ребенок понял бы, что здесь западня!

— Я все знаю, женщина, — сказал Конан с необычной для него мягкостью. — Я уже не раз попадал здесь в ловушки и пока что из всех выбирался невредимым. Скажи-ка лучше, где эти люди сходятся, чтобы заниматься колдовством?

— Где сходятся?.. Разве ты не хочешь как можно скорее бежать отсюда?

— Не выводи меня из себя своими вопросами! Они же хотят, чтобы я попытался бежать. Они всюду понаставили опасных преград, на всех дорогах. И потом, я терпеть не могу

оставлять в живых своих врагов. Так где лучше всего их искать?

Альквина застонала сквозь зубы от ярости.

— Такой храбрец — и такой немыслимый болван! Пусть Имир нашлет на меня кару, если я когда-нибудь еще возьму к себе на службу героя!.. Надо подняться на центральную башню. Насколько мне известно, это место — там. По крайней мере, именно там Сарисса и ее дружки забавляются с помощью плеток и прочих орудий пытки. Я почти уверена, что свои гнусные церемонии они устраивают тоже там. В башне много всяких странных магических предметов. А на стене там висит огромное зеркало. В нем они видят все, что происходит в замке.

— Да, похоже, это именно то место. Ну пошли! — Придерживая на плече королеву, Конан осмотрел входы в коридоры, которые разбегались от этого зала. Невероятно острое чувство пространства подсказало Конану, какой коридор вел к центру замка. И он бегом пустился туда.

— Куда они подевались? — недовольно спросила одна из дам.

— Сейчас где-нибудь появятся, — успокоила ее Сарисса.

Все собравшиеся смотрели в большое зеркало, которое, подобно гигантскому глазу, обшаривало своим взглядом все закоулки замка; порой взгляд где-то задерживался, затем скользил дальше. Варвар Конан остановил свой выбор как раз на том коридоре, о котором все забыли, когда Сарисса придумала устроить ему ловушку с Альквиной в качестве приманки. Определенно, решили они, у киммерийца в неволе помутился разум. И вот он бесследно исчез.

Собравшиеся в башне особы заранее распределили между собой все выходы из замка, и каждый должен был устроить на своем участке всевозможные ловушки и сигнальные устройства. Величайшим их удовольствием стало заключать пари о том, по какой дороге направится Конан и насколько далеко сумеет уйти. И о том, сколько ему осталось жить.

Разумеется, существовали определенные правила игры: запрещалось применять отравляющие газы и такое колдовство, против которого у несчастного человека не было совсем никакой защиты. Они старались сохранять видимость того, что дают Конану шанс с оружием в руках пробить себе дорогу на волю, — ведь именно вооруженная борьба была его главным достоинством и для зрителей могла послужить самым приятным развлечением. Если бы, против ожиданий, он преодолел все препятствия и вырвался на свободу, то Сарисса получала привилегию убить его тем способом, который она сочтет наилучшим. И в любом случае ему, с Альквиной или без нее, не дадут уйти. Это испортило бы всю игру.

— Пора бы ему уже появиться, — сказал один из зрителей, подавив зевок. — Ведь, в конце концов, это скучно.

В зеркале был виден коридор, а в его глубине — отвратительное чудовище с гнусными щупальцами, которое притаилось, подстерегая добычу.

— Не меня ли ждете?

Все, повернувшись, уставились на дверь. В ней стоял киммериец. Через плечо у него, как была голая, лежала Альквина. Все потеряли дар речи. Конан опустил Альквину на пол. Дальнейшее она могла видеть своими глазами.

— Ну вот, испортил нам игру, негодник! — капризно сказала Сарисса.

— Сыт по горло вашими играми, — бросил в ответ Конан.

— Тогда прямо сейчас я его и убью. Никто не против? — И Хаста, подняв руку, начал

производить странные пассы.

Однако, прежде чем он успел опомниться, Конан подскочил к нему одним прыжком и по самую рукоять всадил меч в его голову. Высвободив клинок, он дважды взмахнул им-и двое господ, стоявшие по обе стороны от Хасты, с воплем повалились наземь, обливаясь кровью.

Остальные оцепенели от ужаса. Они не могли постичь того, что разыгралось перед их глазами, — казалось невероятным, что на них действительно напал представитель живых существ, стоящих на более низкой стадии развития. Конан прикончил еще троих, прежде чем прочие бросились к выходу. Киммериец наносил смертельные удары с такой точностью и быстротой, что все прежние его сражения по сравнению с этим боем показались бы медлительными, как схватка под водой. Он не преследовал беглецов, но с оставшимися расправлялся без жалости.

И наконец остался кто-то один. Конан вытер с лезвия меча кровь, у которой был необычный цвет. На полу сидела Сарисса, обхватившая руками жалкие останки своего брата.

— Ты убил его, — произнесла она едва слышно.

— Разумеется, убил. Очень жаль, что ты так сильно предавалась скорби. Прозевала первоклассное представление. — Он махнул рукой в сторону громоздившихся горой трупов. Серебряные шарики-глаза убитых быстро тускнели.

— Я должна позаботиться о торжественной церемонии похорон моего брата, — сказала Сарисса.

— Позже этим займешься. — Голос Конана был тверд, как гранит. — Если я тебя оставлю в живых. — Он схватил труп Хасты за край одеяния и со всей силы швырнул прямо в большое настенное зеркало. Раздался звон, от которого до основания содрогнулся замок. Конан рывком поднял Сариссу на ноги:

— Если тебе дорога жизнь, женщина, иди показывай нам кратчайшую дорогу на волю!

Сарисса в страхе заковыляла к выходу. Конан снова подхватил Альквину, устроив ее теперь уже так, чтобы она могла видеть, куда они идут. Королева была настолько потрясена недавним сражением, что без всяких колких замечаний попросила:

— Заставь ее снять с меня веревки.

— Сейчас меня больше устраивает, что ты остаешься связанной, — возразил Конан.

Сарисса повела их вниз по винтовой лестнице. Конан ни на миг не терял бдительности. От Сариссы он ожидал любой подлости. Он знал, что она попытается его убить. Это было лишь вопросом времени.

К его немалому удивлению, Сарисса вывела их на площадку перед крохотной дверцей. За ней было поле. Конан приставил к спине Сариссы острие меча.

— Теперь ступай туда, к лесной опушке. Я не отстану от тебя ни на шаг. Учти, женщина, я слежу за каждым твоим движением. Только попробуй сделать какой-нибудь колдовской жест или произнести заклинание! Будет то же, что с твоим братом.

Боясь даже согнуть спину, Сарисса пошла к лесу. Там, под прикрытием деревьев, она замедлила шаги. Но Конан заставил ее пройти еще изрядное расстояние. Если его не устраивала скорость, он подталкивал Сариссу концом меча.

— Здесь можешь остановиться, — сказал он, когда они отошли достаточно далеко от замка.

Из-за деревьев вынырнула темная сгорбленная фигура. В руках у человека был узелок.

— Альквина! — радостно крикнул Рерин. — Он и правда вызволил тебя из ужасного замка!

— Так и есть. — Альквина бросила гневный взгляд на киммерийца, который опустил ее на землю, словно узел с поклажей. — Рерин, если у тебя есть чем мне прикрыться, я была бы тебе очень признательна, мой старый друг.

Конан по-прежнему не спускал глаз с Сариссы. С того момента, как было разбито магическое зеркало, она не произнесла ни слова и вообще ни движением, ни жестом не выдала своих чувств, если что-то чувствовала.

— Не знаю, Рерин, что с ней делать, — сказал киммериец. — Если мы ее отпустим на все четыре стороны, она непременно устроит нам какую-нибудь пакость. И с собой ее взять мы не можем.

— Тебе нечего бояться, — безжизненным голосом сказала Сарисса. — Разбив большое зеркало, ты уничтожил вместе с ним и меня, и весь мой народ. В этом древнем изделии жила единая душа всех принадлежавших к нашему племени. Ты, ограниченный варвар, ее убил.

— Ограниченный! — вскрикнул Конан. — Да если б я знал, что расколотить эту стекляшку — значит и вас всех уничтожить! Да я разбил бы его при первой же возможности! Но и этого можно было избежать, женщина. Вот обошлась бы ты с Альквиной по-хорошему и не сделала бы меня игрушкой для своих дешевых развлечений, так мы с Альквиной сейчас находились бы уже на пути домой, и твой брат остался бы у тебя, и твой замок, и твои проклятые забавы. — Конан был не из тех людей, что щедро расточают жалость тому, кто сам виноват в своем несчастье.

— Она сказала правду, — подтвердил Рерин слова Сариссы. — Она полностью лишилась своей магической ауры.

— Ну ладно. — Конан вложил меч в ножны. — Больше ты нам не нужна. — Он даже не посмотрел в сторону Сариссы, когда она медленно и печально поплелась назад, в замок.

Когда она скрылась из виду, Альквина обратилась к Рерину:

— Друг мой, ты знаешь волшебное заклинание, которое освободит меня от магических уз?

Рерин наклонился и осмотрел веревки, которыми были связаны ее ноги и руки.

— А разрезать ножом вы пробовали? — спросил он.

— Об этом я и не подумал, — сказал Конан, вытащил кинжал и с легкостью перерезал веревки.

— И не подумал! — воскликнула Альквина. От гнева румянцем залилось не только ее лицо, но и плечи. Вне себя от злости, она, похоже, совсем забыла о том, что так и сидит голая. — Ты нарочно не снял эти веревки, чтоб вытворять со мной в замке все, что заблагорассудится!

— Иногда бывает очень кстати, если королева не может пошевелиться и не мешает воину спокойно выполнять его долг, — невозмутимо ответил Конан.

— Ума — палата! А ты подумал, что бы я делала, если б они тебя убили, а я осталась бы связанной?

— Я уверен, что ваше королевское величество сделали бы все возможное и отбивались бы — как это было до моего прихода.

— Смотрите! — Рерин поспешил прервать спор, который, того и гляди, мог превратиться в ссору между королевой и ее защитником.

Они обернулись назад. Замок, который казался таким мощным, на глазах рушился. Его очертания расплывались, трепетали и таяли. Все внутри словно сгнило, и стены обвалились.

— Как медуза, выброшенная морем на сушу, — заметил Конан, почесывая щетину на

подбородке.

— Это шаткое сооружение держалось только силой магии, — объяснил Рерин. Тут он обратил внимание на отросшую щетину Конана. — Сколько времени ты пробыл в замке?

— Дня три или четыре, а что? — удивился Конан.

— Нет! Девять, а то и десять дней, — не согласилась с ним Альквина.

— Но я провел в лесу всего одну ночь, после того как Конан перелез через стену замка. В этом мире, мире призраков, даже время не имеет четких границ.

— Надо искать дорогу домой, — сказала Альквина. — И поскорее! Мне здесь страшно. И еще я беспокоюсь о моих подданных. Что-то у них там, дома?

— Есть хочу! — заявил Конан. — Рерин, давай-ка разведи огонь. Сейчас я принесу нам жаркое. — И он скрылся в лесу.

Рерин и Альквина устроились у костра. На королеве был за неимением другой одежды плащ волшебника.

— Ну, что ты думаешь теперь о предводителе своих воинов? — спросил маг.

— Он словно герой старинной легенды. Никогда еще мне не встречался такой воин, как он. Но он такой необузданный и своенравный! Не знаю даже, то ли он служит мне, то ли подчиняется одним своим прихотям.

— Он наделен выдающимися способностями. А тебе ведь нужен король, Альквина, в твоем дворце. Ни один из правителей ближайших королевств тебе не нравится. Ты сделаешь большую ошибку, Альквина, если не возьмешь в мужья этого киммерийца. Королевства у него нет, значит, он не захватит твои владения. А если он встанет во главе твоего войска, тебе не придется опасаться никаких врагов.

— Может быть, какое-то время мы с ним ладили бы. Но однажды я убила бы его во сне, спящего, — ответила Альквина.

Глава десятая
ПРИ ДВОРЕ СЕВЕРНЫХ КОРОЛЕЙ

Одоак, повелитель тунгов, подышал на замерзшие пальцы. Его жирное тело было укутано драгоценными мехами. За спиной Одоака стояли несколько воинов элитной гвардии, рядом с ним было воткнуто в снег копье. Все ждали появления крупного оленя, которого должны были выгнать сюда загонщики. Вдруг справа от них раздался треск ветвей.

— Это олень! — сказал племянник короля.

— И без тебя слышу, мальчишка! — хмуро осадил его Одоак. И, подняв копье, приготовился нанести удар. По старинному обычаю, право первого удара всегда принадлежало королю, затем уж разрешалось ударить воинам его ближайшего окружения, в соответствии с занимаемым положением.

Великолепный олень мчался в вихре снега. Глаза его дико вращались, язык высунулся сбоку из-под губ — олень был измучен погоней и страхом. За ним с криком и шумом бежали охотники, загонявшие оленя навстречу ватаге высокопоставленных охотников.

Король Одоак вышел вперед и, крякнув, метнул копье. Бросок был сильный, но копье пролетело далеко от цели, лишь задев ветвистые рога. От испуга олень остановился.

Одоак изрыгал проклятия, а олень вдруг повернулся к охотникам и, наклонив голову, бросился на них. Теперь попасть в него было очень трудно. Племянник короля, юноша по имени Леовигильд, схватил свое копье, высоко занес его и, пробежав три шага, метнул в оленя. Скользнув между рогов над головой оленя, копье вонзилось точно ему в загривок. Горделивое животное пошатнулось и пало наземь. Сердце и шейная артерия были пробиты.

Юноша стоял и улыбался, все его поздравляли, все хлопали по плечу. И вдруг все замолчали — к ним подошел король. Лицо его было искажено злобой. Он размахнулся и, ударив по щеке, сбил парня с ног.

— Бесстыдный наглец! Я поразил бы его, если б ты не толкнул меня под руку! Ты думал, я не заметил, как ты пролез вперед? Не дал мне убить оленя, и точно так же ты хочешь отнять у меня трон!

При этом взрыве ярости все воины стояли молча. Они знали, что никого рядом с королем в момент его броска не было и что промахнулся он только из-за собственной неловкости, но никто не осмеливался заговорить об этом вслух и уличить короля во лжи. Приступы безумной ярости в последнее время случались с ним все чаще: Одоак чувствовал, что силы его с каждым днем убывают и по причине старости, и из-за невоздержанности в еде и питье.

— Ты не прав, государь, — сказал Леовигильд. Оскорбленный, он смертельно побледнел, но не мог поднять руки на родича. — Я метнул копье, потому что был мой черед. А что я всегда тебе честно служил, все могут подтвердить.

— Так думай и дальше о том, чтобы верно мне служить, ты, наглый выскочка! — Оскорбительный тон Одоака был невыносим. — Пройдет еще много лет, прежде чем Имир призовет меня к себе, а раньше и не надейся занять мой трон!

Одоак зашагал прочь. Он с радостью убил бы своего племянника — всех прочих соперников он уже уничтожил, даже своих сыновей. Но, по обычаям страны, королю полагалось назначить престолонаследника, а Леовигильд, единственный сын убитого

Одоаком родного брата, был последним мужским отпрыском королевской династии. Если бы он убил юношу, знать сочла бы себя вправе свергнуть Одоака и избрать королем кого-либо из своих рядов. Пока Леовигильд был ребенком, он не представлял собой угрозы. Да и когда стал юношей — тоже. Но сейчас он уже достиг совершеннолетия, и Одоак намеревался что-либо против него предпринять.

Кто-то из знатных воинов хотел помочь Леовигильду подняться на нога, но он встал сам, упрямо оттолкнув доброхотов.

— Такой удар не следовало бы оставлять без ответа, даже при том, что он нанесен королем, — сказал молодой человек, опасаясь потерять уважение воинов.

— Но что же ты можешь поделать? — ответил ему седовласый воин-аристократ. — Ведь ты не хочешь, чтобы тебя постигла участь всех твоих родичей-мужчин. Ты должен ждать своего часа, юноша. И долго ждать не придется.

Успокоившись, Леовигильд пошел во дворец к остальным воинам.

В этот вечер Одоак после пиршества отослал прочь всех, кроме самых высокородных и храбрых воинов. Наполнив роги медом, они ждали, когда их властитель заговорит. Жирная туша Одоака заполняла собой трон. Крохотные глазки заплыли жиром. С минуту он неотрывно смотрел на Леовигильда. Юноша бесстрашно выдержал этот взгляд. Леовигильд был хорош собой — светловолосый, с короткой курчавой бородкой, обрамлявшей твердый подбородок. Глаза его были голубые, ясные — совсем не похожие на тусклые, порой же от злости наливавшиеся кровью глаза его дяди. Одоак ненавидел юношу за его молодость, силу и красоту почти так же сильно, как и за его честолюбие. Ненависть подогревало то обстоятельство, что воины все чаще обращались к Леовигильду за советами и поощрением.

— Мои воины! — начал Одоак. — Пришло время, пора нам подумать о будущем нашего королевства. Уже много лет нам, тунгам, угрожают две опасности. Одна исходит от Альквины, королевы камбров. Другая — от Тотилы, повелителя торманнов. — При последних словах Одоак едва не брызгал слюной от злобы, всячески стараясь скрыть свой страх перед Тотилой под маской презрения. На самом деле он испытывал к Тотиле жестокую зависть — ведь, начав свой путь как главарь разбойничьей шайки, Тотила сумел возвыситься до властителя могущественной страны. Одоак, напротив, получил королевство в наследство от отца и едва справлялся с обязанностями правителя, действуя с помощью предательства и заказных убийств. — Разумеется, я давно уничтожил бы обоих врагов, если бы не их проклятые колдуны, Рерин и Йильма. Я человек умный. Я предложил Альквине свою руку — почетный для нее брачный союз! Присоединив ее владения и ее подданных, я мог бы не опасаться никаких врагов. И что же, приняла эта высокомерная потаскуха мое предложение, как это сделали когда-то две мои жены? — Он обвел гневным взглядом собравшихся и стукнул кулаком по подлокотнику трона. — Нет! Ничего подобного! Она держалась так, будто я, Одоак, не король тунгов, не великий властитель, чей древний род восходит к самому Имиру, а жалкий батрак! — Одоак с трудом подавил свою ярость, от которой едва не задохнулся, и продолжал: — Я стерпел это унижение, эту наглость. Но теперь с этим покончено! Настало время перейти к действиям! Несколько недель назад мне стало известно, что Альквина исчезла при странных обстоятельствах. — Удивленные новостью, все оживленно заговорили. — У меня нет сомнений, что это — дело рук Йильмы, любимого чародея Тотилы. Сейчас люди Альквины сидят в своей крепости. Правителя над ними нет. Там нет ни одного человека королевской крови, значит, некому их возглавить. Они сбились в кучу и ожидают возвращения королевы. По-моему, им долго придется ждать. Сейчас самое

время нанести удар и захватить их, опередив Тотилу.

Воины разразились криком ликования. В короле они сомневались, ведь силы его убывали, а приступы ярости, напротив, усиливались. Но они беззаветно верили его чутью, когда дело шло о поживе. В прошлом он был выдающимся военачальником. Быть может, сейчас, когда был составлен этот план, в короле вновь загорелась искорка прежней силы. Раз уж правители живут тем, что уничтожают соперников, то всех вполне устроил план, по которому тунги должны захватить камбров, не оставив эту добычу ненавистным торманнам.

— Я не уверен, что это наилучший путь, дядя, — сказал Леовигильд. Старый король воззрился на него с нескрываемой ненавистью Юноша спокойно продолжал: — По моему мнению, довольно бесчестно было бы нападать на подданных Альквины, в то время как судьба королевы неизвестна. Высокие особы не должны так поступать друг с другом

— Ах, да что ты говоришь? — сказал Одоак угрожающе тихим голосом. — А мы вот всегда так поступали друг с другом здесь, на Севере. Сильные пожирают слабых. Я эту науку воспринял от моего отца, а тот — от своего. Так было всегда. Так было еще во времена войны богов и гигантов.

Многие одобрительно закивали при этих словах, потому что обычай предков был для тунгов единственным законом, которого они слушались, помимо закона силы. Но нашлись и такие воины, которым захотелось, чтобы Леовигильд продолжил свою речь

— Я считаю, что этот путь не есть путь мудрости. Допустим следующее: быть сильным и жестоким хорошо. Да и как иначе может выжить народ? Но, по-моему, хорошо, кроме того, быть мудрым и действовать по серьезном размышлении. И поэтому вот мой совет если мы завоюем камбров, то и они, и мы потеряем многих воинов. Мы станем слабее. А впереди будет неизбежная война с Тотилой. По-моему, лучше послать гонцов к камбрам и предложить им союз с нами против Тотилы до того времени, когда вернется королева Альквина. Это выгодно в обоих случаях. Если Альквина не вернется, камбры поневоле признают тебя, дядя, своим королем — ведь у них нет другого правителя, а с тобой они связаны военным союзом. Если Альквина вернется, она вряд ли отвергнет твое предложение вступить в брак, потому что ты будешь спасителем ее народа. Более того, ее народ потребует от нее согласия на ваш брак, потому что, так или иначе, замуж ей выходить придется. — Исполненная зрелой мудрости речь столь молодого человека была встречена возгласами одобрения.

Если бы не эти возгласы, если бы юноша изложил свои предложения дяде с глазу на глаз, то, возможно, Одоак с ними согласился бы и выдал их потом за свои собственные мысли. А так он только рассвирепел еще больше.

— Плаксивые причитания старой бабы! Храбрецы тунги никогда не пойдут за таким малодушным ничтожеством! Да этот трус не может быть отпрыском нашего королевского рода! Я убью его! — Одоак грузно поднялся и схватился за меч. Несколько человек удержали его и усадили на трон

К Леовигильду обратился старый воин, тот, что во время охоты предостерег юношу от опрометчивых действий:

— Тебе лучше уйти, мой мальчик. Мы не допустим, чтобы король с тобой расправился. Но находиться здесь тебе нельзя.

Леовигильд, бледный как полотно, покинул зал. Через некоторое время Одоак несколько успокоился.

— Этот мальчишка слишком долго испытывал наше терпение, — заявил он. — Его следует изгнать. Он не только трус, но и изменник. Благодарю за то, что удержали меня, —

добавил он лицемерно. — Ни при каких обстоятельствах я не хотел бы пролить кровь родича, даже если он готов предать нас.

После этих слов в зале воцарилось красноречивое молчание. Его нарушил старый рубака, с угрюмым выражением на суровом лице:

— Тем самым вы лишаете престол наследника, государь. Разве таков обычай наших предков? Начнется мятеж, если люди узнают, что у вас нет наследника.

Одоак в замешательстве не сразу ответил:

— Ты что же, считаешь, я уже стар и ни на что не годен? Напрасно! Вот уладим дело с камбрами, и я женюсь. На Альквине или на какой-нибудь другой женщине. Не пройдет и года, как у меня будет наследник Даю в том клятву!

— Мы рады это слышать, государь, — сказал старик. Одоаку почудилась в его тоне насмешка, но полной уверенности в этом не было. Старик продолжал: — А что известно «об этом черноволосом предводителе воинов Альквины? Не доставит ли нам неприятностей этот парень?

Обрадовавшись перемене темы, Одоак сказал:

— Я говорил о нем с торговцем Давасом. Обычный наемник, чужестранец, скитается в поисках приключений. Здесь у него нет ни друзей, ни врагов. Как говорят, оружием своим он владеет неплохо. Однажды ему крупно повезло — он убил Агилульфа. А потом, как мне сказали, он исчез. В ту же ночь, когда исчезли Альквина и колдун Рерин. Все это лишний раз подтверждает то, что мы должны совершить нападение как можно скорее. Камбры остались без королевы, волшебника и предводителя воинов, Когда еще подвернется такой счастливый случай? — Он обвел взглядом собравшихся — все глаза горели воинственным блеском. — Итак, заточите поострее ваше оружие, воины! — Потом Одоак обернулся к своему верному слуге; звали того Вудга: — Обойди все усадьбы и созови воинов. Со времени нашего последнего зимнего похода прошло много лет. Напомни всем, что нужно взять с собой столько провианта, чтобы хватило не меньше чем на две недели. После победы отъедимся, уж приберем к рукам запасы камбров!

Эти слова были встречены громким ликованием. О несчастном Леовигильде забыли. Одоак откинулся на спинку трона и довольно улыбнулся. Почти любую проблему, какой бы сложной она ни была, можно разрешить простым способом — маленькой войной с перспективой взять хорошую добычу.

Уже много часов скакал Леовигильд верхом на коне. Он не знал, куда податься. Никто его не преследовал. Никто не пытался его удержать, когда он уложил свои нехитрые пожитки на спину второй лошади и поскакал со двора. Быть может, быстрая смерть от руки кого-нибудь из людей Одоака была бы лучшим уделом. А сейчас он был презренным изгнанником, его вышвырнули за дверь, как безродного бродягу. На севере человек, не имеющий родичей или семьи, является буквально приговоренным к смерти.

Его низкорослая мохнатая лошадка привычно рысила по снегу. От ее ноздрей поднимался пар, но она уверенно находила дорогу среди снежных наметов. В дни недавней лютой стужи поверхность снега схватило твердым настом, и сейчас он похрустывал под копытами.

Куда же податься изгнаннику? Все имущество Леовигильда состояло из двух лошадей, меча, шлема и превосходного бронзового панциря. На вторую верховую лошадь он погрузил также праздничное платье, костюм для верховой езды, короткое копье, щит из кожи и

раскрашенного красками дерева. Да еще та одежда, которая была на Леовигильде, — вот и все. Однако ему никогда не пришла бы в голову мысль, что можно отправиться искать защиты у кого-то из богатых землевладельцев и стать крестьянином. Лучше умереть с голоду! Вооруженный воин знатного рода всегда может присоединиться к отряду наемников какого-нибудь князя. Это занятие хотя бы почетно. Но в таком случае ему еще далеко ехать, а в одиночку он едва ли останется жив в дальнем путешествии. Но тут Леовигильд снова подумал о том, что он является законным наследником престола королевства тунгов, — ни при каких обстоятельствах он не откажется от своих прав.

В невеселом раздумье он вспомнил и об Альквине. Если верить слухам, то и она сейчас находится как бы в изгнании. Возможно, тут замешан гнусный колдун Йильма, — тогда положение Альквины хуже, чем его собственное. Леовигильд никогда не видел королевы, но, судя по рассказам, она была дивной красавицей. Мысль о том, что красивую молодую женщину вынудят выйти замуж за Одоака, внушала отвращение.

Леовигильд хотел избежать столкновения с торманнами и с камбрами. Времена были еще более неспокойными, чем обычно. Никакой закон не защищал путника-одиночку. Многие люди, малодушно трусившие на поле боя, развлекались тем, что подстерегали путешественников и убивали, прежде измучив их пытками.

И тут Леовигильд вспомнил про одну долину на Севере. Много лет назад он обнаружил ее во время охоты. Там никто не жил. Долина тянулась вдоль границы владений камбров и торманнов. По этой долине он может пробраться незамеченным за пределы обоих королевств, а там уж, наверное, найдется какой-то выход из положения. Может быть, он предложит свои услуги какому-то князю, до тех пор пока не представится случай вернуться домой и отстоять свое право на престол. Одоаку, несомненно, осталось жить недолго.

Под вечер Леовигильд устроился возле входа в долину и развел костер. Казалось невероятным, чтобы кто-нибудь обнаружил его здесь. В эту долину мог забрести разве что охотник или пастух в поисках отбившейся от стада коровы.

Леовигильд завернулся в свой теплый плащ и хотел уже лечь спать, как вдруг увидел в долине вспыхивающие среди деревьев призрачные огни. В испуге он схватился за амулет, висевший на шнурке у него на шее, и произнес заклинание, оберегающее от злых сил. Огни приблизились, и тут оказалось, что они ничуть не страшнее, чем догоравшие в его костре угольки.

— Имир! — пробормотал Леовигильд. — Я же не малое дитя, которое пугается блуждающих огней и прячется от них под одеялом. — Он заставил себя засмеяться и снова лег. Ничто его больше не беспокоило, однако спал он плохо, и всю ночь его мучили кошмары.

На следующее утро, сев верхом на коня, Леовигильд внимательно оглядел простирающуюся перед ним глубокую и поросшую густым лесом долину. Снега здесь было мало. Но это могло объясняться тем, что снег не проникал сквозь кроны деревьев. И все же чувствовалось что-то недоброе в этом пустынном месте. Леовигильду пришлось хорошенько пришпорить лошадь — иначе она не сдвинулась бы с места. В тот, первый, раз он пришел сюда пешком. Это было в середине лета, но и тогда сумрачная долина навела на него тоску.

В долине было теплее, чем на равнине, и тише. Растительность здесь также отличалась от окружающей. Вместо обычных елей и сосен вокруг стояли дубы. Они были невысоки, но поражало то, как густо они росли. Леовигильд проехал вперед, и подлесок заметно поредел, скакать стало легче. Дно долины было неровное, там журчал по камням узкий ручеек. Густой мох и свисающие со склонов корни деревьев и плющи придавали этой долине некое

странное очарование, однако оно почти терялось в безрадостном и тусклом сумраке.

Леовигильд поглядывал по сторонам в надежде на охотничью добычу — хорошо было бы поберечь скудные запасы провизии, которые еще оставались в переметной суме. Но крупного зверя видно не было, а мелкие звери уже впали в зимнюю спячку. Тем не менее Леовигильд держал наготове свой лук тисового дерева.

Он уже начинал жалеть о том, что выбрал путь через эту долину. Конечно, воины Тотилы и воины Альквины его здесь не найдут, но зато похоже было, что в долине могут объявиться драконы или великаны. В воображении Леовигильда возникли и ведьмы, обитающие в пещерах или под кустами. Ему казалось, что из-под поросших мхом камней выглядывают гномы. Он постарался отогнать эти видения.

— Бабьи сказки, которыми пугают детей! — пробормотал он. — Людей мне следует остерегаться, а вовсе не кобольдов. — Приободрившись, Леовигильд дал шпоры коню. Впереди открывался просвет между деревьев и лежал глубокий снег. Дальнейшее разыгралось в считанные мгновения: он направил коня к снежному холму, и сугроб вдруг взлетел на воздух, взметнув тысячи белых хлопьев. Конь заржал и взвился на дыбы так резко, что юноша не удержался в седле и упал наземь. Он лежал, охваченный страхом, а высоко над ним взвилось в воздух страшное существо из кошмарного сна. Огромное, толщиной с человека змеиное туловище, треугольной формы голова. Злобные сверкающие глаза уставились, казалось, прямо на Леовигильда. Он понял, что обречен: громадное, древнее, как сама земля, чудовище…

— Снежный змей! — вырвалось у него.

Путешественники рассказывали, что им приводилось видеть гигантских змеев с белоснежной кожей. Они встречались в землях к северу от границы лесов, там, где солнце по шесть месяцев не заходит и по шесть месяцев не появляется на небе. Но никто никогда не встречал снежного змея в здешних лесах.

Вторая неоседланная лошадь Леовигильда в страхе умчалась прочь в дальний конец долины. Конь же, сбросивший Леовигильда, стоял, словно окаменев от ужаса. Леовигильд лежал без малейшего движения, и чудовище, наделенное лишь примитивным умом, направило свое внимание на коня. Змей разинул пасть — Леовигильд увидел загнутые внутрь зубы, с которых стекала желтая вязкая слюна. Змей метнулся вперед — Леовигильд услыхал лишь страшное предсмертное ржание несчастного коня, затем ужасающий хруст костей.

Преодолевая боль, юноша слегка приподнялся. На одном из гигантских белых колец выпирали из-под кожи ноги его коня. Ледяной озноб пробежал по спине Леовигильда — чудовище проглотило коня целиком!

Но сейчас он мог спастись. Даже такому гигантскому монстру требовалось время, чтобы сожрать лошадь. Леовигильд ощупал свои руки и ноги. Боль была дикая, но ползти он все-таки сможет.

Он медленно пополз в сторону. Змей пристально следил за его движениями и силился изрыгнуть труп лошади. Это было невозможно из-за загнутых внутрь зубов чудища. Змею пришлось снова проглотить коня. И всякий интерес к крохотному двуногому зверьку у него пропал.

Кряхтя от боли, но уже опомнившись от пережитого страха, Леовигильд вскарабкался на дерево. Многочисленные ссадины кровоточили. Чувствовал он себя так, будто на него разом напали все воины Одоака. Потом Леовигильд медленно зашагал дальше, на ходу обдумывая

свое положение.

Он и раньше чувствовал себя покинутым и несчастным, но теперь все было намного хуже. У него осталось лишь платье, что было на нем, меч и кинжал, да еще более или менее уцелел он сам. Вторая его лошадь с поклажей ускакала куда-то далеко вперед. В случае удачи он ее поймает. Леовигильд был готов проклясть свою судьбу, однако его удержала от этого мысль, что он все же не окончил свои дни в желудке пресмыкающегося.

Он остановился и перевел дух. Боли стали настолько нестерпимыми, что он согнулся пополам и уперся руками в землю.

— Имир, отец наш! Благодарю тебя за то, что я остался в живых. — Леовигильда не покидало подозрение, что Имиру до него мало дела. Но никогда не мешает поддерживать с богами добрые отношения.

— Ах! Такой молодой человек и такой благочестивый!

Леовигильд рывком поднялся при звуке этого человеческого голоса. Нигде никого.

— Покажись! — крикнул он.

— А вот я, прямо перед тобой!

Леовигильд пригляделся внимательнее, насколько позволял сумрак, и наконец разглядел. Перед ним всего в двух-трех шагах была большая, заросшая мхом скала. С ее вершины свисали длинные плети растений, отчего верхняя часть скалы походила на лицо человека. А в темных углублениях сверкали самые настоящие глаза! При иных обстоятельствах Леовигильд снова ощутил бы ледяной озноб страха, но после встречи со снежным змеем этот человек-камень показался ему лишь странным.

— Что ты за создание? — спросил он.

— Я могу задать тебе такой же вопрос, глупец!

Теперь Леовигильд увидел, что на камне сидит крошечный человек. Он так походил на окружающие камни и мхи, что Леовигильд не мог понять, то ли он одет в лохмотья, то ли одежда на нем из мха.

— Я — Леовигильд, наследник престола королевства тунгов. Моего коня проглотил большой белый змей. Сейчас я ищу мою вторую лошадь.

— Что привело тебя сюда, в место, которого люди избегают с тех пор, как первый человек ступил на эту землю? — Человечек поднял руку — она была несоразмерно большая — и почесал бурый, как древесная кора, подбородок.

— Это уж мое дело. Я хочу только пройти через эту долину дальше на север. Надеялся миновать ее за два дня, но пешком идти придется гораздо дольше.

— Возможно, ты проведешь здесь еще больше времени. Гораздо больше, чем ты предполагал, — сказал уродливый человечек.

Леовигильду вспомнились страшные сказки, которые он слыхал в детстве. В них говорилось о пещерах и горах, куда гномы заманивали странников музыкой или таинственными огоньками. Всю ночь они веселились с гномами, а покинув на рассвете их царство, обнаруживали, что на самом деле прошло двадцать лет или еще того больше.

— Уж не вздумал ли ты околдовать меня? — Леовигильд взялся за меч. После падения с лошади он не совсем оправился, но уж с этим-то коротышкой разделается в два счета.

Человечек громко захохотал. Его смех звучал так, как если бы застучали друг о друга два камня.

— Самое-то долгое время — смерть. Вы, людишки, так мало живете, — говорил он медленно, словно для него время не играло вообще никакой роли.

— Мне надо найти мою лошадь, — нетерпеливо повторил Леовигильд. — Здесь — твоя долина. Я был бы очень признателен тебе, если бы ты помог мне искать. Если не хочешь — пойду один. Не задерживай меня. — Он решительно повернулся, чтобы уйти.

— Не спеши, не спеши, мой мальчик! — Человечек поднялся на камне во весь рост. Леовигильду он не достал бы и до пояса» но зато толщина его превосходила рост в два раза. На несоразмерно длинных руках играли мощные мускулы. Леовигильд усомнился, что с легкостью одолеет этого человечка в поединке.

— Ну, пойдем поищем твою лошадь. И клянусь, один ты в этой долине недолго останешься в живых. — Гном поднял и положил на плечо дубинку. Это была корявая дубовая палица, длиной с ногу взрослого мужчины, старая, до блеска отполированная. Человечек вскинул ее на плечо с легкостью, словно это был ивовый прутик. И вот они бок о бок зашагали вперед.

— Что же ты за человек? — спросил Леовигильд. — До сих пор я еще не встречал таких, как ты, хотя ты живешь совсем недалеко от моих родных мест.

— Я не человек, я нибелунг. Мое племя поселилось здесь на Севере задолго до того, как пришли люди — обладатели длинных ног и короткой жизни. Вы редко нас видите, потому что это нас устраивает. У долины настолько дикий пустынный вид, что заглянуть сюда отваживаются лишь немногие. Да и они быстро поворачивают назад, потому что на них нападает необъяснимый страх. А те, кто устраивается на ночлег поблизости от долины, мучаются страшными снами.

— И со мной так было! Я не повернул назад только потому, что долина — единственный безопасный путь через земли моих врагов. — Эти слова вырвались у Леовигильда как бы против воли. Он вовсе не собирался признаваться в том, что от кого-то бежит.

— Может быть, мы, маленькие нибелунги, тебе поможем, — сказал его спутник. — Меня зовут Хугин. Иди теперь за мной, не отставая, Леовигильд. Многое, что кажется тебе в этой долине обыкновенным, таит опасность.

— Некоторые опасности я уже познал, — сказал Леовигильд.

— Верно. Но если ты не заметил даже такое громадное существо, как снежный змей, то как же разглядишь маленьких, но не менее опасных? — Мшистые брови нибелунга поднялись и снова опустились, как крылья летучей мыши.

— А как это снежное чудовище очутилось в долине? — спросил Леовигильд. — Оно знакомо мне из самых древних наших сказок. Я слышал, что такие твари обитают в странах вечного снега, далеко на севере.

Они перебрались через несколько древесных стволов, которые лежали поперек долины со времен великой бури, что разыгралась здесь в древнейшую эпоху.

— Несколько змеев этой породы живет там, на Севере, — пояснил Хугин. — Раньше их было гораздо больше и обитали они на широких пространствах. Очень, очень давно — в такие древние времена, о каких вы, люди, и понятия не имеете, — весь мир был скрыт снегами и льдами. В те времена на земле хозяйничали снежные змеи, мамонты и гигантские обезьяны. Льды отступили на север, а вместе с ними и снежные чудовища. Но порой в мозгу этих северных жителей пробуждается древний инстинкт, который гонит их в южные края. Они вскоре возвращаются на Север, потому что не выносят жары и не находят на Юге привычной пищи. Тот змей тоже не задержался бы здесь надолго, но твоя лошадь пришлась ему, оголодавшему, как раз кстати. Теперь змей будет много дней спать.

Леовигильду казалось невероятным, что всего в нескольких часах езды отсюда стоят

сосновые леса его родины. Эта долина была уголком какого-то другого мира.

Не все здешние опасности были такими диковинными, как снежный змей. Хугин обратил внимание Леовигильда на змеиное гнездо во впадине на берегу ручья. Гадюки этого вида Леовигильду раньше никогда не встречались. Если б Хугин его не предостерег, он наверняка угодил бы ногой в змеиный выводок. Кое-где на пути они замечали отпечатки копыт, и поэтому Леовигильд был пока спокоен: они идут по следу убежавшей лошади.

Около полудня им пришлось сделать большой крюк: из чащобы на их пути слышался громовой храп. Леовигильд все же не удержался и с любопытством заглянул в просвет между ветвями. К своему удивлению, он увидел спящего кабана, превосходившего размерами крупного быка. Клыки его были длиной с человеческую руку. Первая мысль Леовигильда была об охотничьем копье, но он тут же опомнился: всех сетей и копий королевского двора Одоака не хватило бы, чтобы прикончить этого огромного зверя. И все завершилось бы кровавой резней и гибелью охотников.

И вдруг Леовигильду пришла в голову совсем другая мысль.

— Хугин, — заговорил он, — несколько дней тому назад исчезла королева камбров. Ее имя — Альквина, и, как я слышал, она необыкновенно красива. Предполагают, что вместе с нею находится ее лучший воин, черноволосый чужестранец, о котором рассказывают, что он необыкновенно силен и ловок в бою на мечах. Они не проходили этой долиной?

— Нет, — ответил Хугин. — Если бы проходили, я бы услышал.

— Жаль. — Леовигильд разочарованно вздохнул.

Мшистые брови нибелунга снова поднялись:

— А тебе, видно, очень важно узнать, где скрылась прекрасная королева?

— Так и есть! Я многое отдал бы за то, чтобы узнать это. Если только королева жива. Это очень важно и для моего, и для ее народа.

— И для тебя самого! — добавил Хугин с трескучим смехом. — Я отведу тебя к тому, кто, может быть, расскажет тебе о твоей исчезнувшей королеве… и о многом другом. Ты только ступай за старым Хугином.

— К кому ты меня ведешь?

Хугин не ответил.

Чем дальше на север они продвигались, тем шире становилась долина. Неожиданно перед ними раскрылась маленькая полянка.

Там, под дубом, стояла и щипала траву лошадь Леовигильда. И вдруг он увидел, что лошадь привязана к дереву.

— Кто поймал и привязал мою лошадь? — спросил он.

— Погоди, скоро узнаешь. — Хугин подошел к дубу. Леовигильд увидел, что на земле там лежит узелок — это были его вещи. Все, что он нагрузил на лошадь. Леовигильд сразу воспрянул духом.

— К кому ты привел меня, Хугин? — спросил он. Дело в том, что ему уже успели порядком надоесть голоса, принадлежащие неизвестно кому.

— Посмотри наверх! — откликнулся с дерева женский голос. Леовигильд поднял голову и всмотрелся.

На толстом нижнем суку стояла на особой площадочке маленькая хижина. Над крышей вился дымок от огня, которого видно не было, так же как и обладательницы голоса.

— Покажись! — крикнул юноша.

— Если хочешь меня увидеть, войди в мой дом, молодой человек!

Как ему показалось, голос прозвучал чуть насмешливо. Ладно! По обычаю земляков Леовигильда, тот, кто шел к другому в дом, не должен прятаться, чтобы ясно было, что у него честные намерения. А хозяину дома полагалось выйти на порог и приветствовать гостя и быть при этом невооруженным или хотя бы не касаться рукой оружия. У обитателей этой долины обычаи были удивительные, поэтому-то Леовигильд и не заподозрил подвоха. Да и голос ведь был женский — юношу это успокоило, что объясняется его молодостью и неопытностью.

На стволе дуба он заметил торчащие, как ступени лестницы, сучья. Не сняв с себя меч, он довольно ловко забрался наверх. Если ты охотишься в северных лесах на кабанов и медведей, то на деревья залезать поневоле научишься. Но когда он увидел женщину, которая, скрестив ноги, сидела на пороге хижины, Леовигильд едва не сорвался вниз, потеряв равновесие. В последнюю минуту он ухватился за сучок, и тот спас ему жизнь и, что еще важнее, позволил сохранить достоинство.

Леовигильд ожидал увидеть особу женского пола, но в остальном похожую на уродца нибелунга Хугина. А перед ним была молодая и дивно прекрасная женщина. Не было на ней и грубого одеяния из мха — на ней вообще одежды не было. От волнения и неожиданности в голове у Леовигильда закружилось.

— Иди сюда, садись! — пригласила женщина еще более весело, чем прежде.

Леовигильд сел рядом с нею. Как он ни прятал глаза, взгляд его вновь и вновь обращался к этой женщине. Никогда еще не встречал он такой красавицы! Волосы у нее были как вороново крыло — большая редкость для северян, а кожа такая нежная и светлая, что казалась почти прозрачной. На сердцевидном личике с высокими скулами ярко блестели большие раскосые глаза изумрудно-зеленого цвета. Она была хрупкая — тонкий стан, и при этом полная грудь и округлые бедра.

В горле у Леовигильда пересохло, и он не сразу смог заговорить:

— Я… М-м… Благодарю тебя, госпожа, за гостеприимное приглашение.

Никогда в жизни он еще не казался сам себе таким глупцом. Потом он удивился про себя — как же она не боится замерзнуть? Конечно, в долине было немного теплее, чем на равнине и в лесах. Но все равно здесь было так холодно, что даже он, закаленный северянин, не мог обойтись без подбитого мехом плаща.

— А ты, верно, чувствуешь себя очень неуютно? — спросила она.

— Прости, но в тех местах, откуда я пришел, не часто можно повстречать голую женщину. — Любезностям северяне не придавали слишком большого значения.

— А-а, понимаю! Не тревожься, мой народ не страдает от холода так сильно, как твой.

Леовигильду очень хотелось повернуть разговор в другое русло.

— Хугин сказал мне, что ты можешь ответить мне на некоторые вопросы, они очень важны для меня. Я не хочу утруждать тебя, но был бы благодарен за любую помощь.

— И как же ты думаешь меня отблагодарить? — Понять что-то по выражению ее зеленых глаз было невозможно. Леовигильд не мог взять в толк — то ли она над ним потешается, то ли говорит серьезно. Лицо ее оставалось невозмутимым, но за этой маской могла таиться и насмешка.

— Как видишь, имущества у меня немного. Но все, что у меня есть, я готов тебе отдать.

— Не беспокойся, я не потребую от тебя ничего, что ты не захочешь сам мне отдать. — Она достала из корзины несколько кусочков коры. и бросила их в огонь, горевший в маленьком очаге. Над огнем поднялся ароматный дым. Она глубоко вдохнула его раз,

другой…

Когда и Леовигильд вдохнул этого дыма, в носу у него начало щекотать. И странная скованность напала на него. Глаза слезились, он смотрел на женщину и видел ее отчетливо, словно вокруг прибавилось света.

— Как тебя зовут? — спросил он без обиняков.

Она сидела закрыв глаза. Когда, услышав вопрос, она их открыла, то Леовигильду показалось, что взгляд изумрудно-зеленых глаз блуждает где-то в дальней дали.

— Мое настоящие имя тебе знать нельзя. Тот, кто его узнает, получит власть надо мной. Зови меня Аталия. Племя мое — столь же древнее, как племя Хугина. Но если нибелунги — существа из земли и воды, то наши стихии — огонь и воздух. Нам ведомы тайны прошлого и будущего. Итак, спрашивай!

Леовигильд не раз слышал о ведьмах и ясновидящих, которые предсказывают будущее и владеют искусством ворожбы. Но он всегда считал их или мошенниками, или слегка помешанными. Эта женщина была совсем другой. И лицом и телом — прекраснее, чем любое видение его грез и снов, но притом она оставалась такой же чуждой ему, как гном Хугин. Но может быть, она действительно наделена даром прорицания? О чем же спросить ее? Леовигильда интересовало его будущее, но в сказках его народа герои, которым предсказывали их гибель, предпринимали все, что было в их силах, чтобы избежать несчастья, и неизбежно все, что бы они ни сделали, лишь приближало неотвратимую смерть.

Потому что Богам не угодно, чтобы смертные узнавали слишком многое о своем будущем. Прошлое Леовигильда не интересовало. А вот в настоящем было много такого, что приводило его в смятение. Может быть, великий Имир и прочие, менее значительные, боги не станут возражать, если он узнает кое-что о положении дел за пределами этой долины. Леовигильд спросил:

— Где сейчас Альквина, королева камбров?

Аталия закрыла глаза и глубоко вдохнула ароматный дым. После продолжительного молчания она заговорила медленно, каким-то новым, низким голосом:

— Она сейчас не здесь, не в этой долине… И не в этом мире, который ты знаешь…

Леовигильд почувствовал огромное разочарование. Эта женщина говорила загадками, как драконы в сказках.

— Ты хочешь сказать, что она умерла?

— Нет. Есть многое, кроме смерти. В иные из таких миров открыт доступ волшебникам… В иные смертные попасть не могут… Она очутилась там под действием темных сил.

— Йильма! — прошептал Леовигильд. — Она там одна?

— За ней последовали двое мужчин. Один — старик, маг. Другой очень высокого роста. Волосы у него черные, как мои. Он необычный человек, он отмечен печатью необычной судьбы: Но на севере он не останется, судьба этого чужестранца не исполнится здесь, в северных лесах.

— Это, наверное, ее волшебник Рерин и предводитель воинов, его имени я не знаю. Ну, тогда ее положение не такое уж отчаянное! А что сейчас с ее народом, с камбрами?

После длительной паузы Аталия сказала:

— Они остались без правителя и пребывают в отчаянии. Если на них нападут, они будут с легкостью захвачены врагами, потому что сердце камбров не с ними.

Прежде чем задать следующий вопрос, Леовигильд тщательно взвесил каждое слово.

— Я не спрашиваю тебя о том, что мне делать. Не спрашиваю и о том, сколько мне еще осталось жить. Скажи, каким был бы наилучший образ действий в моем положении?

Она улыбнулась:

— А ты осторожен. Это хорошо, ведь осторожные люди живут дольше, чем горячие головы. Я дам тебе ответ. Не считай его предсказанием будущего. Ступай к камбрам и их королеве. Добрая ли, злая, — но твоя судьба совершится в их владениях. И помни: только нечестивец пытается избежать своей судьбы.

— Хорошо, я пойду к камбрам.

У Леовигильда словно гора с плеч свалилась. Решение было принято. Теперь ему не придется ломать себе голову. Он уйдет отсюда, из этой долины, и направится в крепость Альквины, что стоит на равнине посреди огромных каменных глыб. После диковинных приключений в долине мрачные камни с их устрашающими очертаниями могли показаться почти приветливыми.

— Осталось выяснить насчет благодарности за мою помощь, — сказала Аталия. В ее зеленых глазах теперь засветилось какое-то новое выражение.

— Что я должен тебе дать? — спросил Леовигильд.

Она встала и словно по воздуху перелетела к нему в объятия. Сквозь одежду он почувствовал жар ее нагого тела, которое было горячей, чем у любой смертной женщины.

— Я ведь уже сказала тебе, — зашептала Аталия, — ты ни о чем не будешь жалеть. — И она медленно повела его в свою хижину.

Занимался морозный день. Зиггайр стоял в дозоре. Как уже не раз за последние недели, он вглядывался в каждый камень большого каменного круга на равнине, понапрасну надеясь, что Альквина вдруг снова появится в том месте, где она так непостижимо исчезла. Зиггайр призвал воинов выйти в поход против Тотилы, убить короля и взять под стражу его колдуна Йильму. Как и большинство остальных, Зиггайр не сомневался, что исчезновение Альквины устроено колдуном. Может быть, им удалось бы тем или иным способом заставить Йильму вернуть камбрам королеву. Несколько человек согласились, но другие — почти все — испытывали слишком большой страх перед Тотилой и Йильмой. Призыв Зиггайра не поддержали.

Но что это? Кажется, там, на западе, что-то движется? Да, к крепости приближался всадник на низкорослой лошади. В это время года путешественники были большой редкостью. Может быть, сюда скачет чей-то гонец? Или это странствующий бард, который за ночлег и горячий обед потешит их своими песнями? Всадник подъехал ближе, и Зиггайр увидел приятного молодого человека в богатом платье, какое носят знатные люди.

— Кто ты? — крикнул Зиггайр со стены.

Молодой человек поднял голову и улыбнулся:

— Леовигильд, в прошлом принц тунгов, а ныне — изгнанник. Кто сейчас возглавляет камбров вместо королевы Альквины? У меня есть важные новости.

Король Тотила скучал. Зимой в жизни только и было, что еда, сон и игра. Так проходили долгие зимние дни. Весной же снова начиналась охота, война, разбойничьи походы — увеселения, подобающие человеку знатного рода. Иногда и зимой выезжали охотиться, но сейчас миновал уже праздник середины зимы — дичи в лесу было мало. Если не удавалось подбить оленя или кабана — а такое случалось, — то приходилось довольствоваться

копченым мясом и вяленой рыбой.

Но могло быть гораздо хуже. Тотила помнил зимы, когда его воинам приходилось питаться сыром и пшенной кашей, словно рабам или слугам. При этой мысли Тотила передернулся, как от озноба. Лучше уж честная гибель в бою, чем такое жалкое прозябание. Он слышал о жизни королей на юге, где весь год цветет весна, где пьют не прокисшее пиво, а игристое вино. Вот так должен жить король! И Тотила хотел жить так. Нужно было только разделаться с соседями. Уж тогда он продвинет свою границу на юг и там, вблизи заморийских пределов, поставит свою новую столицу.

Но то были лишь мечты о будущем. Пока что перед ним стояла другая задача — как покорить соседей? Помочь в ее решении мог колдун Йильма, на которого король все более полагался. Тотила не был до конца убежден, что поступает правильно, доверяясь Йильме, но что оставалось делать? Королю нужен советчик, ибо истинная задача короля — война.

Как по заказу, Йильма вдруг появился в зале. Почти никто из воинов не обратил на него внимания. Они привыкли, к колдуну. К тому же зимой они играли в кости неторопливо, обдумывая каждый ход, сосредоточенно — ведь время все равно некуда девать.

— Я принес важное известие, государь, — сказал Йильма.

— Самое время чем-то развлечься, — ответил Тотила. — Правильно ли мое предположение, что ты хочешь сообщить мне что-то об Альквине? Ты пришел сказать мне, что твои союзники-духи, которых ты так превозносил, уже доставили тебе Альквину и ты готов привести ее ко мне?

— Нет, государь. Как я уже говорил тебе, в мире духов время течет совсем не так, как у нас. Здесь проходят недели, а там это два или три дня. — Колдуну сделалось не по себе от вопросов властителя. В мире духов, должно быть, стряслось что-то нежелательное. У него не было даже слабой догадки о том, что могло помешать осуществлению такого великолепного, тщательно продуманного плана. Йильма опасался, что терпение Тотилы скоро лопнет. Но сейчас у колдуна было чем его отвлечь.

— Речь идет о наших соседях, тунгах и камбрах.

— Ах вот оно что! — Любопытство Тотилы проснулось. Он взял свой шлем и принялся вертеть его в руках. Как и все воины-северяне, король ценил тонкую работу по металлу.

— Я получил известие, что король Одоак изгнал своего наследника, молодого Леовигильда. Несколько дней назад юноша ускакал со двора, и никто не знает, что с ним сталось.

Тотила захохотал громовым хохотом:

— С наследником покончено! Этот безмозглый боров Одоак собственными руками роет себе могилу. Раз у него нет больше наследника, тунги с радостью признают мен" своим новым правителем. А Одоака я убью.

— У тебя тоже нет наследника, государь, — умерил колдун его пыл.

Король мрачно взглянул на него, сдвинул брови:

— Будет! Только приведи ко мне Альквину. Не забывай — я гораздо моложе Одоака. Никто не усомнится в том, что я способен дать жизнь наследнику престола. Я доблестный воин. В моих жилах течет королевская кровь. Ни народ Альквины, ни народ Одоака не посмеют воспротивиться тому, что я стану их правителем. Если я женюсь на Альквине — а она также ведет свой род от древней династии, — то наш сын будет наследником, против которого никто не посмеет возражать. Я прав или нет, колдун?

— Ты прав, государь. Но мне известно о камбрах кое-что еще. После того как мои

союзники похитили Альквину, камбры бездействуют, сидят в своей крепости на равнине Больших камней. Мне удалось узнать, что Одоак задумал извлечь выгоду из нынешнего положения камбров, лишившихся правительницы. Он нападет на них в ближайшие дни.

— Зимний военный поход! — радостно воскликнул Тотила. — Кто бы мог подумать, что в старике Одоаке так силен дух предприимчивости! Обычно он всю зиму пьянствует. — Тотила замолчал. Он взвешивал все возможности, которые открылись перед ним после полученного известия. — Так, теперь мне понятен ход его мыслей. Он изгнал наследника. Теперь он должен как можно скорее доказать, что по-прежнему является выдающимся военачальником. В противном случае воины убьют его и признают своим королем молодого Леовигильда. Напасть на меня Одоак не посмеет, зато камбры представляют собой заманчивую цель.

Йильма кивнул. Он получил еще одно подтверждение правильности своего выбора. Тотила годился для того, чтобы стать не простым, а великим королем. У этого человека был быстрый ум, твердая рука и не было совести.

— Настолько заманчивую, что я сам по ней ударю, — заявил Тотила. — Проглочу разом оба народа. Нельзя упустить такую возможность. Воины! — крикнул он громовым голосом. — Готовьтесь в путь, прощайтесь с родными! Нам предстоит зимний военный поход.

Поднялся оглушительный радостный шум. И вот уже второй народ севера начал готовиться к войне.

Глава одиннадцатая
ОХОТНИК ИДЕТ!

— Ты уверен, что знаешь, куда мы идем, старина? — спросил Конан. Он шагал впереди Рерина и Альквины и смотрел, нет ли где врагов с телом из плоти и крови, с кем он мог бы сразиться. Рерин же напряг все свое чутье, чтобы вовремя заметить опасное колдовство.

— Уверен настолько, насколько можно быть уверенным здесь. То есть не очень уверен. Где-то впереди находятся ворота. Через них мы сможем вернуться в наш мир и очутиться в том месте, из которого перенеслись сюда. Кроме этого, я почти ничего не могу сказать.

Они шли через лес, деревья в нем были высокие и росли густо. Порой над кронами пролетали большие призраки с трепещущими крыльями. Но те твари, что попадались внизу, были маленькими и сами уходили с дороги людей.

— Я молюсь Имиру, чтобы нам поскорее вернуться назад! — сказала Альквина. На ней была рубаха Конана. Киммериец накинул на плечи свой плащ из волчьей шкуры. Оторвав край рубахи, Альквина кое-как смастерила себе обувку. Было не очень холодно, поэтому они не мерзли в этой одежде.

Они еще ничего не ели с самого утра, а вчера разделили на троих маленького зверька, убитого Конаном. Но люди севера привычны к лишениям.

— Ох, Эрик Черный! Да когда же мне попадется зверь! — Конан терял терпение. В животе у него громко урчало.

— Стой! — сказал Рерин.

— Ну что такое?

— Я что-то чувствую… Не знаю… Что-то совсем близко. Оно исполнено зла этого мира.

— Ты можешь сказать, какое оно? — спросила Альквина.

— Нет, ничего подобного я не видел в трансе. Оно не такое, как обитатели замка, и не такое, как демоны, которые тебя похитили Больше я ничего не могу сказать.

— Надеюсь, это не еще один адский скорпион? С меня вполне хватило одного, — сказал Конан.

— Нет, по-моему, нет, но… — Рерин поднял голову. — Смотрите!

Они взглянули туда, куда указал Рерин. На дальнем холме виднелась фигура всадника на коне. По ветру развевался длинный широкий плащ. Лицо было скрыто под сверкающим серебряным шлемом. В прорезях для глаз полыхал зловещий красный огонь. На таком большом расстоянии невозможно было разглядеть оружие и доспехи всадника. Конан вспомнил, о чем говорили демоны, когда он расспрашивал их об Альквине: "Будет послан Охотник!"

— Если это человек, — сказал он, — то и он сам, и его конь гораздо больше нормального роста. И он определенно не желает нам добра.

Альквина обратилась к Рерину.

— Ты думаешь, это человек?

— Мне кажется, вряд ли здесь существуют настоящие люди, — отвечал старик. — Кроме нас и, возможно, нескольких пленников, которых они похитили из мира людей. Но что это — я не могу сказать.

И вдруг всадник резко повернул кони и во весь опор поскакал прочь.

— Мне очень не нравится этот всадник, — сказала Альквина.

Конан пожал плечами:

— В этом проклятом плотном воздухе никак было не разглядеть его. С виду — вроде великан, но, может быть, размеры искажены, как при миражах. — На самом деле Конан совсем не предполагал, что они увидели мираж, но не хотел еще больше пугать своих спутников. Если этот всадник затевает что-то против них, то беспокоиться лучше не заранее, а тогда, когда опасность станет угрожать непосредственно.

Они продолжили свой путь по лесу. Постепенно он сменился скудно поросшей деревьями и кустами равниной; здесь бежали ручьи и кое-где светлели луга. Конан заметил, что эта местность похожа на ту, куда они с Рерином попали в самом начале, едва очутившись в Стране демонов. Настроение Конана улучшилось, тем более что и видимость здесь была лучше — теперь он увидел бы врага еще издали и смог бы приготовиться к бою.

Заночевали они на лугу. Конан сделал себе копье из крепкой ветви и подбил животное, похожее на косулю. В этот вечер они поели отличного жаркого.

— Завтра утром будем у ворот, — сказал Рерин — Я отчетливо чувствую, что они очень близко. Чуть-чуть осталось идти.

— А что всадник? Ты чувствуешь его присутствие? — спросил Конан.

Рерин сосредоточился. Прошло несколько минут.

— У меня нет уверенности. Видишь ли, всякий магический предмет окружен особой аурой, которую может обнаружить тот, кто обучен этому искусству. Но аура бывает более сильной или более слабой. Сильная аура может перекрыть слабую, — так, мы не видим огонек свечи при ярком солнечном свете. Здесь магические ауры перекрывают одна другую, и различить их трудно. Сигнал, который исходит от ворот, очень сильный и отчетливый. А всадник… — Рерин пожал плечами, — у него не столь сильная аура, но очень, очень зловещая.

— Конан, как думаешь, сможешь ты победить этого жуткого всадника? — спросила Альквина.

— Конечно. Если он смертен… А он наверняка смертен!

— Почему ты так в этом уверен?

— Потому что на нем шлем, — ухмыльнулся Конан. — Бессмертному не нужны доспехи. Он носит шлем, потому что не хочет, чтобы раскроили его череп.

— Надеюсь, ты прав, — сказал Рерин. — Мое чувство говорит мне, что завтра мы узнаем о нем намного больше.

На следующий день они шли по гористой местности с мощными скалистыми образованиями и редкими низкорослыми деревцами. Воздух был все таким же плотным, похожим на воду, все формы и очертания призрачно расплывались. В какой-то момент им показалось, будто вдали послышался топот копыт. Они продвигались вперед с предельной осторожностью, опасаясь, что враг ударит прежде, чем они достигнут ворот.

— Вот они! — воскликнул Рерин, когда они поднялись на небольшую возвышенность. Внизу, во впадине, перед ними стояли каменные ворота, такие же, как те, через которые они вошли в Страну демонов. Колоссальные каменные столбы вздымались над землей, покрытой травой, в которой, казалось, не было ни зверьков, ни насекомых. Настороженно, с опаской они подошли ближе.

— Сколько тебе потребуется времени? — спросил Конан волшебника.

— Час, а может быть, и два. Но не больше. — Рерин достал из своей котомки пучки

трав, камешки, косточки и прочее. — Альквина, помоги мне собрать хворост и развести огонь. Надо спешить. Но при колдовстве нельзя ни о чем забыть. Если я пропущу хотя бы одно слово или жест, все придется начинать сначала.

— А я могу чем-то помочь? — спросил Конан. Ему была ненавистна сама мысль о том, что придется участвовать в колдовстве, но он был готов преодолеть отвращение, если от этого зависело спасение жизни.

— Стой на страже. Если появится наш преследователь, нельзя, чтобы он мне помешал.

— Постараюсь не подпустить его близко, — пообещал Конан. — Приступайте к работе! А я поднимусь вон на тот пригорок и буду поглядывать по сторонам.

Поднявшись на холм, он увидел вокруг все тот же пейзаж. Кто же он, этот всадник? Какими силами располагает? Конан с сожалением вспомнил о своем панцире. Он не привык всецело полагаться на защиту доспехов, однако понимал, что в ближнем бою панцирь мог спасти ему жизнь. Сейчас у него были только меч и шлем. Щита не было. Пустяки! Не так давно он сражался вообще голый и все же остался жив. Киммериец присел на камень и стал ждать.

Рерин и Альквина сидели у огня, разведенного перед воротами. Конан слышал волшебные песнопения и видел поднимающийся над огнем густой дым, который то и дело менял свой цвет и медленно окутывал столбы ворот. Голос старого мага то поднимался до тонких жалобных нот, то становился низким, угрожающим. Наблюдая за этими колдовскими действиями, Конан стиснул зубы. Он даже вздохнул с облегчением, когда услыхал грохот тяжелых копыт.

Киммериец поднялся и вынул из ножен меч. Поджидая всадника, он невозмутимо опробовал лезвие большим пальцем.

Всадник вынырнул из леса. Похож на человека и сидит на чем-то, что похоже на коня. Но чем ближе он подъезжал, тем яснее Конан видел, что ни человека, ни коня нет. Они были словно бы сделаны, вернее, отлиты из цельного куска. Сверкали доспехами, но разглядеть их не удавалось из-за широкого плаща всадника. Теперь это существо шло прямо на Конана. Глаза у коня полыхали сквозь прорези в гладком наголовнике тем же багровым огнем, что у всадника.

— Расстояние достаточное! — крикнул Конан. — Что привело тебя сюда? Не вздумай помешать этим людям! — Он махнул рукой в сторону Рерина и Альквины, а сам меж тем не спускал глаз со всадника.

— Я — Охотник, — произнес голос, звук которого был странно гулким. — Я пришел, чтобы отвести всех вас к моему повелителю.

— Кто же он? — Ответ был, в сущности, безразличен киммерийцу, но он старался выиграть каждую секунду, чтобы Рерин успел закончить свои волшебные действия.

— Я служу владыке Страны демонов, — отвечал стальной всадник. — Следуй за мной!

— Если нам захочется нанести визит твоему владыке, то мы и сами найдем дорогу. Убирайся! — крикнул Конан. — И если тебе дорога жизнь, не пытайся задержать нас!

Не проронив более ни слова, Охотник бросился вперед. Он едва не сбил Конана с ног. Обыкновенная лошадь, перед тем как пуститься в галоп, чуть подается назад и приседает на задние нога. Здесь же — ничего похожего! Все четыре ноги оторвались от земли одновременно. С ошеломляющей скоростью конь несся на Конана. Всадник не шелохнулся, однако в его правой руке вдруг блеснул длинный клинок. Он обрушился на Конана. В последнюю секунду тот отскочил — клинок лишь отсек край его волчьей шкуры.

Инстинктивным движением Конан нанес удар в бок коню, рассчитывая отрубить ногу всадника. Сталь звонко ударила по ножному доспеху. Конан тут же отпрыгнул в сторону Ранить всадника не удалось. И, к удивлению Конана, ему показалось даже, что под доспехом вообще не было ноги.

Все еще не оправившись от удивления, он ожидал следующей атаки. Конан не любил занимать в сражении оборонительную позицию, но понимал, что глупо переходить в наступление, до тех пор пока он не будет знать сильные и слабые стороны противника.

Новая атака Теперь всадник низко пригнулся к шее коня и сделал попытку насадить Конана, точно курицу на вертел, на свой клинок. Однако Конан уже приготовился и бросился влево, чтобы нанести удар по левому боку всадника. Конан как следует размахнулся — но тут в левой руке всадника вдруг вырос второй клинок. Он был в четыре фута длиной. Сталь обрушилась на голову киммерийца — он отчаянно отбил удар. Ему удалось отвести клинок врага и уберечь голову, но он получил рану в левое плечо.

— Кром! — вскричал Конан. — Откуда еще этот клинок? Эй, Рерин, долго еще?

— Несколько минут! — крикнул в ответ Рерин. — Заклинания уже произнесены, но нужно немного времени, чтобы все исполнилось.

— Постарайся ускорить дело! Он так сражается — я еще такого не видал!

Стальной всадник вновь наступал. Конан уже знал, что сражается не с живым существом. Разумнее было бы броситься наутек, а не подставлять себя под удары. Но киммериец помнил о своем долге. Пока он дышит, пока в груди бьется сердце, он будет защищать свою королеву от этого Охотника. А тот мчался на Конана, подняв оба клинка. Он держал их в широко расставленных руках. Конан ждал, подняв меч обеими руками над правым плечом. Отскочить в сторону было нельзя, а раз так, он раскроит голову коня. Никогда еще ему не встречался враг в таких доспехах, которые не мог бы разбить хороший удар мечом.

Охотник был уже в десяти шагах. И тут из лба коня, точно между глаз, вырос метровой длины рог, который вдобавок вращался, как сверло. Серебром блестели острые зубы. Конан подхватил с земли камень и швырнул в голову всадника. Он попал точно в глазную щель на шлеме. Конь вздрогнул. Но вращающийся рог был уже на расстоянии ладони от груди Конана. Киммериец подпрыгнул и изо всей силы ударил всадника по плечу. Тот чуть пошатнулся. Но лезвие меча даже не оставило на его доспехах заметного следа.

При следующей атаке Конан схватился за плащ всадника, чтобы стащить его с коня. Плащ тяжело соскользнул на землю — и тут Конан наконец увидел, с кем он сражается. Шлем всадника был гладкий, зато доспехи на всем туловище состояли из множества подвижных стальных колец, соединенных друг с другом. Хитрый механизм скреплял всадника с конем так, что они составляли единое целое — человек-зверь.

Охотник готовился к очередному нападению, Конан же тем временем искал — где же у этой штуковины слабое место? Стальные кольца были пригнаны друг к другу так плотно, что между ними не прошла бы и иголка. Но должен же быть какой-то доступ к более уязвимым внутренним частям махины! Конан лихорадочно соображал. Единственная щель — это прорези для глаз. Может быть, там, за ними, и не глаза вовсе, а скорей всего какие-то части, не столь невосприимчивые к ударам стального меча, как доспехи всадника.

Когда конь помчался на него, Конан был в полной готовности. В точно рассчитанный момент он сделал шаг в сторону, увернулся от клинка в правой руке Охотника и схватил его за руку. Уцепившись за нее, он перемахнул на коня, за спину всадника. Меч пришлось

бросить, и Конан выхватил из-за пояса кинжал.

Он уже ударил было кинжалом в глазную прорезь, как вдруг на спине всадника, там, где должен проходить позвоночник, выскочил целый гребень остро заточенных лезвий. Конан мгновенно отпрянул и скатился вниз по крупу коня. И вовремя! Потому что там, где он сидел секунду назад, из спины коня выросли такие же блестящие ножи. Конан подхватил с земли свой меч. Да когда же кончится этот кошмарный сон? Он ненавидел чувство беспомощности.

— Сюда! — закричал тут Рерин. — Ворота отворились!

Конан бросился бежать со всех ног. Внутри ворот кружил разноцветный бешеный вихрь. Альквина махала ему руками. Конан не осмелился оглянуться назад, чтобы увидеть, близко ли Охотник. Гигантскими шагами сбежав с холма, он втолкнул Рерина и Альквину в ворота. И только тогда оглянулся — он не мог оставить этих двоих без прикрытия.

Враг летел стрелой, но был все же достаточно далеко — Конан как раз успел попятиться и войти в ворота.

Все вокруг завертелось. Он потерял в этом вихре всякое представление о пространстве. А потом почувствовал страшный холод. Он стоял по щиколотки в снегу. Воздух был холоден и чудесно прозрачен. Конан сделал несколько шагов. И тут увидел, что вокруг столпились люди. Он стоял в окружении толпы на равнине Больших камней. Стоявшие вокруг были воинами Альквины. Другие люди бежали к ним из крепости.

— Прочь от ворот! — крикнул Конан.

В толпе поднялся крик ужаса — Охотник во весь опор промчался сквозь ворота. И вдруг, словно оцепенев, замер на месте. Он как будто высматривал в толпе людей свою добычу. И Конан лихорадочно огляделся. Он искал подходящее оружие. Наконец увидел. Один из воинов держал копье двенадцатифутовой длины — такими копьями пехота сражается со всадниками.

— Реккаред! Дай мне твое копье! — крикнул Конан.

Воин перебросил копье Конану, не отводя взгляда от страшного всадника. Конан осмотрел наконечник копья — длинный и узкий, как раз то, что надо!

При звуке его голоса всадник повернул голову. И конь пустился вскачь. На сей раз уже из боков коня выросли две длинные изогнутые сабли, а из груди две алебарды. Но стальной конь двигался уже не так уверенно и быстро, как раньше.

По толпе пробежал ропот восхищенного изумления, когда непобедимое — так всем казалось — чудовище из стали начало приближаться к крохотной в сравнении с ним фигурке Конана. Разве в силах человек из плоти и крови остановить эту адскую махину. Никто не сомневался, что киммериец будет сметен и рассечен на куски.

А Конан стоял, сжимая в руках древко копья. У него только одна попытка — победить или погибнуть. Глазные прорези в шлеме всадника были узкими. "Нужно вогнать копье в них наискось, иначе повисну на древке, но ничего не добьюсь", — подумал Конан.

Охотник наступал. Конан ударил копьем и попал точно в левую прорезь. Внутри раздался треск. И тут Конана отбросило назад. С дикой решимостью он не выпустил из рук копья, несмотря на то что по рукам пробежала болезненная сильная дрожь.

Из прорези посыпались искры и повалил дым. Воздух наполнился странным запахом — так бывает, если где-то недалеко в землю ударит молния. Охотник завертелся волчком вокруг собственной оси. Конан, казавшийся по сравнению с ним крохотным, уцепившись за древко, кружился в воздухе. Крепкое ясеневое древко не сломалось. И тут сноп синих искр взметнулся из глазных прорезей Охотника. Из всех щелей доспехов поползли струи дыма

Всадник повалился на спину коня. Конь содрогнулся и замер. Настала мертвая тишина.

Конь и всадник застыли и казались ледяной фигурой. Охотник был мертв — если только он когда-либо был живым.

— Что это было? — спросила Альквина. Она и все остальные подошли к киммерийцу.

Зиггайр пояснил:

— Мы увидели сполохи огня над большими воротами, государыня. И прибежали сюда. Мы подумали, что, может, это ты и твой маг вернулись. Но пойдем скорее в крепость. Здесь, на равнине, мы в большой опасности.

— В опасности? — Альквина удивилась. После уничтожения Охотника никакие опасности не страшны — так она думала.

— Сюда идут наши враги, — сказал Зиггайр. — Надо укрыться за крепостной стеной и обороняться.

Кто-то крикнул:

— Смотрите!

Все посмотрели на металлического Охотника. С невероятной быстротой его покрывала ржавчина. Со скрежетом и треском отвалилась рука, потом подогнулись ноги коня, и Охотник с грохотом повалился наземь и треснул пополам. Изнутри посыпались шестеренки, рычажки, колесики и многое другое.

— Он не мог остаться невредимым в нашем мире, — заметил Рерин.

— Я безмерно счастлив, государыня, знать, что ты в безопасности!

Альквина отвела глаза от ржавых обломков и увидела перед собой красивого молодого человека с белокурыми длинными волосами и бородой.

— Я Леовигильд, племянник короля тунгов Одоака.

Альквина метнула на него грозный взгляд, но каждому было ясно, что юноша возбудил ее интерес.

— Разве мою крепость взяли враги, коль скоро племянник и наследник Одоака находится среди моих воинов?

— Я уже не наследник, — ответил юноша — И клянусь, я не враг тебе. Пойдем в крепость! Там ты сможешь надеть более подходящее платье. А затем обсудить все спокойно и не спеша.

Альквина приняла подобающий королеве гордый вид, кивнула молодому человеку и направилась к крепости. За ней последовали и все остальные. Конан шел последним. Он чувствовал, что его несколько обошли почетом. Его великий подвиг уже заслонили собой последние политические события. Рерин подошел к нему:

— Не отставай, Конан! Во дворце тепло и поесть дадут. Если ты надеялся покрыть себя вечной славой, то надо было пригласить барда. Пускай бы присутствовал при твоих подвигах и воспел их потом.

— Она что, действительно так низко ценит мою службу? — обиженно сказал киммериец. — Пока этот зеленый юнец превратится в настоящего воина, пройдет не один годик!

— Воины приходят и уходят, — отвечал Рерин. — Альквина же королева. Она должна заботиться о благе своего народа. Скажу тебе по секрету, я говорил с ней о том, чтобы сделать тебя принцем-регентом и…

— Эге! Да я весной сяду на первый же корабль, который пойдет на юг. Если я пожелаю получить королевство, то я его завоюю! Клянусь Кромом! Королевства — приданого за

женой — мне не нужно!

— Тогда все в порядке. Леовигильд — из королевского рода, Альквина тоже. Может быть, соединившись, они спасут свои народы от гибели.

Глава двенадцатая
КРОВЬ НА СНЕГУ

Конан сидел, мрачно уставясь в свою кружку с пивом, и молчал, а в это время королева камбров и изгнанный наследник престола тунгского королевства держали совет. Как ни противно было киммерийцу признавать чье-то превосходство, однако он не мог не заметить, что Леовигильд, при всей своей молодости, вел речи мудрые и полные отваги, хотя и не лишенные, на взгляд Конана, чрезмерной осторожности. Воины Альквины слушали юношу с такой почтительностью, какую Конан не ожидал встретить по отношению к чужаку в народе, состоявшем сплошь из сородичей. Но, разумеется, общие правила не распространялись на особ королевской крови. Короли и королевы должны заключать браки с чужестранцами, иначе потомство их обречено на вырождение.

— Альквина, прежде всего нам предстоит столкновение с двумя противниками, — объяснял Леовигильд. — Первый враг — это тунги во главе с моим дядей. Второй и гораздо более опасный враг — это торманны и Тотила. Одоак — подлый убийца, наносящий удар из-за угла. С возрастом он впал в слабоумие Тотила же — выдающийся воин, и он в расцвете сил. Кроме того, он не позволяет своим воинам раскисать в безделье. Численность камбров невелика. Пожалуй, здесь, за каменными стенами, ты сможешь отразить нападение войск одного из твоих врагов, но не обоих сразу.

— Я думаю, до этого все же не дойдет, — возразил Зиггайр. — Почему бы торманнам и тунгам не вести борьбу между собой? Зачем им нападать на нас?

— Обоим королям нужна королева, — сказала Альквина — Им нужна я. Скоро они узнают, что я вернулась, и начнут действовать. А счеты они будут сводить потом, после того как завоюют нас.

— Верно, — поддержал ее Леовигильд. — Я, по-моему, знаю даже, как будут разворачиваться события. Тотила предложит Одоаку заключить временный союз. Тогда оба короля со своими войсками нападут на крепость. Взяв ее, они начнут войну между собой за Альквину, ее земли и ее народ. А так как мой дядя не просто слабоумный, но и глуп, как пробка, то он пойдет на союз с Тотилой. Тотила же не дурак — ведь он сумел создать свое королевство буквально на ровном месте. В один прекрасный день при осаде он попросту подошлет к Одоаку убийц. Тунги останутся без короля. Я изгнан. Значит, тунги присоединятся к военному походу единственного оставшегося военачальника — Тотилы.

Эта четкая оценка положения была встречена одобрительными возгласами.

— В свои юные лета ты говоришь очень мудро, — сказал Рерин. — Итак, мы должны придумать, как избежать несчастья.

— Давайте выйдем в открытое поле и сразимся с Одоаком, — предложил Зиггайр. — С ним и с тунгами нам легче справиться, чем с Тотилой. Победим их и скроемся за крепостной стеной И будем ожидать прихода Тотилы.

— Даже если мы разобьем тунгов, то потеряем при этом много сил, — возразила Альквина. — К тому же Тотила сможет захватить крепость, если в ней не будет воинов.

Конан улыбнулся. Никто здесь не предлагал решения, которое на юге любой царице было бы яснее ясного. И всего-то — выти замуж за более слабого из врагов и потом спокойненько зарезать его спящего. Но нет — на севере королева пошла бы на такое лишь

ради кровной мести. А так как у Альквины не было основания враждовать ни с одним, ни с другим королем, то подобная идея и не приходила ей в голову.

— Я не считаю себя вправе советовать вам что-то в области военной тактики, — сказал Леовигильд. — Мой военный опыт весьма невелик. Да я и не могу выступить с оружием в руках против моего народа, пусть даже я изгнанник. Но я готов воевать с Тотилой. Постойте! Ведь один из нас до сих пор не сказал ни слова. Сильнейший из воинов королевы Альквины — не только непобедимый боец. Он служил в армиях многих стран мира. И мне кажется, ему известны выходы из положения, о которых мы с вами даже не догадываемся. Конан, скажи, что ты обо всем этом думаешь?

Конан отер губы тыльной стороной руки. Здесь, на Севере, высоко ценились не только воинские доблести, но и мудрый совет. И этим армии северян также отличались от тех войск, в которых он когда-то служил на Юге.

— В открытом сражении у нас шансов нет. Даже если придется воевать с одним из королей. Победить обоих сразу — нечего и думать. Здесь всем это ясно. У меня есть мысль, каким образом мы могли бы существенно ослабить их армии, прежде чем начнется осада крепости или произойдет сражение в поле. Для этого требуется ловкость и мужество. Альквина, ты должна созвать всех своих охотников и ловчих.

— Ловчих? — удивилась Альквина. — Зачем?

— Они знают местность лучше всякого воина. Если сюда придут Одоак и Тотила, им придется пробиваться сквозь снега, они будут продвигаться очень медленно. Мы поставим дозоры ловчих поблизости от больших дорог, чтобы они сообщали нам о продвижении вражеских войск. Навстречу врагам мы вышлем не армию, а многочисленные конные отряды. Они внезапно нападут на врага во время перехода, сколько-то человек убьют, а затем повернут коней и умчатся. Потом нападение нужно будет повторить в другом месте. Как только противник приготовится к сражению и его воины построятся "черепахой", мы не мешкая отступим и скроемся в крепости. Новое нападение предпримем через день или два. Даже если убиты при этом будут немногие, мы победим их, прежде чем они подойдут к стенам крепости. Потому что, столкнувшись с неизвестной тактикой, даже самые испытанные храбрецы теряют уверенность в себе

— Никогда не слышал о таком способе ведения войны, — сказал Зиггайр, покачивая головой.

— Одоак и Тотила наверняка тоже о нем не слышали, — сказал Леовигильд. — По-моему, Конан предлагает нам единственный приемлемый путь.

— Против Одоака мы сможем применить нашу тактику несколько раз подряд. Но не против Тотилы, — предостерег Конан

— Почему? — спросила Альквина.

— Из-за его проклятых сорок! Тотила живо узнает, что и как мы делаем. Йильма с помощью этих зловредных птиц будет следить за нами. А как спрячешься от летающего врага?

— Может быть, под прикрытием леса? — предложил Леовигильд.

— Они увидят на снегу наши следы, ведущие в лес, — возразил Конан.

— По-моему, я могу помочь вам, — вмешался Рерин.

— Говори! Нам нужна любая помощь. — Альквине не терпелось услышать совет волшебника.

— Против Йильмы и его сорок мне никогда не удавалось выдвинуть надежную

защиту. — Старик вздохнул. — Его искусство значительно превосходит мое. Но я знаю одно колдовское заклинание, с помощью которого можно вызвать зимой недолгий, но сильный снегопад. Как только мы спрячемся в лесу, снег заметет наши следы, и сороки их не увидят.

Конан улыбнулся и как следует отхлебнул из кружки.

— Ну, старик, — сказал он, — может быть, именно тебе мы будем обязаны победой.

Ловчие королевы были крепкими парнями невысокого роста. Одеты они были в грубое сукно и теплые меховые куртки. Цвет кожи у них был несколько темнее, чем у воинов. Глядя на них, Конан пришел к мысли, что предки охотников жили здесь задолго до того, как пришли белокурые люди. Ловчие ведали лесами, они приводили высокородных охотников в такие места, где скорее всего можно было напасть на дичь. Ловчие пользовались многими привилегиями и служили королеве верой и правдой.

— Несколько человек из вас проведут наши наступательные отряды в места, подходящие для устройства военных лагерей, — давал разъяснения Конан. — Другие пусть велят слугам носить туда корм для лошадей. Третьи пойдут по пятам за двумя войсками, которые двинутся на нас. Необходима осторожность — враг ничего не должен заметить. Идите выше по склонам — так они не увидят ваших следов на снегу. Я уверен, что противник выберет для своего продвижения широкие дороги, которые проходят у подножия холмов. Вы будете действовать группами, одни из вас будут вести постоянное наблюдение за противником, другие — доставлять эти сведения нам. Если вас обнаружат, не вступайте в бой, предоставьте это воинам, а сами постарайтесь убежать. А сейчас идите к Зиггайру. Он каждому из вас даст задание

Ловчие ушли. Теперь перед Конаном стояла труднейшая задача. У него был один, от силы два дня на то, чтобы дать воинам необходимые указания о ведении боевых действий верхом на коне. Хорошо еще, что научить их надо было только тому, как наносить удары и немедленно затем отступать. Сложные маневры кавалерии — тут потребовались бы месяцы жесточайшей муштры. Мечи у камбров были слишком короткие, для верхового сражения они фактически не годились. И Конан стал учить воинов, как наносить удары копьем, не спешиваясь.

На площадке перед крепостной стеной были поставлены столбы, а к ним привязаны чучела из соломы. Воины на всем скаку били в них копьями. Стоило кому-нибудь промахнуться — он вылетал из седла, а остальные так и покатывались от хохота

— Здесь не место для забав! — одернул весельчаков Конан. — Идет война! Не вкладывайте в удар всю свою силу — сохраняйте равновесие. От вас требуется вышибить врага из седла, нужно только вонзить в него копье, на несколько дюймов. И сидите в седле свободно. При броске чуть придерживайте коня. Это не обученные кавалерийские лошади, имейте в виду, — нельзя, чтоб они путались.

Тут один из воинов снова вылетел из седла, и все захохотали. Конан в отчаянии застонал сквозь зубы.

К вечеру, когда уставшие солдаты повели коней во двор, Конана подозвала к себе Альквина.

— Есть надежда? — напрямик спросила она.

— Они понемногу учатся, — уклончиво ответил киммериец. — А наш враг еще никогда не сражался с верховыми. В этом наше величайшее преимущество. И потом, наша цель — ослабить врагов, а не окончательно разбить.

— На большее, видно, не приходится и надеяться. Может быть, благодаря тебе, Рерину и Леовигильду нам удастся выстоять при нападении.

— Мальчонка и правда такой замечательный? — Конана злило то, что королева так явно отдает предпочтение Леовигильду.

Она холодно посмотрела ему в глаза:

— Разумеется. Когда Одоак умрет, тунга, несомненно, присягнут ему в верности. И тогда мы сможем заключить с ним союз против Тотилы.

— Династический брак и, как его следствие, объединение двух народов?

— Ну да. Таков обычай всех королевских родов. Если мы уничтожим Тотилу, то, возможно, и торманны изберут нас своими правителями. У Тотилы нет наследника.

— Вот и отлично! — Вне себя от ярости Конан резко повернулся и хотел уйти.

— Конан! — окликнула его Альквина. Он остановился. Всю злость вдруг как рукой сняло. Альквина стояла возле крепостной стены, такая маленькая, но царственно гордая. Голос ее звучал мягко:

— Конан, когда королева думает о своем будущем, она делает это не как женщина, слушающая лишь голос своего сердца, а как повелительница. Она всегда должна помнить о благе своего народа. Мне жаль, но это так. — Альквина пристально посмотрела ему в глаза и, не сказав больше ни слова, повернулась и пошла прочь. Конан еще долго глядел ей вслед.

В этот вечер во дворце шел веселый пир. Правда, в пиве Альквина воинов ограничила. Еще до рассвета они должны были выехать из крепости и первый раз напасть на врага из засады. Победа их ждет или поражение — неважно, все равно это нападение никогда не будет забыто, ведь в нем будет впервые применена новая тактика. Некоторые старые воины сомневались в тактике, завезенной из чужих стран. Да разве может воин сражаться по-настоящему, если он не чувствует твердой почвы под ногами? Несмотря на сомнения, никто не был уныл или грустен. Да это и немыслимо было бы для северян вечером накануне битвы. Всех переполнял воинственный задор.

Конан оторвал кусок от зажаренной телячьей ноги. Конечно, воины Альквины не были обученным войском. Но он не слишком высоко ценил настоящие армии. Кроме того, ему уже случалось вести в бой дикие орды. А эти люди храбры и преданы королеве. Тут кто-то тронул Конана за плечо. Рядом с ним стоял Леовигильд.

— Конан, — заговорил юноша, — я считаю, что ты — спаситель нашего народа. Твои заслуги не останутся без вознаграждения. Когда все уже будет позади, ты сможешь стать великим военачальником. У тебя будут земли, крестьяне, слуги. Дай только мне взойти на престол, уж я вознагражу тебя по чести.

Конан взял юношу за руку повыше локтя и усадил на скамью рядом с собой. Потом наклонился к нему и сказал, подчеркивая каждое слово:

— Три вещи, мальчик… — Он загнул блестевший от мясного жира палец. — Первое: я служу не тебе, а Альквине Награда за службу — ее дело, а не твое. Во-вторых, — он загнул второй палец, — никогда не поздравляй никого с победой, которая еще не одержана. Боги этого не любят и не раз уже карали подобную самонадеянность. И третье, — Конан загнул третий палец, — весной я поплыву на юг. Земли и прочее трудновато было бы взять на борт судна Поэтому награду я потребую золотом, если Кром и Имир даруют нам победу.

К удивлению Конана, Леовигильд только усмехнулся:

— Поистине, киммерийцы так свирепы и суровы, как о них говорят. Благодарю тебя за мудрое наставление. О вознаграждении мы поговорим позже. В настоящее время ты —

величайший воин всего Севера, а я нищий изгнанник, который рад и тому, что ему позволили участвовать в сражении Пусть победа достанется тому, кого пожелают осчастливить боги

Теперь и Конан улыбнулся. Он хоть еще и упрямился, но уже понемногу начинал на свой лад любить этого парня Конан ответил:

— Кому бы она ни досталась — скоро снег окрасится кровью.

Конан окинул взглядом свое маленькое войско. Впереди был еще один бесценный день, они могли провести военные учения здесь, в полевом лагере. Он собирался научить солдат находить укрытия в лесу и бросаться в бой не раньше, чем будет дан сигнал к атаке. Все воины были разделены на шесть отрядов. На каждое вражеское войско — по три отряда. Целый день ушел у Конана на то, чтобы научить бойцов атаковать врага одновременно с трех сторон. У него так и не было уверенности, что после внезапной атаки воины Альквины не ввяжутся в длительный бой, а, как он их учил, обратятся в бегство. Но теперь жребий был брошен

Вечером, когда воины спешились и стали устраиваться на ночлег, Конан все же был ими доволен Он сделал все, что мог.

И тут в лагерь прибежали несколько ловчих. Не успев отдышаться, один из них, молодой кучерявый парень с коротким копьем в руках, доложил:

— Мы выследили торманнов, предводитель! На дорогу сюда у них уйдет около восьми часов — они идут медленно. Сейчас они, наверное, сделали привал и находятся в шести часах пути отсюда

— Они выслали вперед разведчиков? — спросил Конан.

Парень отрицательно потряс головой:

— Нет. Они идут все вместе, впереди только несколько всадников Мы видели и короля Тотилу. Мы узнали его по мантии из человеческих скальпов.

— Хорошо, — сказал Конан. — До наступления рассвета ты отведешь один отряд в то место, что находится. поблизости от дороги, по которой идут торманны, и пригодное для засады.

Прошло не больше часа, и другие ловчие также доложили Конану, что выследили тунгов — те шли несколько южнее. Если все пойдет как задумано, то завтра к полудню воины Альквины нанесут врагам первый удар.

Как было условлено, Конан возглавил отряды, выступавшие против тунгов, Леовигильд — отряды, готовившие нападение на торманнов. Конану совсем не нравилось такое разделение обязанностей, потому что Тотилу и его воинов он считал более опасным противником и предпочел бы сражаться с ним сам. Но Леовигильд не хотел воевать против собственного народа. Воины отрядов, шедшие в бой с Тотилой, потребовали, чтобы их возглавил отпрыск королевского рода, раз уж сильнейший из воинов, Конан, должен был повести за собой другие отряды. Многие воины рассчитывали при этом также показать в бою доблесть и преданность человеку, который, по всей вероятности, скоро станет их королем.

Зимнее солнце еще не поднялось над горизонтом, когда все уже были готовы к выступлению. Конан отвел в сторону Зиггайра, который должен был повсюду следовать за Леовигильдом и в случае необходимости мог взять на себя командование. Зиггайр должен был также дать сигнал к наступлению.

— Зиггайр, не давай Леовигильду возможности самому вступить в бой с Тотилой. Для

мальчика это верная смерть. Тотила слишком опытный воин для такого зеленого юнца.

Зиггайр ответил после недолгого молчания:

— Сделаю все, что в моих силах. Но как можно удержать молодого, горячего парня, если он ищет славы? Я уверен, что он хочет доказать Альквине, что он не только умен, но и отважен

Конан хлопнул приятеля по плечу.

— Сделай что сможешь. Дело предстоит опасное для всех нас — Затем Конан повернулся к воинам: — По коням! — и сам вскочил на своего низкорослого северного жеребца. Подъехав к Леовигильду, киммериец поднял руку: — Ну, ни пуха ни пера, принц!

Леовигильд как положено ответил на охотничье напутствие и добавил:

— Еще увидимся, Конан. Либо в доме Альквины, либо — у Имира.

Глухо застучали копыта, поднимая снежные вихри, и вскоре войско разделилось на два отряда. Один направился на запад, другой — на юг.

Конан, спешившись, стоял под деревом и держал коня в поводу. Все его воины также укрылись под деревьями, откуда, однако, могли видеть дорогу, бежавшую далеко внизу. Тунги продвигались вперед и уже миновали два из трех отрядов Конана. Киммериец со своим отрядом хотел атаковать голову колонны. Рука его сжимала рукоять меча.

Он долго искал в оружейной палате Альквины, пока не нашел, меч такой длины, чтобы годился для сражения верхом. Меч этот, очевидно, был изготовлен оружейниками Аквилонии. Может быть, подарок какого-нибудь князя — давние дела. Наверное, никто этим мечом не бился, ведь для боевого стиля камбров он не годился.

Теперь тунги были достаточно близко. Конан тихо скомандовал:

— По коням!

Воины убрали куски дерюги, которыми были укрыты морды коней, и схватились за копья. Лица у всех были полны решимости. Конан вынул из ножен меч и кивнул Хагбарду, который стоял к нему ближе всех. Воин поднес к губам охотничий рог и протрубил громкий и протяжный сигнал к атаке. С воинственным кличем камбры ринулись вниз по склону холма.

Шедшие по дороге в смятении уставились на мчавшийся к ним небольшой отряд конников. Не может быть! Таких атак не бывает! Почему они верхом? Чтобы сражаться, нужно спешиться! Почему они не произносят традиционных оскорбительных речей, почему не похваляются своей силой перед началом боя? Но людям Одоака размышлять обо всем этом было некогда — всадники уже теснили их.

Конан наклонился вперед и взмахнул мечом. Его противник не был готов принять такой удар и не успел прикрыться щитом. Меч разрубил его бронзовый шлем. Потоком хлынула кровь, воин как сноп повалился на землю. Конан оглянулся и увидел, что его воины бьются на славу, нанося удары копьями. Кое-кто не устоял все же перед искушением и бросил копье, хотя Конан строжайше это запретил. Теперь у них остались только короткие мечи.

Один из тунгов метнул в Конана копье. Конан отбил удар и глубоко разрубил плечо врага. Тот с проклятьем упал. И тут Конан увидел жаркую схватку, которая шла вокруг толстого седобородого человека в великолепных доспехах. Это же Одоак, а вокруг бьются его телохранители! Конан попытался пробить себе дорогу туда, но его конь, не привычный к сражениям, не слушался и не шел в эту свалку.

— Хагбард! — крикнул Конан. — Труби отход!

По сигналу Хагбарда большинство воинов Конана повернули назад и ускакали в лес.

Конан еще немного обождал — он хотел увидеть, многие ли послушались сигнала. Как он и опасался, несколько человек бились словно одержимые — настоящие берсерки! Все они потерпели поражение и были убиты.

Отряд собрался в лесу. Конан пересчитал воинов Они потеряли десятерых. Меньше, чем он предполагал. А с этого дня потерь у них будет еще меньше, потому что горячие головы и глупцы уже погибли.

— Прямо сейчас все повторим? — спросил его какой-то воин, у которого из-под шлема текла кровь.

— Нет, не сегодня, — ответил Конан. — Кони еще не привыкли. Сегодня мы подыщем хорошее место для лагеря, а завтра утром повторим атаку. Завтра совершим два или три нападения — сколько успеем до темноты.

В этот вечер воины сидели у костра и так радостно обсуждали атаку, как будто одержали великую победу, а не устроили незначительную стычку с врагом, в которой было убито и ранено не больше двадцати воинов противника Конан мрачно усмехнулся. Завтра вечером эти парни уже не будут так задорно похваляться своими подвигами. Они поймут, что партизанская война, которую они ведут, дело длительное, суровое и опасное, да к тому же и славы приносит мало.

— О чем ты задумался, Конан? — спросил Хагбард. — Разве мы плохо справились с задачей?

— Вовсе нет. Большинство сражалось лучше, чем я предполагал.

Хагбард улыбнулся:

— Тунги сбились в кучу, как овцы! Им против нас не устоять.

— Сегодня мы напали на них внезапно. Завтра внезапности уже не будет. И только вопрос времени — чтобы тунги поняли, как им сражаться против всадников, которые к тому же сидят верхом на непривычных к войне лошадях.

— Ты думаешь, они быстро поймут, что к чему? — спросил Хагбард, разом став серьезным.

Конан кивнул:

— Сегодня они наносили удары по всадникам, словно по пешим. Но скоро они сообразят, что гораздо легче сначала убить коня. Как только станет ясно, что тунги метят в коней, а не в конников, нужно будет уходить обратно в крепость.

Тотила проклинал неожиданный снегопад. Вчера дважды на его людей напали всадники, сегодня один раз. Над головой Тотилы низко пролетели две сороки и уселись на плечи Йильмы.

— Видели они что-нибудь? — недовольно спросил Тотила.

— Нет, мой повелитель, — отвечал Йильма. — Снег идет очень густо. — Он помедлил. — Я чувствую, что с этим снегом что-то неладно. Здесь не обошлось без колдовства. Этот снег — не обычного происхождения.

Тотила ненадолго задумался. Вчера обе атаки всадников произошли во время сильного снегопада. И сегодня то же самое.

— Все сюда! — крикнул он. — Строиться "черепахой", щитами наружу! На нас сейчас нападут!

Колонна воинов быстро перестроилась, образовав круг. Щиты воинов были обращены наружу. Все были озлоблены и готовы к сражению. Вчера и сегодня всадники вынырнули

откуда-то внезапно, как блуждающие лесные огни, и так же быстро скрылись. Воины Тотилы не успели излить на врагов всю свою ярость. Но теперь король приготовился достойно встретить проклятых всадников. Торманны ждали в молчании.

Леовигильд нервничал, стоя в ожидании на опушке леса. Он и воины его отряда слышали, как внизу шли враги, но не могли их увидеть. Об этом Леовигильд не подумал, когда одобрил предложение волшебника наслать снегопад. Снег, скрывший их от глаз сорок, мешал и им самим что-либо видеть. Леовигильд обратился к Рерину:

— Это никуда не годится. Мы имеем превосходство, только если видим врагов. Вероятно, снегопад — все-таки не очень хорошая оборона.

— Он был нашей единственной надеждой, — возразил Рерин. — И мы уже удачно совершили три атаки. — Он пристально вгляделся в снежные вихри. — Пора! Сейчас снег начнет редеть.

— Они остановились, — доложил Зиггайр, не отходивший от Леовигильда.

— Тотила не дурак, — принялся Леовигильд рассуждать вслух. — Три раза мы нанесли ему удар во время снежной бури. И теперь он уже ждет нападения — ведь снова идет снег. — И тут Леовигильд принял решение: — Зиггайр, скачи, приведи сюда два других отряда. Раз торманны остановились и больше нет колонны, бессмысленно нападать на них тремя маленькими отрядами. Вместо этого мы сосредоточим все силы для одного мощного удара.

— Этим ты нарушишь приказ Конана, — предостерег Рерин.

— Конан далеко, а я здесь, — сказал Леовигильд.

— Занимайся лучше своими колдовскими делами, Рерин, — поддержал его Зиггайр. — А воевать предоставь воинам. — И, быстро развернув коня, он поскакал прочь. Многочисленные вмятины и царапины на панцире Леовигильда свидетельствовали о его готовности броситься в самую гущу схватки. Камбрам только того и нужно было.

— Не тревожься, — с улыбкой успокоил Леовигильд старого мага. — Я уверен, что Конан принял бы точно такое решение, будь он здесь.

Снег еще не начал редеть, когда два других отряда присоединились к Леовигильду.

— Внизу нас ожидает столкновение с "черепахой", — объявил он. — Нам нельзя разделяться. Напротив, ударим все разом в одном месте и пробьем оборону. Не давайте втянуть себя в мелкие стычки или поединки. Помогайте друг другу. Мы должны пробить стены из щитов. Только так мы нанесем врагу ощутимый удар. Когда услышите сигнал рога, немедленно скачите назад в лес.

— Где мы ударим? — спросил Зиггайр.

— Там, где находится Тотила. Вы все его уже видели. Следуйте за мной. Как только я увижу Тотилу, я поскачу к нему. Если нам удастся убить Тотилу, победа нам обеспечена — так я думаю. Итак, вперед! На врага!

С дикими воплями всадники поскакали за Леовигильдом. И только Рерин остался в лесу и стоял, с тревогой глядя им вслед.

— Вот они! — воскликнул Тотила и злобно усмехнулся, вытаскивая из ножен меч. — Посмотрим, как они умеют биться с воинами, когда те хорошо подготовились! — Бойцы Тотилы радостно завопили.

Очутившись в пределах досягаемости копий врагов, нападающие резко повернули коней и помчались вдоль стены из щитов. Тотила знал, что они хотят увидеть его. Но он и не думал

прятаться. Его шлем и мантия были знамениты на всем Севере. Тотила с нетерпением ждал схватки, чтобы помериться силами с лучшим воином камбров.

Во главе всадников скакал красивый белокурый юноша, он еще в первых атаках обратил на себя внимание Тотилы своей храбростью. Несомненно, то был молодой Леовигильд, изгнанный Одоаком. Но Тотила высматривал среди врагов черноволосого воина. Именно его он считал достойным противником. Вместе с тем убить племянника и наследника Одоака тоже не помешало бы — так Тотила совершил бы ловкий политический маневр.

Леовигильд увидел Тотилу. Тот стоял среди своих воинов, но не прятался за их спины, не то что Одоак со своими телохранителями. При виде бесстрашного короля Леовигильд разом забыл о всех советах, которые получил от Конана, Рерина и Зиггайра. Подняв копье, он ринулся на Тотилу. Но прежде чем Леовигильд приблизился к стене из щитов, Тотила крикнул своим бойцам:

— Бейте по коням! Пешие они нам не страшны!

Леовигильд с силой метнул копье в человека с блестящим шлемом на голове, облаченного в плащ из человеческих скальпов. Но Тотила с легкостью отразил метившее в него острие. Если бы Леовигильд вспомнил в эту минуту один из мудрых советов Конана, то посторонился бы, уступив дорогу другим всадникам, и дал бы им также попытать счастья в бою с Тотилой. Но нет, он в ярости выхватил меч из ножен и нанес удар, стараясь попасть в блестящий шлем. Тотила без труда отразил удар щитом. Леовигильд соскочил с коня и теперь уже пешим атаковал Тотилу. Король с надменной улыбкой отбил атаку. А затем на безумного смельчака удары посыпались с такой яростной быстротой, что он едва успевал защищаться. О том же, чтобы нападать на Тотилу, не было и речи.

В отчаянии Леовигильд попытался все же ударить Тотилу по колену. Тот увернулся с неожиданной для такого рослого человека ловкостью. Промахнувшись, Леовигильд по инерции шагнул вперед и при этом чуть опустил свой щит. Первый удар Тотилы обрушился на шлем юноши, второй разрубил его бронзовый панцирь.

Тотила уже занес руку для последнего, смертельного удара, но тут камбры подоспели и оттеснили его копьями назад. Высокий воин-камбр, наклонившись, подхватил Леовигильда за загривок и вскинул на своего коня. Затем он поднес к губам рог и протрубил сигнал к отступлению. И всадники умчались, словно снежный вихрь.

Тотила снисходительно выслушал хвалебные речи своих воинов, видевших его поединок с Леовигильдом. Потом он спросил их о том, велики ли потери врагов. Не меньше дюжины — таков был ответ.

— Много ли потеряли мы?

— Около десяти человек, — ответил седовласый воин, перевязывавший себе раненое предплечье.

— Следовательно, это нападение ничего им не принесло, — торжествующим тоном сказал Тотила. — Итак, в ясную погоду птицы нашего Йильмы предупреждают нас об их приходе. В снегопад, когда от сорок нет толку, мы и без них знаем, что враги придут. Бояться нам нечего. Двинемся на крепость Альквины и поскорей покончим со всем этим.

Торманны с радостными криками последовали за своим королем.

Возвращаясь в крепость, Конан и его воины вечером остановились посреди леса и разбили лагерь, чтобы переночевать. Здесь их догнали другие отряды камбров. Об их приходе доложил ловчий. Киммериец поднялся со своего места у костра и ждал. Увидев, что у

Зиггайра перед седлом положено чье-то безжизненное тело, Конан сразу почуял недоброе. Он помог опустить юношу на землю. Опытный глаз Конана сразу приметил тяжелые раны головы и груди, — было очевидно, что Леовигильд получил их в пешем бою с каким-то воином, который значительно превосходил его ростом. Конан обернулся к Зиггайру и Рерину.

— Тотила? — спросил он.

Зиггайр кивнул. Потом он описал Конану весь бой. Рерин достал из своего мешка целебные травы и занялся ранами Леовигильда.

Когда Зиггайр закончил свой рассказ, Конан только головой покачал.

— Разом ударить всеми силами по их обороне — это был правильный ход, — сказал он. — Но спешиваться и вступать в бой, да еще с таким противником, как Тотила, — это редкая глупость.

— А как, по-твоему, следовало вести себя молодому человеку знатного рода, увидевшему Тотилу, такого гордого короля, во главе войска? Разве мог Леовигильд поступить по-другому? Честь обязывала его сражаться с Тотилой на равных, то есть спешившись.

Стоявшие вокруг камбры закивали головами в знак одобрения слов Зиггайра. Их король должен быть таким, чтобы и в военных походах, и в сражениях он всегда был первым. Если во имя чести Леовигильд готов рискнуть своей жизнью, то лучшего короля и быть не может. И камбры ни за что не отказались бы от такого правителя.

Конан усмехнулся, поглядев на их суровые лица:

— Камбры, норманны! Нет, вы же просто тупые дураки! Но и я тоже ваш, северянин. — Он опустил глаза на простертое тело Леовигильда: — Он будет вам хорошим королем… Если выживет.

— Раны опасны, но я сумею их вылечить, — сказал Рерин. — Надо отвезти его в крепость. В моей хижине я смогу сделать для его исцеления больше, чем здесь.

Конан распорядился, чтобы построили носилки, и подозвал к себе нескольких ловчих.

— Они быстрей доставят его в крепость лесной дорогой, чем лошади в упряжке, — сказал он Рерину. — Я и все остальные поскачем следом и позаботимся о вашей безопасности.

Зиггайр спросил.

— Как у тебя обошлось с Одоаком?

— Мы многих убили, — отвечал Конан. — Атаковали их пять раз, только потом они додумались построиться "черепахой" и попытались копьями дотянуться до наших коней. Одоак, к сожалению, спрятался за спины своих телохранителей. Не было никакой возможности убить его.

— Очень жаль, — сказал Зиггайр. — Но может быть, мы ослабили их настолько, что при осаде сумеем окончательно разбить.

Конан кивнул, но не сказал, что он обо всем этом думает.

Альквина увидела, что во двор крепости вносят носилки, на которых лежит раненый или убитый воин, и у нее едва не остановилось сердце. Теперь, когда все ушли на войну, она почти все время проводила на крепостной галерее в ожидании известий. Больше всего она боялась, что Конана или Леовигильда принесут в крепость убитыми. Если ее народ выживет, они оба ей нужны А сейчас она была уверена, что на носилках лежит один из них. Но кто? Чья смерть окажется для нее более тяжким ударом? Ответ на этот вопрос она не решилась себе дать. Альквина побежала вниз, к носилкам.

Она увидела бледное лицо Леовигильда, и из ее груди вырвался тяжкий вздох. Альквина почувствовала великое облегчение, однако не отдавала себе отчета, по какой причине — то ли потому, что на носилках лежал не Конан, то ли потому, что Леовигильд был еще жив.

— Мы должны отнести его в мою хижину, — сказал Рерин.

Альквина кликнула слуг, и Леовигильда понесли в жилище волшебника. Рерин меж тем, кряхтя, слезал с коня.

Промывая и перевязывая раны Леовигильда, Рерин одновременно рассказывал Альквине о сражениях камбров.

— Все прошло успешно, — сказал он в заключение, — но я не думаю, что мы ослабили их так сильно, как надеялся Конан.

— А теперь бедный Леовигильд не сможет сражаться, — сказала Альквина.

— Как воин он не многого стоит, — заметил Рерин. — Главное его достоинство — он вождь. И он это доказал. Если у кого-то еще были на этот счет какие-то сомнения, то теперь они полностью рассеялись. Ведь люди сами видели, как он сражался с торманнами и, главное, с Тотилой. Так что воины теперь будут и дальше сражаться так решительно, как будто Леовигильд по-прежнему ведет их в бой.

— Ты думаешь, он может быть хорошим королем?

— Выдающимся королем! — заверил ее Рерин.

Альквина кивнула:

— Тогда он должен стать королем.

Конан и его бойцы прискакали в крепость на закате дня. Усталые, они спешились во дворе и отдали коней слугам. Раненые направились в хижину Рерина, чтобы получить от него необходимую помощь. Альквина вышла из хижины и подошла к Конану.

— Сколько человек мы потеряли? — спросила она.

— Около двадцати. И столько же ранено, правда, не тяжело. Зато враг понес потери, наверное, втрое большие! Большинство наших потерь — это убитые и раненые во время первой атаки. Во второй раз люди уже знали, что и как делать. Но и враги тоже поняли, как нужно защищаться.

— Удача пока на нашей стороне?

— Может быть. Скоро мы это узнаем. Но в любом случае наше положение теперь куда лучше, чем несколько дней назад. Ну а что там с мальчонкой?

— Будь повежливее, когда говоришь о будущем короле камбров! Рерин считает, что он выкарабкается. Но, конечно, пройдет несколько недель, прежде чем он полностью окрепнет.

— Безумно рад слышать и то, что он будет жить, и то, что твой язык, как всегда, никому не дает спуска.

Альквина улыбнулась:

— Нехорошо допускать слишком доверительные отношения с подданными. То же самое относится и к черноволосому чужестранцу, которого давно уже так тянет в южные края, в жаркие страны, где сладкое вино. Пойдем, Конан. Леовигильд велел привести тебя к нему, как только ты появишься.

— Он, что ли, уже распоряжается всеми как настоящий король? — Конан сделал вид, будто недоволен. На самом деле он обрадовался известию, что юноша будет жить.

Они вошли в дом, где уже готовился великий пир в честь вернувшихся из похода воинов. Леовигильд лежал в отгороженной ковровой занавеской части общего зала. Ложем ему служили медвежьи и волчьи шкуры. На груди и голове Леовигильда белели повязки, лицо его

поражало бледностью. Однако, увидев Конана, он приветливо улыбнулся:

— Боюсь, я не слишком хорошо справился с моим первым заданием, Конан. Надеюсь, тебе повезло больше?

— Это же просто дикое идиотство — в одиночку броситься на Тотилу, — сказал Конан и тут же встретил негодующий взгляд королевы. — Но в остальном ты держался просто отлично. У твоих людей нет оснований жаловаться, ты командовал сражением прекрасно. Ну а теперь у тебя появится парочка шрамов всем на зависть.

— Как ты думаешь, воины будут меньше уважать меня за то, что я не смог победить Тотилу?

— Да пусть только попробует кто-нибудь сказать хоть слово! Да я его… — Это вмешалась вспыхнувшая от гнева Альквина.

— Нет, — перебил ее Конан. — Никто не может ожидать, чтобы молодой человек в своем первом поединке победил такого вояку, как Тотила. Ты молодец, Леовигильд. Главное — твой скальп не украсил пока что мантию Тотилы.

Вошел Рерин, чтобы проведать своего подопечного.

— Не утомляйте его, — сказал он. — Ему нужен покой.

Конан ухмыльнулся:

— Лекари везде одинаковы! Завтра поговорим подольше, Леовигильд. Скажу только, что в любом бою я взял бы тебя в напарники и доверил тебе защищать своим щитом мой правый бок. — Конан встал, чтобы уйти. Леовигильд остановил его:

— Конан, Тотилу должен убить ты. Ты — единственный человек на всем Севере, кто может рассчитывать на победу над ним. — Глаза Леовигильда расширились от ужаса. — Биться с ним — все равно что с каменной скалой.

Конан перестал улыбаться:

— Мой скальп ему тоже не достанется!

Вечером за пиршественным столом каждому представилась возможность похвалиться своими подвигами во время атак. Только Конан сидел молча и точильным камнем выравнивал зазубрины на своем мече. К нему подошел Рерин.

— Как дела, Рерин?

Старик сел на скамью рядом с киммерийцем и озабоченно покачал головой:

— Я в большой тревоге. Нам следует подготовиться к трем сражениям.

Конан поднял меч и придирчиво осмотрел лезвие:

— Почему к трем?

— Сражение армии — раз, битва королей — два и поединок магов — три. Чтобы выжить, мы должны победить трижды.

Конан повернул меч и осмотрел вторую его сторону:

— И ты думаешь, мы не сможем?

— Больше всего я боюсь поединка магов. Конечно, в своем деле я разбираюсь неплохо, как ты и сам мог убедиться. Но Йильма связан с такими силами, которые я еще никогда в жизни не отваживался вызвать. Когда-нибудь потом эти силы сами уничтожат Йильму. Но пока он еще не погублен плодами собственного честолюбия и, вероятно, повелевает силами, которые намного могущественнее всего того, что имеется в моем распоряжении.

Конан вложил меч в ножны и повесил на крюк в стене:

— Мне кажется, ничего нет хуже для войска, чем слишком пространные рассуждения о поражении перед началом боя. Потому что в этом случае ты, считай, уже разбит еще до того,

как вступил в бой. Если ты в мыслях уже проиграл сражение, то можно дальше и не рыпаться.

— Это, наверное, справедливо для воинов. Но я трезво оцениваю свои силы и силы Йильмы, ничего не преувеличивая и не преуменьшая. И превосходство, несомненно, на стороне Йильмы.

— Ну, на сегодня хватит. Завтра или послезавтра начнется сражение. Ты можешь за это время сделать что-нибудь, чтобы улучшилось наше положение?

Рерин улыбнулся:

— А ты не такой уж простоватый рубака, каким хочешь казаться.

Конан взял свою кружку и отхлебнул пива:

— Если идет война, я всегда предпочитаю биться с врагом один на один — меч у него, меч у меня. Колдовство совсем другое дело. Я-то его терпеть не могу. Ну а раз уж мне приходится его терпеть, то пусть у меня будут все преимущества и выгоды, которые оно может дать. Так что ты предлагаешь? Ты ведь пришел не для того, чтобы посудачить со мной о том о сем.

— Угадал. Как по-твоему, сможешь ты победить Тотилу?

Конан пожал плечами:

— До сих пор мне еще не встречался человек, который был бы лучше меня в бою. Но это ничего не значит. Тотила — прекрасный воин. Вот сразимся, тогда выяснится, кто лучше.

— Одоак не опасен, — сказал Рерин. — Как будут воевать тунги, зависит от того, кто первый убьет Одоака — Тотила или мы. Лишившись короля, тунги, скорей всего, присоединятся к тому, кто его убьет. Только Йильма — вот кто внушает мне опасения. Но у него сейчас с Тотилой плохие отношения.

— Ну да? — удивился Конан.

— Йильма много раз его подводил, несмотря на все свое могущество. Ледяные мертвецы, которых наслал на нас Йильма, потерпели поражение. Демоны-похитители, которых он вызвал, также не сумели привести к нему Альквину. И даже мои жалкие снежные бури смогли на время обезвредить его сорок. Йильма, я думаю, сейчас в отчаянии и всячески старается вернуть благорасположение Тотилы. Может быть, отчаяние обернется выгодной для нас слабостью колдуна.

— Продолжай! — Теперь Конан весь обратился в слух.

Старый маг и киммериец еще долго беседовали в тот вечер.

Глава тринадцатая
КРЫЛАТЫЕ ДЕМОНЫ

Один из углов общего зала отделили занавесками. Там разместился лазарет для тяжелораненых. С типичной для северян грубоватой невозмутимостью раненые подшучивали над своими увечьями, хотя многим из них было известно, что они не доживут и до весны. Леовигильд страдал ужасно, каждый вздох причинял ему невыносимую боль. Но тем не менее он считал, что ему повезло — ведь он был среди этих мужественных людей, настоящих воинов. И Леовигильд старался не показывать, как сильно страдает.

Он играл в кости с воином, который потерял в бою глаз и два пальца. Внезапно занавеска была отброшена, и к ним вошли Альквина, Рерин, Конан и несколько самых старших воинов.

— Надеюсь, тебе уже лучше, Леовигильд? — спросила Альквина.

— Редко бывало, чтобы я чувствовал себя так хорошо, — мужественно ответил Леовигильд, однако эти слова никого не обманули. — Я надеюсь, что скоро снова смогу воевать за твое дело, Альквина.

Она улыбнулась. Королева была необычайно хороша — даже слабое воспоминание о лесной красавице Аталии улетучилось из мыслей Леовигильда. Волшебные день и ночь, которые он провел с нею в таинственной долине, теперь казались ему сновидением, и оно уже поблекло, как всегда блекнут сны после пробуждения.

— Я призову тебя с твоим клинком не раньше, чем ты окончательно поправишься. Но у нас есть смелый план, мы придумали, как ослабить Тотилу. И потому я решила, что будет полезно, если ты примешь участие в его обсуждений.

— Столь высокая оценка моих советов делает мне честь, государыня, — сказал Леовигильд и, с улыбкой обратившись к Конану, добавил: — Готов поспорить, что этот высокий черноволосый парень — главный выдумщик. Ведь план, наверное, не просто смелый, а отчаянно смелый?

Конан с непринужденным видом поставил ногу на край ложа Леовигильда и наклонился к нему:

— Мы сыты по горло проделками этого проклятого колдуна Йильмы. Наш добрый Рерин говорит, что нашел способ сделать так, чтобы мы могли поразить Йильму.

— Великолепно, — сказал Леовигильд. — Но что может простой воин против колдуна, который заключил союз с черными силами?

— Рерин, объясни Леовигильду и этим воинам то, о чем говорил мне сегодня вечером, — потребовала Альквина.

Старик огладил седую бороду:

— Я насмотрелся колдовских злодеяний Йильмы, и с меня уже хватит. Его магия серьезно отличается от моей. Я прилагаю все усилия к тому, чтобы колдовство помогало добру, и использую для этого те силы, что обитают в растениях, камнях и животных. Я призываю богов и духов леса, поля и рек, чтобы они помогали моей стране и ее королеве. Эти боги и духи не враждебны людям, если те оказывают им надлежащее почтение. Благодаря волшебным заклинаниям я вызываю их и прошу помочь людям. Они ослабляют зимние холода, приумножают лесные богатства и улов рыбы. Они заботятся и о том, чтобы

стада наши тучнели и скот не болел. Другие добрые духи помогают мне отводить моровую язву и исцелять раны — вот как сейчас, когда моему попечению доверены раненые, вернувшиеся из славного военного похода. — Рерин окинул ласковым взглядом лежавших поодаль на соломенных тюфяках раненых. — Гиперборeец Йильма — маг совсем иного рода. — При этих словах лицо Рерина омрачилось, в глазах появилось тревожное выражение. — Он не хочет помогать людям в их борьбе против стихийных потрясений. Он жаждет лишь могущества для себя лично. Но поскольку его знания и искусство небеспредельны, а подчинить себе людей можно только силой оружия, то Йильма примкнул к королю торманнов. Тотила — выбившийся из низов бывший главарь шайки разбойников. Несомненно, он благодарен Йильме за то, что тот оказал ему поддержку, помог возвыситься. Для той власти, которой жаждет Йильма, малые боги и духи не могут быть полезными. И поэтому он много, очень много лет назад заключил страшный союз. Он вступил в сношения с великими силами не нашего, а иных миров. Тех миров, в которые мне до сих пор удавалось лишь мельком заглянуть в состоянии транса. Существа, обитающие в этих мирах, могут дать смертному человеку невиданное могущество, но цена его ужасна. Разум такого человека, более того, его душа претерпевают необратимые изменения. При заключении такого союза происходит обмен. Маг из нашего мира отдает часть самого себя — существенную часть своей души, и эта часть будет навеки проклята. Взамен волшебник приобретает одного или нескольких помощников — духов, которые значительно увеличивают его власть и силу, а кроме того, служат посредниками между магом и иными мирами.

— Сороки! — воскликнул Леовигильд.

— Именно так! Конечно же, это необычные сороки. Это демоны из другого мира. Но в нашем мире демоны не могут сохранять свой истинный вид, да они этого и не желают, потому что одной из их задач является шпионство, а значит, они не должны привлекать к себе внимание людей. Демоны очень любят принимать обличье птиц или летучих мышей, об этом мне известно из старинных преданий. Всем птицам они предпочитают тех, которые питаются падалью, то есть воронов, ворон и сорок. А кто же на них обращает внимание? Они летают по воздуху и докладывают своему господину обо всем, о чем ему угодно узнать. Орел или ястреб привлекает к себе внимание. Воробьи или зяблики неприметны, но они водятся не везде. Совы летают только по ночам, а днем их не видно. А падальщики водятся повсюду…

Конан прервал эти затянувшиеся разъяснения:

— Сегодня вечером я поохочусь на сорок!

— Если Йильма лишится помощи своих пособников, сила его значительно убавится, — заметил Рерин.

— Я считаю, что Конан должен взять с собой нескольких воинов, — заявила Альквина. — Такая охота — слишком опасное предприятие для одного человека.

— Нет! — отрезал киммериец. — Будь это сражение с людьми, тогда, конечно, чем больше у нас воинов — тем лучше. Но мне-то придется иметь дело с двумя сороками и одним колдуном. Тут численное превосходство ничего не значит. К тому же я нападу на них ночью, а никто, кроме меня, здесь не умеет воевать в ночной тьме.

— С ледяными мертвецами мы сражались ночью, — возразил Зиггайр. — Но тогда нам, правда, пришлось жечь огонь, чтобы видеть противника. Конечно, кто ж захочет сражаться ночью, когда не поймешь, где враг, а где друг, и никто не видит всей доблести воина?

— Кто? Пикты. — Конан засмеялся.

— Пикты? Что это за народ? — спросил Леовигильд.

— Это народ, который больше всего на свете любит воевать, а днем или ночью — им все равно. Но в ночном бою они непревзойденные воины. Есть и другие, афгулы например, это такой горный народ, они живут в Хималейских горах, или пигмеи южного Куша — тоже ночью в грязь лицом не ударят. Но пиктам просто нет равных. Я и против них воевал, и с ними заодно, — бывало, и жил среди них.

— И все равно, сражаться ночью недостойно настоящего воина, — презрительно заметил Зиггайр.

— Как бы там ни было, кто-то должен на это пойти, — сказала Альквина. — И только Конан имеет необходимые качества. Вдобавок он заслужил эту честь как сильнейший из моих воинов.

— Желаю успеха, Конан, — сказал Леовигильд. — Если кто-нибудь и в силах победить помощников Йильмы, так это — ты.

Серп восходящего месяца как раз поднялся над отрогами гор на востоке, когда Конан появился в галерее крепостной стены. Дозорные с удивлением уставились на него — вид у Конана был более чем необычный. Он был с головы до ног одет в черные волчьи шкуры. Лицо и руки Конан вымазал черной краской, изготовив ее из воска и сажи. Металлические накладки ножен и пояса он замаскировал кусочками черной материи, которые также служили для того, чтобы металлические украшения и застежки не звенели. Длинные, до плеч, черные как смоль волосы киммериец стянул кожаным ремешком.

— Пора, — сказал он.

— Да поможет тебе Имир, — сказал Рерин. Волшебник, Альквина и несколько воинов также поднялись на галерею.

— Мой бог — Кром, — серьезно ответил Конан. — Говорят, что они с Имиром не очень-то ладят. Да и я привык в бою полагаться прежде всего на себя и на свой меч.

— Ловчие доложили мне, что Тотила и его войско уже недалеко, — сказала Альквина с присущим ей трезвым взглядом на вещи. — Как ты и предсказывал, Рерин, они идут медленно. Ну, удачи тебе, киммериец! И будь осторожен. Помни: сейчас ты нанесешь удар Йильме, а настоящее сражение еще впереди. И ты будешь мне нужен, когда оно начнется.

— Об этом не беспокойся, Альквина, — сказал Конан. — Уж я не оставлю службу у тебя раньше времени. — Затем Конан вспрыгнул на наружную стену галереи, чуть помедлил и соскочил вниз. Он мог бы спуститься вниз по канату, который свешивался с одного из столбов, но не сделал этого. Возможно, Тотила выслал вперед разведчика, чтобы наблюдать за тем что происходит на подступах к крепости. На всякий случай Конан решил спрыгнуть со стены, противоположной той, где были ворота.

Он удачно приземлился, спружинив согнутыми в коленях ногами. При слабом свете луны заснеженная равнина поблескивала, как шитая серебром ткань. Вдали смутно вырисовывались громадные глыбы кольца Великих камней.

Как сообщили ловчие, войско Тотилы приближалось к крепости со стороны восточных гор. Туда-то и припустил Конан. Ему ничего не стоило хоть всю ночь вот так бежать. Не прошло и нескольких минут, а он был уже в лесу и передвигался вперед так же уверенно, как на равнине. В темноте Конан видел все ясно, зрение у него было как у совы.

Спустя четыре часа дыхание киммерийца оставалось таким же ровным, как в начале пути. Теперь он перешел на шаг — ведь Тотила был уже где-то недалеко. Да, вот уже и запах

дыма чувствуется, по нему Конан вышел к мерцающим в темноте огням лагерных костров.

Он сосчитал костры и благодаря этому установил приблизительную численность врагов. Войско оказалось более многочисленным, чем он предполагал. Тотила, несомненно, был человеком, наделенным большой властью и упорством, если сейчас, в середине зимы, ему удалось собрать в свой поход так много воинов.

Конан напряженно вглядывался в темноту. Где расположились военачальники? Где наиболее уязвимые места противника? Как он и ожидал, дозорных враги не выставили. Шайка разбойников, какой было и осталось войско Тотилы, считала подобные предосторожности проявлениями трусости и слабости. Конан крадучись прошел влево, потом вправо, затем обогнул лагерь с тыла, но так нигде и не обнаружил шатра. Очевидно, Тотила спит прямо на земле и укрывается, как и все воины, лишь своим плащом. Ну да, он подает всем пример. Надо об этом помнить.

Но в эту ночь Конан подстерегал не Тотилу. Ему был нужен колдун Йильма. Конан сел на землю, прислонившись спиной к стволу дерева, и закрыл глаза. Сторонний наблюдатель, глядя на него, решил бы, что киммериец заснул. Ничуть не бывало! Конан глубоко вдыхал все запахи и чутко прислушивался к каждому шороху. Всякий звук, всякое колебание воздуха он подмечал с наблюдательностью разведчика заморийской армии.

Шорохов почти не доносилось, зато в неподвижном воздухе пахло дымом, и прежде всего — дымом от костров, в которых горели смолистые сосновые ветви. Но к этому запаху примешивался и какой-то другой. Конан не мог определить — то ли это запах горящих трав, то ли коры. Именно этот запах он и рассчитывал учуять.

Киммериец поднялся и пошел по невидимому пахучему следу. Тот привел его к небольшой лощине рядом с лагерем. Теперь Конан услышал и новые звуки — потрескивание и хриплое карканье. На краю лощины рос густой кустарник. Конан ползком пробрался туда и спрятался.

Перед ним в лощине стоял шатер из шкур северного оленя. Возле шатра сидел человек, облаченный в такие же оленьи шкуры. Рога северного оленя украшали его головной убор. С тихим пением он проделывал замысловатые движения руками и при этом потряхивал гремушкой из сушеной тыквы. Перед сидящим горел маленький костер, а языки пламени играли множеством цветов, каких не встретишь в природе.

Но кто же каркает? Конан повернул голову. В нескольких шагах от костра сидели две сороки. Конан уже видел их раньше — в небе над крепостью Альквины. Но тогда они просто летали, как самые обыкновенные птицы. Сейчас же, когда Конан посмотрел на них, по спине у него пробежал ледяной озноб. Сороки стрекотали, каркали и издавали разные другие звуки, описать которые человеческим языком невозможно, — и все это в такт заунывному пению Йильмы! Они ритмично кивали головами, делали шажки влево и вправо, словно исполняли какой-то ритуальный танец. И двигались они при этом до того четко и слаженно, что казалось, будто они повинуются чьей-то единой воле.

Какое же адское колдовство творит здесь этот гиперборейский колдун? Наверное, он хочет с помощью своего черного искусства прибавить сил Тотиле и навредить Альквине. А может быть, затеял что-то против него, против Конана. Киммериец чуть было не вскочил на ноги, чтобы броситься на колдуна и разом покончить с ним. Однако Рерин предостерег его — подобное было бы глупостью. Рерин сказал, что Йильма не простой маг, он заключил союз с темными силами и наверняка придумал разные способы защиты на случай нападения. Такой колдун, как Йильма, защищает себя от тех демонов, которых сам же

использует. Значит, тем более он предусмотрел средства защиты от смертных, если им вздумается на него напасть.

От Рерина Конан узнал также, что легче всего одолеть волшебника именно в тот момент, когда он поглощен своими колдовскими действиями и полностью сосредоточен на волшебных заклинаниях. А еще волшебники, как и все люди, беспомощны, когда спят. Но это еще не значит, что во сне у них нет защиты. Размышлениям Конана положило конец появление призрака — его слабая тень вдруг возникла над пламенем костра. Что же это такое?

Йильма все так же пел, сороки приплясывали и каркали, а призрак постепенно сделался как бы более плотным, однако оставался при этом, видимо, невесомым: он висел в воздухе над разноцветными языками пламени. Лица призрака разглядеть не удавалось, но волосы у него были длинные, белокурые. Совсем как у Леовигильда, — подумал Конан. Уж не шпионит ли колдун за юношей? Нет, не похоже — у призрака не было перевязанных ран на голове и груди, он был в одежде охотника.

Внезапно Йильма резко оборвал пение и взмахнул рукой. Призрак потускнел, поблекли и разноцветные языки пламени. Вскоре огонь стал обыкновенным, красно-желтым, и тут Йильма что-то сказал своим птицам. Языка этого Конан не знал, однако было очевидно, что Йильма чем-то чрезвычайно доволен. Конан подумал, что маг, должно быть, только что опробовал какое-то колдовство, которое намеревается применить в скором будущем, вот и радуется успеху. Сороки в ответ на слова колдуна закивали головами, словно в знак согласия.

И тут Конан содрогнулся от ужаса — одна из сорок повернула голову и уставилась прямо на него. Глаза птицы горели жарче пламени костра. Вторая птица тоже пристально смотрела на Конана, и Йильма тоже обернулся в его сторону. Быть может, ни темнота, ни густой кустарник не являются препятствием для их взгляда?

— Кто посмел подсматривать за мной, когда я произвожу магические действия? — произнес колдун злобным, свистящим шепотом.

Конан тут же вскочил и вышел из своего укрытия. Выхватив меч из ножен, он кинулся к Йильме, но тот мгновенно произвел несколько пассов, — видно, для защиты.

Да только Конан метил вовсе не в гиперборейского мага. Его клинок, блеснув в свете костра, обрушился на одну из сорок. Конан не сомневался, что после такого удара от птицы останется лишь жалкая кучка окровавленных перьев. К ужасу киммерийца, меч ударился по чему-то настолько твердому, что удар болью отозвался в его руке и плече. Как будто он изо всей силы поразил гигантское чудовище, покрытое броней.

Не теряя времени, Конан замахнулся снова, чтобы нанести удар по второй сороке. Но эта птица отскочила, и вдруг облик ее стал на глазах изменяться. Киммериец оторопел: крылья делались все больше и больше, вместо перьев появилась блестящая чешуя. И ноги стали длиннее, они были похожи теперь на ноги человека, но на скрюченных пальцах вдруг выросли острые бронзовые когти.

И тогда Конан понял, что теперь демон предстал перед ним в своем истинном обличье. Жуткое соединение человека, птицы и рептилии, ростом — на целую голову выше Конана. Из разинутой пасти с жуткими клыками высунулось черное раздвоенное жало. Лишь горящие ненавистью глаза были все те же. От их взгляда Конан оцепенел, а крылья с загнутыми когтями по краям уже опускались на него.

Заметив грозное движение крыльев, Конан преодолел оцепенение. Он перешел в атаку — бросился вперед, между крыльев, и ударил мечом в левый плечевой сустав птицы-демона.

Рерин говорил, что эти твари все-таки подчиняются некоторым законам природы, существующим в мире людей, — иначе они не могли бы жить в его условиях. А это значит, что всякого демона можно ранить и убить. Меч глубоко вошел в тело птицы. На Конана брызнула отвратительная зловонная жидкость. Он выдернул меч и молниеносно ударил по правому плечу птицы. И тут жестокий удар обрушился на его голову. Конан пошатнулся и шагнул назад, все еще не понимая, что это было. И тут он увидел, что черное жало обагрено кровью.

Жало хлестало по воздуху, словно плеть, демон вдруг издал страшный, оглушительный вой — это отвалились оба отрубленных Конаном крыла. В это время Йильма снова принялся распевать колдовские заклинания. И вдруг раненый демон бросился вперед, вытянув когтистые лапы, как коршун на добычу. Конан вонзил меч в брюхо чудовища. Когтистые лапы обхватили его поперек груди и, повалив, прижали к земле. Он чувствовал, как все глубже вонзаются в него острые когти, и отчаянно пытался высвободить меч, который застрял во внутренностях птицы.

А та наклонилась над ним, разинув зубастую пасть. Жало снова высунулось. Что-то ударило Конана по плечу. Послышалось шипение, запахло паленой шерстью. Жало скрылось в пасти и тут же снова показалось. Теперь оно было прямо против лица Конана. Он увидел между двумя концами жала маленькое круглое отверстие с крохотными острыми зубами, из которого сочилась зловонная жидкость. Конана спас только густой волчий мех его куртки. Но если этот яд попадет на его лицо, все будет кончено.

С последним усилием он рванул на себя меч. Наконец-то! Но что толку от меча — плечи Конана были стиснуты как в тисках, о том, чтобы размахнуться, нечего было и думать. Жало приблизилось — и тут Конан ткнул мечом в зубастый рот. Чудовище инстинктивно куснуло меч — острый клинок отсек смертоносное жало. Отвратительный орган упал на землю и забился в конвульсиях.

Хватка когтистых лап ослабла, демон издал предсмертный крик. Конан быстро отбежал в сторону. То, что осталось от птицы, все еще извивалось и билось в судорогах. Из его пасти хлестала гнойная жидкость. Постепенно демон терял свою форму, превращался в серую слизь, и вот земля жадно впитала всю ее до капли.

В этот момент Конана настиг жестокий удар сзади. Он не упал, а, покатившись по земле, быстро вскочил на ноги и, держа меч наготове, повернулся в ту сторону, откуда последовал удар.

Вторая птица! Он совсем позабыл о втором демоне, пока отчаянно бился с первым. Вторая птица была им серьезно ранена, и потому превращение ее в демона не вполне удалось. В ее правом боку зияла кровоточащая рана, на правом крыле осталось сорочье оперенье. Однако раненое чудовище с громким шипением наступало на Конана.

Конан еще чувствовал страшную слабость после схватки с первым крылатым демоном, ему совсем не хотелось снова сражаться с чудовищем, у которого были такие же опасные лапы с острыми когтями и смертоносное жало. Он отступил. Йильма по-прежнему сидел у костра и распевал свои колдовские песни. Наставив на демона острие своего меча и осторожно пятясь, Конан рискнул бросить взгляд через плечо на колдуна, который был от него в нескольких шагах. Йильма сидел с закрытыми глазами и казался всецело сосредоточенным на своем черном колдовстве.

Конан, пятясь, сделал еще два или три шага по направлению к Йильме. А затем внезапно развернулся на месте и со всей силы ударил мечом. Увы! Он недостаточно точно

рассчитал отделявшее его от колдуна расстояние. С размаху Конан сделал полный оборот вокруг своей оси и теперь снова очутился лицом к крылатому демону.

Но при этом он кондом меча задел колдуна и оцарапал ему щеку. Йильма очнулся и начал выходить из состояния транса. Заунывное пение становилось все тише, глаза колдуна раскрылись. Йильма коснулся рукой своей оцарапанной щеки.

По мере того как постепенно стихало волшебное песнопение, убывали и силы крылатого демона. Он пошатнулся и осел на землю. Только это и было нужно Конану. Он ринулся вперед и стал кромсать чудовище быстрыми мощными ударами, которым демон уже не мог противостоять. Он даже не пытался уклониться от меча, но вдруг напоследок все же бросился на Конана. И тот последним ударом разрубил хребет крылатого демона. Останки чудовища превратились в серую слизистую массу и растеклись по земле.

Теперь киммериец снова повернулся к Йильме. После невероятных усилий и страшного напряжения — такой ценой далась ему победа в двух поединках — Конан тяжело дышал, его грудь вздымалась, как кузнечные мехи. Здорово было бы, если бы он одолел теперь еще и колдуна-гиперборея. Тогда дело можно было бы считать законченным. Потеряв своих птиц, Йильма лишился двух могучих защитников. Однако колдуна нигде не было видно. Конан огляделся по сторонам в поисках свежих следов на снегу. Следов не было. Бормоча проклятия, Конан вытер снегом лезвие меча и вложил его в ножны.

Затем он тронулся в обратный путь — ему хотелось вернуться в крепость камбров еще до рассвета. Что ни говори, колдун теперь потерял значительную часть своей силы. У него больше нет зорких глаз. Рерин говорил, что обзавестись новыми помощниками Йильме будет непросто — придется отправиться в далекое путешествие, найти особое заколдованное место и там заниматься долгими и нудными колдовскими фокусами. Но прежде чем это случится, его настигнут копья и мечи людей.

Глава четырнадцатая
ВСТРЕЧА КОРОЛЕЙ

Тотила приподнялся в седле и, обернувшись назад, окинул взглядом длинную колонну своих воинов, которая растянулась по лесной дороге. Люди были веселы, потому что эти злобные оводы, эти всадники, со вчерашнего дня, кажется, оставили их в покое. Король предполагал, что не увидит их до тех самых пор, когда его войско подойдет к воротам крепости Альквины. Камбры хотели нанести ему урон в живой силе своей тактикой и сразу же отказались от нее, как только торманны в ответ использовали удачный способ обороны. Но где могли камбры научиться новому приему военного искусства? Тотила догадывался, что здесь не обошлось без черноволосого предводителя воинов Альквины. Чем больше Тотила узнавал об этом человеке, тем сильнее разгоралось в нем желание сразиться с киммерийцем в поединке.

Рядом с королем скакал на лошади Йильма.

— Мои птицы донесли мне, что камбры забились в крепость под защиту каменных стен, как трусливые овцы в загон, — сказал он.

Тотила мрачно покосился на колдуна:

— Твои проклятые птицы! До сих пор от них было мало толку.

Йильма пожал плечами и постарался скрыть свою неуверенность.

— Маленькая неувязка, — сказал он. — Да и кто бы мог подумать, что такой жалкий маг, как Рерин, вдруг выдумает такую ловкую штуку? Но важно другое: птицы донесли мне об одной вещи, которая наверняка тебя заинтересует.

— Так говори же! — нетерпеливо крикнул Тотила.

— Примерно в одной миле впереди эта дорога пересекается с другой, идущей с юга. По ней движется король Одоак со своим войском. Быть может, мы нечаянно встретимся с ним на перекрестке дорог…

Тотила довольно улыбнулся:

— Вот как? Король тунгов? Что ж, самое время потолковать обо всем с этим жирным боровом!

— Мне кажется, что именно сейчас союз с королем…

— Рассуждай-ка лучше о своей магии, — перебил колдуна Тотила. — А государственные дела предоставь мне решать. — После этого оба довольно долго ехали молча.

Когда солнце поднялось уже высоко, Тотила внимательно оглядел безоблачное небо:

— Где же твои сороки, колдун? Сегодня я ни разу их не видел.

— Я… Я отослал их с важным заданием, государь. Я задумал одну военную хитрость, которая будет весьма полезна тебе при взятии крепости Альквины. — Йильма не осмелился признаться королю в том, что потерпел ночью тяжкое поражение. Тотиле следовало считать, что его маг силен и могуч, как и прежде. Про себя Йильма благодарил своих темных богов за то, что он успел закончить создание призрака с белокурыми волосами, прежде чем погибли два его крылатых помощника.

— Это как-то связано с диким шумом, который слышался ночью со стороны твоего шатра? — спросил Тотила. — Сегодня утром мне многие жаловались и говорили, что там

раздавались какие-то ужасные звуки, как будто шла битва между гигантскими змеями, кабанами и орлами.

— Твоих воинов мое искусство вообще не касается! И не имеет значения, большой был при этом шум или нет.

На перекресток лесных дорог торманны прибыли первыми. Тотила разрешил воинам отдохнуть, но предупредил их, что следует ждать "гостей". Всем воинам было приказано держать оружие наготове. Прошло не более часа, и на южной дороге показалась колонна тунгов.

При виде войска, стоявшего на пересечении дорог, у Одоака затряслись поджилки. Засада камбров? Но нет, эти люди даже не старались спрятаться. И тут Одоак увидел рослого воина в плаще из человеческих скальпов и в шлеме, увенчанном изображением орла. Он струсил еще больше. Он-то надеялся, что лишившиеся верховной власти камбры станут его легкой добычей. А Тотила и его торманны, все в полной боевой готовности, — это не предвещало ничего доброго. Однако выбора не было — оставалось лишь сделать хорошую мину при плохой игре, ведь Одоак и его войско должны были проследовать мимо войска Тотилы.

— Похоже, что не мы одни вышли в поход на камбров, — сказал Одоак. Холодный пот струйками стекал у него из-под шлема, однако толстяк сумел произнести эти слова достаточно твердым голосом. Его воины со свирепой радостью схватились за оружие.

Когда тунги приблизились, Тотила вышел им навстречу. Его воины остались сидеть поодаль от дороги. Это немного успокоило Одоака. Однако он тут же вновь осознал всю свою слабость и преклонный возраст, когда исполин Тотила подошел к нему и, пожимая, едва не раздавил его руку.

— Приветствую тебя, Одоак, мой королевский собрат! Мы очень редко видимся. — С этими словами Тотила одной рукой обнял Одоака за плечи и окинул горделивым взглядом всех стоящих вокруг — они должны были видеть, как он силен и молод, не то что одряхлевший король тунгов.

— Приветствую тебя, Тотила, — ответил Одоак, намеренно избегая королевского титула. — Верно ли мое предположение, что и ты, и я вышли в поход для выполнения одной и той же миссии?

— Это вполне возможно Давай отойдем куда-нибудь в сторонку и обсудим все с глазу на глаз, как подобает королям

Одоак всегда чрезвычайно неохотно покидал своих телохранителей, но он не решился возразить Тотиле, чтобы ничем не выдавать своего страха

— Отдохните пока здесь, — сказал он воинам, стараясь сохранить беззаботный вид — Нам с Тотилой нужно посовещаться о важных делах.

И два короля отошли от дороги и поднялись на небольшой холмик. Тотила заговорил первым.

— Мой маг сказал мне, что Альквина, исчезнувшая при столь необычных обстоятельствах, теперь вернулась.

— Я очень этому рад. — Одоак был поражен известием. — Значит, теперь я смогу спросить ее, почему она до сих пор не дала ответа на мое предложение.

— Я тоже собирался задать ей этот вопрос. Может быть, ты, кроме того, хочешь проучить этого бродягу, твоего племянника?

Одоака охватила ярость, но он сдержался и не выдал себя Ведь проклятому Тотиле

помогает волшебник Йильма. И почему гиперборейский маг не встал на сторону настоящего короля, такого, как он, Одоак, а вместо этого примкнул к выскочке, бывшему разбойнику?

— Правильно! Мальчишка глубоко разочаровал меня. Я воспитал его как собственного сына, ради памяти моего любимого брата. А он, паршивый щенок, нагло посягает теперь на мой трон. — Одоак вымученно улыбнулся: — Будь доволен тем, что ни разу не был женат и не имеешь наследников.

— Скоро это положение изменится. Я его исправлю. Ведь, в конце концов, это просто позор, что женщина королевского рода, Альквина, до сих пор не замужем, в то время как и наши, и ее королевства не имеют наследников. Но если бы мы с тобой стали воевать друг против друга — кому от этого выгода? Только камбрам! Кто бы из нас ни победил, он выйдет из войны настолько ослабленным, что не сможет сражаться с камбрами.

— Союз против камбров? В этом есть смысл. — Одоак кивнул. Он давно уже надеялся, что Тотила предложит ему союз. — Остается решить лишь вопрос о наших личных целях. Союз наш будет не слишком плодотворным, если потом мы начнем воевать за обладание Альквиной, ее землями и ее народом.

— Ну, это определенно можно будет уладить, — поспешил заверить его Тотила. — Да мы и должны обо всем договориться, прежде чем двинемся дальше. Насчет земель и народа договориться проще простого. Разделим все ее владения пополам по реке Гернах, которая протекает как раз посредине ее королевства. Север отойдет ко мне, юг достанется тебе.

Одоак на минуту задумался, потом сказал:

— Я согласен. Но как же быть с Альквиной? Нам обоим нужна супруга, но ведь женщину не разделишь на две части, как земли.

— Я представляю себе это дело следующим образом. — Тотила улыбнулся с наигранным простодушием. — Ты поставил перед собой две цели. Первая — получить Альквину. Вторая — одновременно избавиться от Леовигильда. Твоим людям, однако, вряд ли понравится, если ты убьешь мальчишку собственными руками. Хотя это, конечно, не составило бы тебе труда. Ни минуты не сомневаюсь.

— Разумеется, мне ничего не стоит убить этого молокососа, — хвастливо заявил Одоак. — Но ты прав и в другом. С политической точки зрения убить Леовигильда своими руками было бы ошибкой. Кое-кто может ославить меня как убийцу принца, даже если я убью его ради необходимой обороны.

— Зато я могу убить его и остаться безнаказанным, — сказал Тотила, не упомянув о том, что уже убил юношу, — он был в этом почти абсолютно уверен. — Предлагаю сделку: за убийство Леовигильда ты уступаешь мне Альквину. Честная сделка — или ты считаешь иначе? Ведь к тому же в приданое ей достанется только половина ее земель.

Одоак принялся разглаживать бороду, сделав вид, будто погрузился в глубокое раздумье. Затем он сказал:

— Но ведь наследник-то мне все равно нужен.

Тут Тотила потерял терпение:

— Послушай, да пошевели же ты мозгами наконец! Сколько угодно на свете знатных дам с дочерьми на выданье! Любая из них уж наверное не откажется стать тещей короля! А не хочешь — так найди какого-нибудь дурня из крестьян и объяви, что он — сын твоего брата, некогда пропавший без вести племянник. Ты же все равно не дашь ему дожить до совершеннолетия. Но зато обеспечишь себе лет пятнадцать спокойной жизни без чьих-либо посягательств на твой престол.

— Все, что ты говоришь, очень мудро, брат мой. — Одоак испугался. — Давай условимся вот о чем. Сейчас мы объединим наши войска и пойдем войной на камбров. После сражения ты получишь Альквину, при условии, что убьешь Леовигильда. Ты получишь и половину ее королевства. Мне отходит южная часть земель. Так. И затем мы расстаемся как добрые друзья, каждый со своим войском возвращается к себе домой.

Тотила протянул руку, и они скрепили договор рукопожатием. Ни тот ни другой не имел даже мысли о том, чтобы выполнить это соглашение. Обняв друг друга за плечи и улыбаясь, короли спустились с пригорка и пошли к своим войскам.

— Неужели Одоак так глуп? — недоверчиво спросил Йильма.

Король и его маг сидели в небольшом шатре из промасленных оленьих шкур. Войско находилось в пяти-шести часах пешего перехода от крепости Альквины. Была ночь, воины отдыхали — завтра предстояли тяжкие испытания. Йильма развел в шатре маленький костер. Дыма от него не было, но языки пламени отбрасывали на лица Йильмы и Тотилы зловещие тени. Король и колдун совещались.

— Конечно, Одоак глупец, но все же не настолько! Он просто запуганный старик, его лучшие дни давно миновали, ему осталось всего-то несколько жалких лет, и он, понятно, не хочет напоследок лишиться своего королевства. Сейчас он не знает, кого ему надо бояться больше — меня или Леовигильда. Ясно, что союз, который я ему навязал, его не устраивает. Но выбора-то у него нет.

— И ты дашь ему спокойно убраться домой, когда сражение будет позади?

— Это зависит от того, как все сложится. Если он потеряет многих бойцов, а наши потери будут небольшими, то я, может быть, сразу же с ним расквитаюсь. Если не получится — придется подождать год или два. Конечно, мы в любую минуту можем разбить его войско, но зачем нам еще одно сражение и дополнительные потери? Все можно сделать гораздо изящнее. У меня великие планы. Вывести из игры мелких соперников здесь, на Севере, — лишь малая часть моих замыслов. Я должен поберечь свои силы, потому что намерен завоевать Юг.

— Как ты упомянул, государь, дело может быть значительно упрощено, если убить Одоака в завтрашнем сражении. Я правильно тебя понял? — спросил Йильма.

Тотила задумался, прежде чем ответить:

— Пожалуй, да. Если Одоака убьют камбры. Если я сам его убью, его воины за мной не пойдут.

— А что, если бы его убил Леовигильд?

— Что? — Тотила изумился. — Леовигильд? Да ведь я прикончил мальчишку. Вряд ли он выжил, получив такие ранения.

— Но тунгам-то об этом ничего не известно! Я могу пустить в дело призрак, который как две капли воды похож на Леовигильда. И тогда пусть тунги увидят, как Леовигильд убивает Одоака. А потом ты можешь убить призрака, причем умирать он будет вполне правдоподобно, будто настоящий человек.

Тотила ухмыльнулся:

— Ты в самом деле можешь это сделать? В таком случае тунги почтут за честь присоединиться к моему войску. Ведь я буду мстителем за смерть их короля.

— Именно!

От удовольствия Тотила даже привстал и хлопнул себя руками по коленям:

— Так и поступим! Ха-ха! Никогда еще я не убивал кого-то дважды, но с радостью это

сделаю.

Одоак сидел со своими воинскими начальниками у походного костра и хмуро смотрел на огонь. Его войско до этого дня так и рвалось в бой с камбрами. Появление Тотилы заметно понизило боевой дух тунгов. К королю обратился старый седой воин:

— Мы пришли сюда, чтобы завоевать земли Альквины. Но нам это не удастся, поскольку здесь находится войско Тотилы. По моему мнению, нам следует вернуться домой и выждать более подходящий момент.

Многие поддержали воина. Но были и противоположные мнения:

— Нет! Вы что, хотите, чтобы о нас говорили, что тунги вышли в поход и вернулись из него как побитые псы? Да еще не побывав ни в одном сражении! Лучше умереть, чем покрыть себя таким позором! — Эти слова были встречены криками одобрения.

— Правильно! Так должны рассуждать настоящие воины! — воскликнул Одоак. Что бы ни ждало впереди, Одоак не желал отступать. Нельзя было допустить, чтобы его воины долгую зиму предавались мыслям о пережитом позоре, ответственность за который должен нести король.

— Если сейчас мы захватим половину этих земель — на что они нам? Сейчас мы не можем воевать одновременно и с камбрами, и с торманнами. Не беда — лето не за горами. В будущем году все, может быть, сложится совсем по-другому. Вот тогда мы прежде всего завоюем вторую половину земель камбров. Потом двинемся на запад и разобьем Тотилу. Вот почему сейчас мы должны заключить с ним военный союз. После победы над камбрами мы будем свободны от всяких обязательств перед Тотилой.

Эта речь убедила почти всех воинов. Пусть план был несовершенен, он давал возможность сразиться с камбрами и вернуться домой со славой. Никому не улыбалось возвращение к женщинам и старикам, при том что мечи и копья остались не обагренными кровью врагов.

Одоак приветливо кивнул своим воинам, не подавая вида, что чувствует облегчение. Он хотел лишь одного — захватить небольшой кусок земли, сохранить свой престиж полководца и увидеть у своих ног труп Леовигильда. Быть может, его мечты сбудутся уже завтра.

— Вот они, — сказал Конан.

Он стоял рядом с Альквиной на крепостной галерее. Все, кто был способен воевать, поднялись на галерею и теснились к деревянному частоколу. Кому не посчастливилось вовремя занять место наверху, стояли во дворе. На галерее были сложены груды камней — от небольших, с кулак величиной, до скальных обломков диаметром около фута. Здесь стояли наскоро изготовленные копья. Камбрам приемы обороны крепости были неизвестны, но Конан убедил их, что только такая оборона дает им шанс выстоять, — враги значительно превосходили их своей численностью. Камбры уже усвоили, что в подобных ситуациях надо полагаться на опыт киммерийца.

— Их действительно очень много, — сказала Альквина. Ей стоило огромного труда подавить дрожь в голосе и произнести эти слова спокойно.

Из леса, который начинался сразу за Большими камнями, нескончаемым потоком текла на равнину колонна воинов. Бронзовые шлемы и панцири сверкали на солнце. Видны были только головы и плечи — все остальное было скрыто за большими круглыми щитами. Теперь войско двигалось двумя одинаково многочисленными, но явно самостоятельными колоннами.

— Я предположил бы, что это союзники, — сказал Зиггайр с усмешкой, — но не больно-то торманны и тунги любят друг друга.

Вдруг стало слышно, что в лесу валят деревья.

— Взялись за работу. Они строят лестницы, по которым будут карабкаться на стену, — пояснил Конан.

— Они смогут сюда подняться? — испуганно спросила Альквина.

— Если предоставить им достаточно времени — конечно. Твоя крепость ведь не стоит на отвесной скале. Опытная армия смогла бы взять ее довольно быстро. Но эти люди если и лазили на стены, то лишь для того, чтобы украсть у соседа курицу, так что, я думаю, для штурма им понадобится день или даже два.

— А нам этого времени хватит?

— Если все пойдет хорошо, то хватит. Там, на равнине, ты видишь множество воинов, но по-настоящему опасны из них лишь двое — Йильма и Тотила. Тотилой займусь я. А Рерин сказал, что справится с Йильмой.

— Я молю Имира, чтобы все было так, как ты говоришь. — Альквина плотнее запахнула меховую шубу — но знобило ее не от холода.

Примерно через час враг подступил к стенам крепости. Конан приказал всем, кроме воинов, покинуть крепостную галерею. Осадных машин у нападающих не было, поэтому во дворе жителям крепости не угрожала непосредственная опасность. Может случиться, что залетит копье. Но, по мнению Конана, если человек не способен увернуться от летящего копья, значит, он заслуживает быть пронзенным этим копьем.

— Всем приготовиться! — крикнул киммериец. — Не бросайте камни, пока не будете уверены, что попадете. Никакой спешки! Когда они будут прямо под стеной, тогда бросайте — не промахнетесь.

Глаза стоящих вокруг Конана воинов горели, всем не терпелось вступить в бой. Когда Конан командовал войсками в южных армиях, он с великим трудом заставлял людей воевать — их приходилось просто гнать на врага. Здесь же он должен был следить в оба за своими подчиненными, не то они побежали бы во двор, распахнули ворота и, обнажив мечи, бросились на врага. Биться честно, один на один, — вот какие битвы по нраву северянам.

Враги с криками бросились к стене. Многие тащили длинные лестницы. По тому, как были сооружены лестницы, Конан понял, что эти воины еще никогда не штурмовали крепостные стены. Но этой науке они быстро обучатся — так же быстро, как научились они сражаться со всадниками. Конан внимательно оглядел беспорядочно шедшую на штурм толпу. Кое-где он заметил длинные пики, вроде того копья, которое он использовал, сражаясь с Охотником в мире призраков. Конан обрадовался, обнаружив, что таких пик было немного. С их помощью враги могли бы сбрасывать защитников крепости со стены, которая была не слишком высока. А сбросив нескольких, они открыли бы своим путь на стену. Если же хоть кто-то из врагов сумеет удержаться на галерее, то и все остальные, как муравьи, заберутся наверх по лестницам. Дальнейшая оборона — гибельное дело, штурм можно будет считать законченным. И врагам останется перебить последних защитников крепости

Наступающие достигли подножия стены. И тут в них полетели камни и копья. Прикрывая головы щитами, враги закричали, призывая камбров спуститься вниз и начать сражение по правилам — как это подобает настоящим мужчинам. Ответом был новый град камней. Наступающие стали неуклюже прилаживать лестницы. Поначалу защитники с легкостью сталкивали лестницы со стены. Но враги действовали все более решительно, и

вскоре головы самых отчаянных уже показались над частоколом.

Прямо перед Конаном над частоколом вырос вдруг край щита и верхушка шлема. Первый удар киммерийца пришелся по щиту, вторым он разрубил шлем. Падая, воин увлек за собой того, кто поднимался за ним по лестнице. Конан перегнулся через частокол, чтобы столкнуть лестницу, но она — то ли случайно, то ли специально — была поставлена именно так, как полагалось. Верхний конец лестницы упирался в стену значительно ниже ее края. Чтобы ее столкнуть, нужно было сильно перегнуться через стену. В Конана полетели копья, и он был вынужден отойти назад.

Следующий воин взобрался на лестницу. Щита у него не было. Но секирой он размахивал с такой быстротой, что киммериец не без труда отражал удары. Выждав, когда противник широко размахнулся, чтобы ударить посильнее, он прыгнул вперед и с силой ткнул воина в лицо бронзовым острием, которое находилось в центре его щита. Затем он нанес ему удар мечом в правый бок. Хрустнули ребра под бронзовым панцирем. Воин с диким воплем повалился вниз со стены. Конан схватил длинное копье и, использовав его как рычаг с упором на брус частокола, оттолкнул лестницу. Это удалось, хотя на лестнице висели трое воинов, — не подвела исполинская сила Конана.

И в других местах на стене защитники крепости успешно оборонялись. Нападающие пытались достать их длинными копьями, но это им не удавалось, потому что снизу метнуть копье намного труднее, чем со стены. Через некоторое время послышался сигнал трубы.

Конан поглядел в ту сторону, откуда доносился сигнал, и увидел, что на одном из холмов стоят три человека. Один — маленький и толстый, с седой бородой. Второй — в оленьих шкурах и с оленьими рогами на голове. Третий привлек особое внимание киммерийца. В лучах заходящего солнца ярко блестел его богато украшенный шлем. С широких плеч ниспадал до земли необычный пятнистый плащ. Одоак, Йильма и Тотила. Одоак казался таким маленьким лишь по той причине, что он стоял рядом с настоящим великаном — королем торманнов. Так вот он, Тотила, человек, с которым Конану предстояло сразиться в поединке.

Тотила сам протрубил сигнал к отступлению Воины начали отходить от крепости. Разочарованные, они злобно кричали и последними словами поносили новую военную тактику, не достойную мужчин. Наверху, на стене, ликовали защитники крепости, выкрикивая вслед отступавшим врагам унизительные и обидные ругательства.

— Мы их разбили! Смотрите! Как побитые псы убегают в лес, поджав хвост! — Зиггайр захохотал и во все горло завопил древний победный клич камбров.

— Лучше отложить празднование победы до завтрашнего дня, — предостерег Конан. — Сейчас мы заставили их отступить. Но в другой раз они уже будут знать, что их ждет. И станут штурмовать более умело. А в третий раз мы уже не сможем отстоять крепость, если только не произойдет какой-нибудь непредвиденный счастливый поворот дела.

— Ты, Конан, всегда все видишь в черном свете, — упрекнул его Зиггайр.

— Я буду веселиться больше всех, но не раньше того часа, когда мы одержим победу.

— Тотила идет, — раздался тут чей-то крик.

Король торманнов шел большими шагами. Одоак едва-едва поспевал за ним. Йильмы с ними не было. Конан улыбнулся. Чем-то Тотила вызывал его восхищение, хотя Конан и старался побороть это чувство. Пусть даже не течет в жилах этого человека голубая кровь, держался он поистине царственно, ничуть не хуже любого другого монарха, а уж их-то Конан повидал на своем веку — на военных парадах, в пурпурных мантиях… Тотила бесстрашно

подошел к самой стене, пренебрегая опасностью быть убитым. Одоак последовал за ним, ему не хотелось опозориться перед своими воинами.

— Королева Альквина! — крикнул Тотила.

— Королева не желает знаться с такими людьми, как вы, — крикнул Конан и плюнул вниз.

Тотила словно пропустил слова наемника мимо ушей.

— Королева Альквина, я желаю поговорить с тобой! — Тотила стоял с таким видом, будто готов ждать тут, под стеной, до конца своих дней. Альквина сделала шаг по направлению к частоколу.

— Как, государыня! Ты унизишься до того, чтобы разговаривать с этими подонками?! — Зиггайр был возмущен. — Да еще теперь, когда мы их отбросили! — Все, кто стоял вокруг, поддержали Зиггайра.

— Выслушай, что он тебе скажет, Альквина, — посоветовал Конан. — Твое отношение к нему от этого не изменится, а мы, может быть, узнаем, как у них обстоят дела. — Кивком головы Конан указал на два войска, ждавшие в отдалении. После штурма крепости воины Тотилы и Одоака снова разделились.

— Ах, Альквина, дорогая моя, вот и ты! — закричал Тотила, увидев королеву. — Как хорошо, что ты здесь Меня чрезвычайно огорчает недоразумение, происшедшее между нашими подданными. И так же огорчен мой королевский собрат Одоак. Но это недоразумение очень легко устранить. Я до сих пор не получил ответа на мое предложение — стать моей женой. Прошу дать мне ответ сейчас. Ты должна учесть, Альквина, что и после нашего бракосочетания ты останешься королевой камбров. И вдобавок получишь моих торманнов.

— А что при этом достанется на долю твоего королевского собрата? — высокомерно спросила Альквина.

— Где мой племянник, где Леовигильд? — подал голос Одоак. — Мы ни разу не виделись с тех пор, как он так неожиданно бежал. Почему его нет с тобой на крепостной стене? Может быть, он скрывается, потому что боится — и недаром! — гнева своего дяди?

— С чего ты взял, что твой племянник может быть здесь, скажи-ка, тунгский бочонок с жиром? — крикнула Альквина.

Камбры захохотали, торманны тоже засмеялись этим словам, хоть и несколько тише. Даже кое-кто из тунгов с трудом удержался от ухмылки. Другие воины Одоака не смели поднять глаз от стыда. Не потому, что их короля оскорбили, а потому, что он вел себя как жалкий попрошайка. Все это Конан отлично подметил.

— Убирайтесь восвояси, оба! — крикнула Альквина. — Я не пойду ни за борова, ни за бандита!

Тотила резко повернулся и с гордо поднятой головой зашагал прочь. При каждом шаге за его спиной вздымался плащ из человеческих скальпов — жуткое напоминание о том, скольких князей и воинов убил этот торманн. Одоак ковылял сзади, вдогонку ему неслись насмешки и хохот камбров.

Альквина сказала тихо, чтобы только Конан мог ее услышать:

— Жаль, что Тотила — такое чудовище. Он превратил бы мой народ в рабов. Не то я вышла бы за него, несмотря на то что он не знатного происхождения.

Конан ухмыльнулся:

— Ну да, ты же сама сказала, что королева должна выбирать себе супруга,

руководствуясь политическими соображениями. А так, конечно, Тотила — настоящий мужчина, этого нельзя не признать.

— Теперь ты увидел его вблизи. Ты все еще думаешь, что сможешь его победить?

Конан взглянул на нее с обидой:

— Я сказал: он настоящий мужчина. Но я — лучше!

— Да что ж это за военные действия? — негодовал Одоак. — Залезать на стены! Будто рабы, вздумавшие пуститься в бега! — Он презрительно сплюнул в костер. — Почему они не выходят из крепости? Почему не вступают в сражение?

— Потому что нас вдвое больше, — объяснил кто-то из старших воинов Одоака.

— Для настоящего мужчины это не основание! — высокомерно возразил Одоак. — Но сильнее всего я разочарован моим племянником. В его жилах течет та же кровь, что и в моих. Ему следовало бы иметь более мужественный дух. Как знать, может быть, когда мой брат был в военном походе, в его постель забрался какой-нибудь конюх. Вот кто отец Леовигильда. Просто позор для всей семьи.

— Я разговаривал с несколькими торманнами, — нерешительно заговорил тут молодой воин. — Они говорят, что знают Леовигильда в лицо. И они видели, что он командовал атакой конников в лесу, когда на торманнов напали камбры.

— В самом деле? Почему же тогда мы не видели его сегодня? Или он боится собственного дяди?

— Я слышал, что он воевал против Тотилы, — продолжал молодой воин, — и что король торманнов его убил. Его считают погибшим.

Одоак удивился. Значит, он заключил союз и поставил при этом условие, которое на самом деле уже выполнено? Значит, Тотила ловко поймал его на приманку, которая и так принадлежала ему, Одоаку? Эта мысль привела его в бешенство. Но ни при каких обстоятельствах он не хотел допустить, чтобы подданные догадались, что их короля обвели вокруг пальца.

— Скорее всего, это был какой-нибудь другой молокосос. У моего племянника не хватило бы мужества воевать против Тотилы.

Прежде чем догорел костер, Тотила нанес визит своему союзнику. С театральной важностью он вышел из тьмы в багровые отблески огня и встал перед Одоаком, высокий и неприступный, как скала.

— Приветствую тебя, Одоак. Сегодня мы по-настоящему не добились успеха. Но мы поздно вышли. Завтра крепость Альквины еще до рассвета будет в наших руках.

— А сама Альквина — в твоих, — недовольно буркнул Одоак.

— Таково наше соглашение. Взамен ты получишь…

— Я прекрасно помню все, о чем мы договорились, — перебил Тотилу Одоак. — Садись, выпей пива.

Короли сидели у костра и, попивая пиво, разговаривали о незначащих пустяках. Взорам тунгов предстала картина полного единодушия доброй дружбы. Но вдруг из темноты к костру шагнула чья-то рослая тень.

— Приветствую тебя, дядя!

Одоак поперхнулся пивом. Лицо его покраснело.

— Леовигильд! Как ты посмел, негодный… — Одоак грузно поднялся и схватил свой меч. Тотила стоял за его спиной. Тунги при внезапном появлении Леовигильда словно оцепенели.

А юноша со смехом вонзил свое копье в брюхо Одоака. Король недоверчиво уставился на древко, которое торчало у него из живота. Потом он разинул рот — но вместо предсмертного крика из него хлынул поток темной крови. Боком повалившись наземь, Одоак испустил дух.

Тунги будто очнулись и с криком бросились на убийцу. Но Тотила оказался проворнее — с молниеносной быстротой он выхватил из ножен меч и рассек голову убийцы Одоака надвое, прежде чем воины подбежали к ним. Юноша упал как подкошенный. Страшный удар так изуродовал его лицо, что никто не мог бы его узнать.

— Должно быть, парень лишился рассудка, если пошел на такое. — Тотила обвел взглядом всех присутствующих: — Итак, ваш король и королевский наследник — оба убиты. На рассвете мы сожжем их тела, оказав покойникам все почести, какие подобают особам королевского рода. Желаете ли вы продолжить поход под моим командованием? Говорите, воины! — Тотила сознательно избегал называть себя их новым королем.

— Мы поклялись в верности Одоаку, а не тебе, — сказал старый воин.

— Но раз так, вы должны были отомстить за его гибель. Или я не прав? — Тотила остался невозмутимым. — А вы этого не сделали. Это сделал я. И что же, вы ничем не обязаны тому, кто отомстил за убийство вашего короля?

Тунги почувствовали стыд при этих словах. События сменяли друг друга слишком стремительно, в подобных обстоятельствах лучше всего было поступать так, как велит старинный обычай, — подчиниться тому, кто отомстил за убийство правителя.

— Да, это верно, — сказал старый воин.

— Тогда следуйте за мной до тех пор, пока мы не разобьем врага. А там уж сядем вместе и поговорим о будущем вашего народа. — Тотила вытер свой меч от крови и вложил его в ножны. И с высоко поднятой головой зашагал прочь от костра.

— Надо ли понимать это так, что теперь Тотила — наш король? — спросил кто-то.

— Об этом надо будет поговорить позднее, — сказал старик и поглядел на два мертвых тела на земле у своих ног. — Что же такое стряслось с юношей? Что заставило его совершить убийство? Одоаку так или иначе жить оставалось недолго. И мы торжественно и радостно возвели бы Леовигильда на престол. Ведь его все любили.

— Наверное, он не вынес позорного союза Одоака и Тотилы, и от ярости разум его помутился, — сказал другой воин.

— Вероятно, нам никогда не узнать правды. — Старик вздохнул. — Но сейчас мы стоим перед выбором. Одоак и Леовигильд были последними отпрысками королевского рода. У нас больше нет короля. Остались только Альквина и Тотила. Но завтра Тотила сделает Альквину своей женой.

Все подавленно молчали. Человек, который в темноте прислушивался к их словам, решил, что узнал достаточно. Конан — в черной одежде, с вымазанным сажей лицом. Бесшумно, как разведчик-пикт, он полз назад. Проделав довольно большое расстояние, он вскочил на ноги и быстро побежал к стене крепости. Там он ловко, словно белка, взобрался наверх по канату и очутился на галерее, где стоял дозорный. Здесь же спали многие воины, на случай, если враг неожиданно нападет на крепость среди ночи.

Конан побежал прямиком к хижине Рерина и рывком распахнул дверь. Старик сидел всецело погруженный в свои колдовские занятия.

— Ты был прав, — сказал Конан. — Сегодня вечером Йильма нанес удар.

— Я знал, я отчетливо это чувствовал!

Конан коротко рассказал волшебнику о событиях, которые произошли в стане врага, и о

том, что удалось подслушать.

— А я-то бился над этой загадкой. Я не знал, каким образом он это сделает, — сказал Рерин. — В бою не многие их увидели бы. Тотила размозжил голову Лжелеовигильда из опасения, что внешнее сходство исчезнет, как только призрак будет убит. Так, значит, у тунгов больше нет короля?

— Есть! Есть у них король. Только они об этом пока не знают.

И оба задумчиво улыбнулись.

Глава пятнадцатая
ВОЙНА ТРЕХ НАРОДОВ

Встав утром, Тотила сразу же, с мыслью о предстоящем сражении, надел панцирь и шлем. Он испытывал чувство глубокого удовлетворения — сегодня он будет пожинать плоды тщательного продуманных предварительных действий. Перепоясавшись мечом, он вышел из шатра и спросил воинов, готовы ли погребальные костры. Один из мужчин показал ему две груды поленьев, сложенные в отдалении у Больших камней.

— Ну так пошли туда и поскорее сожжем оба трупа, — нетерпеливо приказал Тотила. — У нас впереди еще сражение и королевская свадьба.

Тунги уже собрались и ждали, стоя вокруг высоких пирамид из бревен, которые они складывали всю минувшую ночь. Торманны без дела стояли в стороне, опираясь на древки своих копий. Они не выказывали никакого почтения к погибшим. Но обычай требовал, чтобы павшие в бою воины по окончании сражения были сожжены либо, если это возможно, доставлены домой.

В это время к Тотиле подошел Йильма:

— Доволен ли ты моей работой, государь? Тотила милостиво улыбнулся, глядя на своего мага:

— Вполне. А ведь совсем недавно я прямо-таки готов был тебя убить — ты то и дело подводил меня. Но теперь, кажется, все начинает меняться к лучшему.

— Я всегда желал и впредь буду желать моему повелителю только самого лучшего, — льстиво ответил Йильма. В последние дни у него заметно поубавилось высокомерной уверенности в себе. Уж не попал ли он во власть каких-то враждебных сил? Но в этот раз он не подведет, промаха не будет — в этот раз он попадет в цель. Так думал Йильма.

Не теряя времени на долгие речи, Тотила схватил факел и поджег более высокий из погребальных костров. Затем равнодушно сказал:

— Предаю дух моего королевского собрата Одоака вечному покою.

Сопровождаемый недовольным ропотом тунгов, он подошел к меньшей пирамиде. Поведение Тотилы возмутило тунгов. При сожжении тела убитого короля полагалось произносить торжественные речи, которые длились часами. Но тунгов ожидало гораздо большее потрясение.

— Камбры идут! — раздался крик одного из воинов. Все обернулись в ту сторону, где стояла крепость Альквины. Оттуда надвигалось все войско камбров, и впереди шла сама королева.

— Какая наглость! — воскликнул Тотила. Он казался не столько удивленным, сколько негодующим. — Ни один человек, даже в сильнейшем отчаянии, не смеет нарушать ход торжественного предания огню убитых!

— Острия их копий обращены к земле, — сказал старый воин-тунг. — И потом, ведь с ними королева. Может быть, они просто хотят оказать убитым последние почести.

Тотила снисходительно усмехнулся:

— О нет. Они идут, чтобы сдаться нам. Иначе для чего было бы Альквине выступать впереди войска собственной персоной? Ладно, раз так, мы окажем им подобающий прием. — И в сопровождении Йильмы Тотила зашагал навстречу королеве. — Приветствую

тебя, Альквина! — издали крикнул он. — Как хорошо, что ты одумалась и решила положить конец кровопролитию.

— О чем ты говоришь, Тотила? — удивилась Альквина. — Я пришла, чтобы принять участие в прощании с умершими. Как королева, я обязана присутствовать на таких церемониях.

— Особенно когда один из костров предназначается мне! — раздался вдруг чей-то голос.

Изумленный Тотила увидел, как строй камбров разделился надвое и вперед вышли четверо слуг, несших носилки. На носилках лежал Леовигильд. Он был бледен, голова и грудь перевязаны, но это был он. Вне всякого сомнения — это был он. Тунги глядели на него во все глаза. Разве можно в такое поверить? Но затем поднялся громкий крик ликования. Тунги бросились к носилкам. А Леовигильд поднял руку и показал на Йильму:

— Этот колдун сотворил призрака, которому придал сходство со мной. Одоака убил призрак, а не я!

Тотила мгновенно выхватил меч из ножен. Не успел Йильма и опомниться, как меч короля рассек его плечо и разрубил туловище до самого пояса. Тотила уперся ногой в грудь Йильмы, послышался последний предсмертный хрип колдуна, и Тотила выдернул меч. Обернувшись к Альквине, он сказал.

— Вот так я караю подлецов! Будь уверена — я ничего не знал о его кознях. Я был убежден, что уже отомстил за убийство Одоака. Но лишь теперь, — он указал на труп Йильмы, — я сделал это.

Альквина насмешливо поджала губы:

— Ты поистине человек быстрых решений. Но сейчас это качество тебе не поможет, Тотила. Воины больше не пойдут за командиром, в котором столько лживости и подлости!

Как бы в подтверждение ее слов тунги отошли от торманнов и смешались с камбрами.

С лица Тотилы исчезло фальшивое приветливое выражение, и он холодно сказал:

— Они последуют за настоящим королем, если другого не будет в живых! — Он двинулся по направлению к Альквине и Леовигильду. Но тут на его пути как из-под земли вырос черноволосый воин с обнаженным мечом в руке.

— Вот и пришло время нам познакомиться, — сказал Конан

— Согласен. Я уже давно заметил, что на моем плаще не хватает скальпа с черными волосами. Вот если ты сумеешь развлечь меня в течение двух-трех ближайших минут, твой скальп удостоится чести украсить мой плащ. — Тотила сбросил с плеч свой страшный плащ. Его подхватил слуга, другой слуга подал Тотиле щит. Стоящие вокруг расступились, освобождая пространство для поединка. Все были взволнованы и возбуждены — сейчас им представится редкое зрелище!

Король и Конан, оба с поднятыми к груди щитами, осторожно подбирались один к другому. Первым пошел в наступление Тотила. Он нанес удар в горизонтальной плоскости, метя в голову Конана. Тот не прикрылся щитом, а вместо этого быстро пригнулся и выбросил вперед руку с мечом. Конан рассчитал так, чтобы удар не задел Тотилу, а лишь заставил его поспешно опустить щит. И тут же молниеносным ударом он поразил незащищенный бок. Но и Тотила был быстр — в последнюю долю секунды он успел отбить удар.

Раздался общий восхищенный крик. Все были в восторге от невиданной ловкости и умения обоих противников, все изумлялись их поразительной быстроте и сверхчеловеческой силе. Обычно после первого обмена ударами противники расходились в стороны, а потом

снова сходились. Но не таковы были эти двое. Их мечи с невероятной быстротой мелькали в воздухе, каждый стремился поразить врага в голову, в бок, ногу, плечо, опять в голову; металл звенел, мечи ударяли по щиту, шлему, панцирю. Они бились так искусно, что ни тот ни другой еще ни разу не ранил противника, все удары встречали то панцирь, то щит, то клинок меча.

Казалось невероятным, что два смертных человека долгое время могут выдержать такой темп. Но вот уже и солнце высоко поднялось, а поединок все продолжался, оба противника наносили беспощадные удары по уже изрядно помятым и поврежденным щитам и доспехам. Они наступали с яростью и безжалостной злобой двух самцов хищников, которые дерутся за обладание самкой. Ни тот ни другой из них не прекратит поединка, пока его враг не упадет мертвым на землю.

Но, в конце концов, оба они были лишь смертными. Атаки происходили уже не с той изумительной точностью, что в начале, защита была уже не такой четкой и быстрой. Оба почти одинаково рослых бойца обливались потом, их груди ходили ходуном, как кузнечные мехи. Из мелких ран на ногах и руках сочилась кровь.

Наконец они разошлись — в первый раз за весь поединок. Зрителям могло показаться, что они дали себе передышку перед новым длительным боем. Но Тотиле и Конану было ясно, что это не так. Оба они одинаково устали. Рука с мечом устает быстрее, чем та, что держит щит. Еще один, два, от силы три удара — и исход поединка будет решен.

— Благодарю за отличный бой, киммериец, — сказал Тотила. — Чем бы он ни закончился, его не скоро забудут.

— Ты молодец, Тотила, — отвечал Конан. — Тебе следовало бы остаться воином, а не добиваться королевской власти.

— Если человек убежден, что его тело отмечено печатью величия, он должен идти дорогой королей. Но хватит, пора кончать наш поединок.

Тотила снова поднял щит. Над его краем были видны только глаза короля. Он с воинственным кличем бросился вперед. Конан молча начал контратаку. От крови, которая натекла из раны на его бедре, земля стала скользкой. Конан поскользнулся и едва не упал. Этим воспользовался Тотила — он размахнулся для мощного удара. И на ширину пальца, не больше, опустил свой щит. Этого киммерийцу было достаточно.

Конан уже восстановил равновесие и применил — впервые в этом бою — удар концом меча. Он вложил в него всю силу, которая у него еще оставалась. Острие меча прошло сквозь разинутый в воинственном крике рот, вышибло зубы, пробив череп, вышло на две ладони над блестящим бронзовым шлемом Тотилы. Конан выдернул клинок. Какое-то мгновение могучее тело короля торманнов еще держалось на ногах. Затем Тотила, как подрубленное дерево, рухнул на землю.

Конан повернулся к торманнам:

— Кто хочет последовать за своим королем в королевство ночи?

Торманны, еще час назад такие уверенные в себе, были совершенно подавлены. Потеряв короля, они были в чужой стране, среди врагов, которые численностью значительно их превосходили. Через некоторое время из толпы вышел старый воин, тот самый, что минувшей ночью говорил от имени торманнов. Он подошел к Альквине и сказал:

— Королева камбров! Наш король не происходил из древнего знатного рода. Наследника он не оставил. Если камбры и тунги соединятся, то и торманны готовы примкнуть к этому союзу, при условии, что с нами будут обращаться как с равными.

Альквина оглянулась на Леовигильда. Тот кивнул. Тогда она сказала старому воину:

— Пусть будет так!

Присяга на верность у северян не сопровождалась пышными церемониями. Альквина указала на труп Тотилы:

— Бросьте эти останки в костер, который предназначался для тела Леовигильда. Тотила не был настоящим королем.

— Нет! — крикнул Конан. — Возведите для него другой погребальный костер, и пусть он будет выше, чем костер Одоака. Этот человек был настоящим королем. Если придется, я готов сам таскать дрова, клянусь Кромом!

Альквина задумчиво взглянула на него и согласилась:

— Хорошо. Делайте как говорит сильнейший из моих воинов. Сожгите Тотилу вместе с мечом, мантией и шлемом.

Торговец Давас как раз собирался сделать в бумагах отметку о получении судового груза, когда вдруг увидел перед собой знакомую фигуру. Эту черную гриву, развеваемую сейчас легким морским бризом, он узнает мгновенно даже на большом расстоянии.

— Конан! — крикнул Давас и замахал рукой. Потом он бросил свои бумаги и побежал навстречу киммерийцу. На Конане уже не было бронзовых боевых доспехов. На его руках блестело несколько широких золотых браслетов, украшенных драгоценными камнями. У пояса висел длинный меч аквилонской работы.

— Привет тебе, Давас! — сказал Конан. — Когда отходит корабль на Юг?

— Завтра утром, как только выправим бумаги и погрузим мой товар на судно. Ну, как же ты путешествовал? Понравилось тебе на Севере?

— Зима прошла совсем неплохо. Вовсе не так скучно, как я вначале думал. — Конан ухмыльнулся: — А что, привез ли этот корабль доброго южного вина?

— Привез! Туранского, самого лучшего. Ну, давай рассказывай. Ты, должно быть, совершил множество подвигов, раз вернулся с такими прекрасными золотыми украшениями.

Перед домом Конан остановился:

— Давай сперва попробуем вина. Потом я все тебе расскажу. Хотя ничего особенно выдающегося и не было. Случались в моей жизни и более бурные зимы.

И оба они вошли в дом.